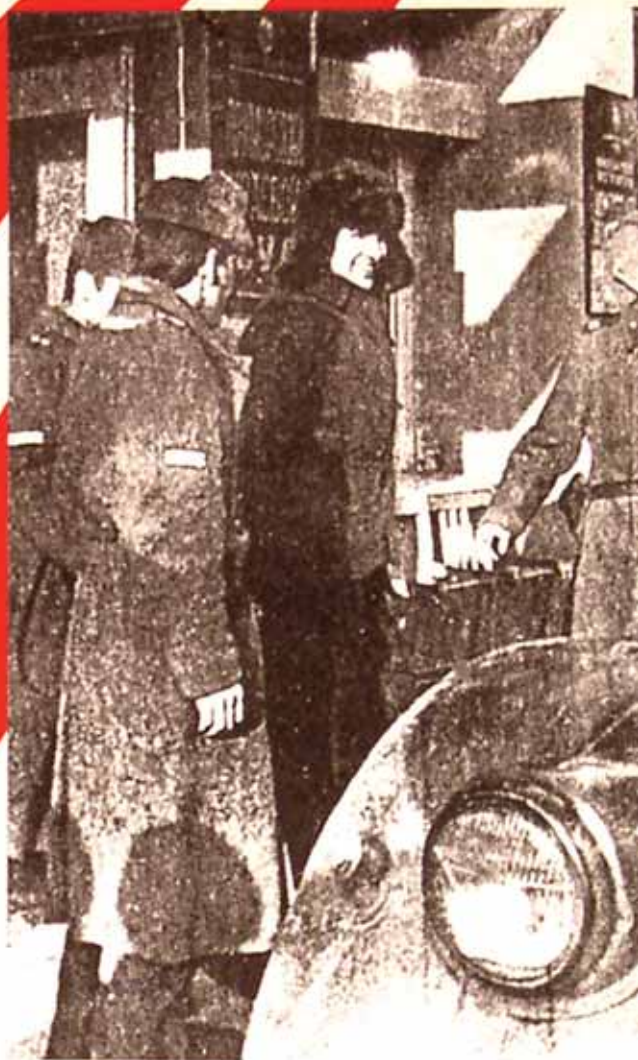

Борис Перчаткин

Документальная повесть о жесточайшей тирании XX столетия

ОГНЕННЫЕ ТРОПЫ

Copyright © 1999 Boris Perchatkin

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the author.

**Все права на содержание книги принадлежат
Борису Перчаткину и охраняются законом.**

**Воспроизведение в любой форме, любым способом,
а также передача третьим лицам в печатном или
электронном виде ЗАПРЕЩЕНЫ.**

Эта книга посвящается моему дорогому сыну Олегу,
пилоту, погибшему в авиакатастрофе.

Глава 1 Слуга сатаны

Ты в наших руках, и твой Бог тебе не поможет. Ты веришь в Бога, а я верю и служу сатане. Да, да, я действительно служу сатане. Посмотри вокруг, посмотри, что делается в мире, везде и во всем ты увидишь победу сатаны. Понятия зло и добро - понятия относительные, это с какой стороны смотреть. То, что ты считаешь добром, в действительной жизни оказывается злом, и наоборот. Поэтому, за кем, победа, за тем, и истина, и понятие истины будет за победителем. Где ты видел, чтобы добро, в том виде как ты его понимаешь, победило в мире зло? Да и зло в твоём представлении неверно, в жизни зло всегда становится добром и правдой. Посмотри на карту, и он показал мне на карту мира, висящую на стене напротив меня, - не очень давно мы были маленькой точкой на карте, а сейчас пол мира красного, и мы движемся, и никакой Бог нас остановить не может. А если бы мы были неправы, если бы сатана не был с нами, имели бы мы такой успех? Он взял ручку и, как учитель географии, стал показывать мне:

- Смотри, как мы двигались и изгоняли Бога, - его ручка заскользила по карте, - везде, где мы прошли, мы изгнали Бога, так что сатана сильнее Бога, и я служу этой силе. Во время разговора он вставал, садился, и его гипнотизирующие глаза ни на секунду не отрывались от меня.

Я посмотрел в глаза следователю и подумал, что сам сатана говорит со мной.

- Кто вы? - спросил я.

- Полковник Истомин, следователь по особо важным делам, политический отдел КГБ. Да, кстати, я вел дела Сергея Ковалева (ученый-генетик, осужденный в 1975 году за правозащитную деятельность. После падения коммунизма был председателем Комитета по правам человека Парламента России - Государственной Думы), Александра Гинзбурга (Один из первых диссидентов в Советском Союзе, трижды осужденный за антисоветскую деятельность. В 1979 году, Гинзбург и баптистский пастор Георгий Винс были обменены на советских шпионов Энгера и Черняева. После обмена работал редактором парижской газеты "Русская мысль"). И многих других твоих единомышленников. Надеюсь, ты обо мне слышал и понимаешь, что я приехал из Москвы не просто на тебя посмотреть.

Я, конечно, слышал, кто такой полковник Истомин и не ожидал, что КГБ придает моему делу такое значение, но понял, что ломать меня будут беспощадно.

Два предыдущих месяца следствия под руководством подполковника Кузьмина, две пытки химическим раствором и десятки часов проведенных в "стаканах" - ничто по сравнению с тем, что меня ждет. Истомин прервал мои размышления:

- Ну, а теперь, ближе к делу. Нас интересует, как и через кого ты передавал информацию за границу?

- Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

- Знаком ли тебе американский дипломат Роберт Прингл, которого выслали из СССР как агента ЦРУ?

- С агентами ЦРУ я не знаком, естественно, никакой информации им передавать не мог, да и ЦРУ отношения к религии в СССР не имеет.

- Об информации мы поговорим позже. Я тебе все представляю, что ты передавал за границу, а сейчас меня интересует, как ты познакомился с Принглом, при каких обстоятельствах? Передавал ли через него информацию? Какую информацию и как?

- Кого знаю из дипломатов, не считаю нужным объяснять вам.

- Это не ответ. Мне нужен ответ: да или нет. - Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. - Хорошо, пойдем дальше. Что тебе известно про американских дипломатов - Хадсона и Джо Прэсэла?

- Отвечай быстро, не думай, не думай!

- Отказываюсь отвечать.

- Тогда я тебя загружу еще, чтобы прочистить мозги. Нам известно, что ты вошел в преступный контакт с ответственным работником КГБ и получал от него оперативную информацию государственной важности. При твоих связях с иностранными дипломатами и при той информации, какую ты мог получать и передавать, что за это бывает, тебе объяснять не надо, так что разгружайся. Чистосердечное признание и сотрудничество со

следствием смягчает вину. Надеюсь, ты понял, что мы знаем каждый твой шаг, но даем тебе шанс раскаяться и добровольно все рассказать. Имей в виду, от меня много зависит. На сегодня хватит. У тебя есть, о чем подумать.

В дверях появился уже знакомый конвой - два прапорщика КГБ. Один молодой, лет двадцати восьми, небольшого роста, но могучего телосложения. Второй, худощавый старик, среднего роста, с лицом болезненного вида, но оба, как будто похожи чем-то. Имен их я так и не узнал - не положено.

- Руки назад, за спину! Не поворачиваться! Не разговаривать! Шаг вправо, шаг влево, считаю побег! Стреляю без предупреждения! - скомандовал старик, и мы двинулись по коридору тюрьмы КГБ города Владивостока.

Мы шли по коридору, в котором направо и налево находились следственные кабинеты. На некоторых из них висели таблички: "Не стучать! Не входить! Ведется дознание иностранного агента!". В этих кабинетах допрашивали китайских перебежчиков. После следственных кабинетов, по правую сторону начинались отсеки с камерами. Пока идешь по коридору нет ощущения, что ты находишься в тюрьме, только присутствие конвоя напоминает об этом и только свернув в отсек начинаешь чувствовать, что ты в тюрьме. По левой стороне, четыре камеры-одиночки. Сколько было отсеков с камерами дальше я так и не узнал. В тюрьме КГБ я был всегда в одном и том же отсеке и в одной и той же камере номер 3.

Это было помещение два на три метра и высотой около двух с половиной метров. Под самым потолком окно такого размера, чтобы в него не мог пролезть человек. Стекло матового цвета, с вплавленной проволочной решеткой. Я всегда удивлялся: зачем вообще нужно такое окно, все равно через него ничего не увидишь, и через него почти не проникал свет.

Камеры КГБ отличаются высокой изоляцией от внешнего мира. Тишина такая, что аж в ушах звенит. И ты никогда не знаешь, есть ли кто в соседней камере или нет.

Я лег на нары и стал вспоминать.

Глава 2 Владивостокская тюрьма

Рано утром 18 августа 1980 года я шел на работу. Агенты КГБ окружили меня полуколем - слева, справа, сзади. Я не мог повернуть ни назад, ни в сторону. Я был, как загнанный олень, которого гонят охотничьи собаки только вперед, только на охотника, только на выстрел. И я шел вперед. Откуда-то сбоку неожиданно выскочила машина, резко остановилась рядом со мной. Из нее выскочили три человека. Один из них сунул мне в лицо какую-то бумагу и сказал: "Ваша деятельность закончена. Вы арестованы".

Везли меня во Владивосток спецконвоем, сто пятьдесят километров в тюремной машине. Везли, как зверя в

стальной клетке. Клетка на одного человека. Усиленный конвой, три офицера. Пистолеты у всех наготове. Конвой, как для особо опасного преступника. На этот раз бежать невозможно.

Я с тоской смотрю из клетки в маленькую щель. До боли знакомые пейзажи пролетают передо мной. Проезжаем бухту, наполненную торговыми судами. Сколько раз я проезжал по этой дороге, сколько раз проходил по ней, сколько раз смотрел на эту бухту... Бухта кончилась, машина вылетает за город, город в котором осталась моя семья, - и я сразу почувствовал, как оборвалось и застыло время. Теперь с прошлым меня будут связывать только воспоминания. Для меня началась новая жизнь, начался отсчет нового времени. Волей Бога я поставлен на неведомую тропу, которую еще не знаю. Как хочется знать, какой длины эта тропа?

К тюремным воротам подъехали вечером. Начальник конвоя о чем-то переговаривал с охраной. Огромные, глухие железные ворота раздвинулись. Перед нами оказались вторые, такие же ворота. Как только машина въехала, ворота с лязгом захлопнулись.

Передо мной Владивостокская тюрьма, два огромных шестизэтажных корпуса, соединенных между собой переходами. Здания из красного кирпича. Вместо окон какие-то нелепые сооружения из полос железа, наподобие жалюзи. Сверху эти жалюзи были закрыты еще какими-то ящиками из стальной решетки.

Тюрьма произвела на меня жуткое впечатление. Она была похожа на саркофаг, хранящий не только тела, но и души человеческие. Ничего не должно проскользнуть ни туда, ни оттуда.

В этой тюрьме, сорок семь лет назад, сидел мой дед, баптистский пастор, осужденный за организацию собраний. Где-то здесь он сложил свою голову.

Раньше от своей бабушки я слышал, что в то время на окнах тюрьмы были обыкновенные решетки, и что она с улицы могла видеть деда, могла что-нибудь ему крикнуть.

Я смотрел на тюрьму и думал: "Сколько же людей здесь стояли, как я сейчас, сколько их приняла эта тюрьма и для скольких она оказалась последним местом".

Было видно, что ненасытное чрево тюрьмы было расширено недавно. Два верхних этажа были свежей постройки. Вдалеке тюремного двора, в стороне от правого корпуса, в свете прожекторов, велась еще какая-то стройка. За всем этим стоял кирпичный забор, метров шесть высотой, на углах каменные вышки с автоматчиками.

Тюрьма - идол власти, их бог, которому приносятся постоянные жертвы. Она готова была поглотить очередную жертву - меня.

Я очнулся от удара в спину стволом автомата: "Чего рот раскрыл? Еще налюбуйся тюрьмой, не на курорт попал".

Меня завели на вахту - в комнату, где оформляют прием заключенных. За перегородкой сидели три человека в военной

форме. Посередине сидел подполковник, явно кавказского происхождения. Потом мне пришлось узнать, что этому чеченцу мучить людей было в удовольствие. Сегодня он был дежурным помощником начальника тюрьмы и принимал этапы.

Начальник конвоя подал ему мое дело. Но чеченец уже ждал меня. Он спокойно, не повышая голоса, сказал: "Что ты, дорогой? Своровал бы что-нибудь, в крайнем случае, убил бы кого-нибудь, уважаемым человеком был бы здесь, а с такой статьей плохо тебе придется". И так же спокойно сказал сержанту: "В клоповник его".

Глава 3 Клоповник

Клоповником называли 95-ую камеру, размером три с половиной на два метра. По бокам камеры, двое двухъярусных нар из досок. Стены камеры забросаны цементной штукатуркой.

В камере уже было человек восемнадцать. Мне сразу бросилось в глаза, что никто не лежит на нарах. Я поздоровался, но на меня никто не обратил внимания, каждый был занят собой. Кто был арестован несколько дней назад, кто - несколько часов. И никто из них еще не пришел в себя от шока после ареста.

Я обратил внимание на молодого парня, лет двадцати двух. С ним можно поговорить, подумал я. Он сидел на корточках, не прислоняясь к стене. Я тоже подсел к нему.

- Откуда, друг?
- Из Находки.
- Давно здесь?
- С утра.

Я увидел, что парень оживился, когда я заговорил с ним.

- Жена у меня и ребенок остались на воле. Дочке моей всего полгода. Как они там сейчас будут? Мне трешник, как пить дать, влепят.

- А за что тебя?

- 88-ая статья у меня, незаконная валютная операция. В ресторане на морском вокзале я работал официантом.

- А почему эту камеру клоповником называют?

- Да, здесь же вся камера в клопах, видишь, никто не спит на нарах. Кругом клопы, во всех щелях, в стенах, в нарах. Скоро ты почувствуешь.

- А сколько сидеть в этом клоповнике?

- Вроде три дня, а потом, говорят, еще хуже будет, каберне будут делать для устрашения.

- А что это такое?

- Сам не знаю, просто его все боятся, слух такой ходит.

Тут я почувствовал, что что-то упало мне на плечо. По плечу бежал клоп, размером с ноготь мизинца. Я брезгливо сбил его щелчком. На меня смотрел какой-то беззубый старик. Было видно, что он не первый раз здесь. "Из интеллигентов, наверное? - спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: "Парашютисты" прыгать начали". Он имел в виду клопов. Я

посмотрел на потолок. По потолку бегали клопы. Намечая жертву, они удивительно точно падали вниз.

К утру, некоторые заключенные не выдерживали сидеть на корточках или стоять, ложились на нары, но через несколько минут подскакивали, чесались, матерились, снова ложились, снова подскакивали. Некоторые оставляли эту затею, снова садились на корточки, не прислоняясь к стене, клопы тут же могут атаковать. Другие пытались посидеть на нарах, потом лечь, но тоже вставали. И только беззубый старик лег, заложил руки за голову и спокойно поучал: "Что клоп? Клоп, это ничего. Ну, попьет немножко крови, да и убежит, почешешься день после этого и забудешь, а вот менты всю жизнь кровь сосут. Попал сюда, всю кровь выпьют, и выйдешь отсюда, они тебя забывать не будут, так и будут рыскать за тобой, чтобы снова, сюда. Вот это, клопы! А то разве клопы? И то, клопы не каждого трогают. Он подбежит, куснет тебя, кровь не понравится, он убежит и другим скажет, кусать тебя уже не будут".

Душно, жарко в клоповнике. Одежда прилипает к потному телу. Ноги гудят от постоянной нагрузки, от постоянного стояния или сидения на корточках. Сквозь жалюзи залетают тучи мух зеленых, жирных, отвратительных. Они роятся перед потным лицом, норовят сесть на лицо, на руки. Постоянно приходится отмахиваться от них. О еде совершенно не думаешь, только нестерпимо хочется пить, а воды нет. На второй день, к вечеру, некоторые заключенные стали стучать в

дверь, воды требовать. На шум надзиратель прибежал. Дубаками их называют заключенные.

Открылась кормушка, маленькое окошко посреди двери, через которое подают еду.

- Что надо? Что тюрьме спать не даете, чего шумите?

- Вторые сутки воды нет, жарко, пить хотим.

- А кружки есть у вас?

- Да, есть несколько кружек. Заключенные стали доставать кружки.

- Да нет, нет, одну только, я же не верблюд, воды много не пью. Мой мочевого пузырь только на одну кружку рассчитан.

В камере стояла тишина, но после слов дубака все заорали, а дубак быстро захлопнул кормушку. Заключенные стали кричать еще громче, и еще сильнее стучать в дверь. Только старик не поднялся с места и сказал: "Сейчас их подмолаживать придут".

В это время кормушка снова открылась, и в ней показалась чья-то рука с остроконечной проволокой. Такой проволокой прокалывают матрацы, когда делают обыски в камере. Рука потыкала проволокой в разные стороны, потом исчезла, и в кормушке показалась широкая морда дубака-бурята, с узкими, как щели, глазами, и с носом почти без переносицы. "Я вас напою сейчас!" - закричал он.

Через минуту дверь камеры открылась. В дверях стояли четверо. Дубак обвел глазами заключенных. Его взгляд

остановился на мне. "Что-то рожа у тебя сильно интеллигентная. Ты за что сюда попал?".

Я назвал статьи, по которым меня обвиняли. "Какие-то статьи у тебя странные". Он что-то вспоминал, вспоминал, потом показал своей проволокой на старика и на меня. "Вы оставайтесь здесь, а остальные, быстро, по одному, на коридор".

В коридоре стояли четверо дубаков с железными прутьями. Всем сразу расхотелось пить.

Глава 4 Танцевальный зал

Просидел я в клоповнике три дня, а на четвертый нас всех вывели в коридор. Соседние камеры тоже открывались, из них тоже выводили заключенных. Всех набралось человек шестьдесят. Всех пересчитали и повели куда-то по подземным переходам. Подземный переход упирался в большой зал.

Зал был прямоугольный, большой, метров пятнадцать длиной и метров семь шириной. Почти посередине зала была низкая длинная скамейка, основание которой было влито в бетонный пол. Около этой скамейки стояли два тюремных парикмахера из уголовников. В левом углу зала стояли три дубака с ведром. В ведро была опущена палка.

Когда мы все уже стояли в зале, один из дубаков стал объяснять: "Сейчас вас всех будут подстригать, вы не должны

иметь волос. Но прежде, чем вас подстригут, вам всем сделают дезинфекцию".

Все загудели, видно многие знали, что это такое. "Вас будут подстригать, продолжал дубак - только после того, как вас намажут этим божественным раствором. Сам бы намазался, но вам не хватит - стал шутить дубак. А теперь всем раздеваться! - заорал он, - пока всех не намажут, никто в душ не пойдет. Чем быстрее намажетесь, тем быстрее - в душ. От вас будет зависеть, сколько вам придется танцевать в этом зале".

Заключенные разделись. Я не видел, как подходили первые, я был в середине, но когда дошла моя очередь, то уже с десятков заключенных кричали и корчились, сидя на лавках, когда их по очереди подстригали.

Дошла очередь до меня. - На каком основании вы это делаете? - спросил я, - почему вы мучаете людей?

- По закону вы не имеете права подстригать до утверждения приговора, а я еще под следствием нахожусь, - сказал я. Начальник бани, не глядя на меня, крикнул:

- Тут какой-то дурак, добавьте ему еще. Ко мне подбежал дубак, и стал мне мазать спину и шею. Почти сразу после того, как меня намазали, я ощутил холод, постепенно этот холод переходил в нестерпимое жжение, через две-три минуты мне казалось, что мое тело разрывают на клочья. Эта боль наполняла меня всего, она растекалась по всему телу, заполняла собой сознание. Сознание работало только на то, чтобы освободиться от этой боли.

Я старался сохранить достоинство, пытался не кричать, у меня перехватывало воздух, но невольно из груди вырывался стон. Во время этой процедуры, зашли еще несколько дубаков с дубинками и с собаками.

Меня, уже плохо соображавшего, подстригали, а перед глазами мелькали голые люди, которые корчились, приседали, прыгали и кричали. Около меня беззубый старик упал в обморок, видно слабое сердце.

Справа от дубаков, которые намазывали заключенных, открылась дверь. Кое-кто увидел, что там работают душевые и ринулись туда, сбивая с ног тех, кто попадался. Через десяток секунд за ними уже бежали другие. Около двери образовалась живая пробка. Дверь была узкая, а желающих проскочить в нее, было много. Сильные сбивали слабых, бежали по ним, некоторые ползли. Это была страшная картина.

Я тоже очутился в душевой. Как только первые заключенные забежали под душ, воду отключили, а когда забежали почти все, вода текла только одной струей. Люди опять ринулись под эту струю, сбивая и топча друг друга, и этим только мешая друг другу.

А в это время в дверях душевой комнаты стояли дубаки и смеялись. Им было очень весело. И, наконец, снова включили воду. Люди стали смывать этот раствор и приходить в себя. Упавшего в обморок заключенного, дубаки сами обмыли со шланга.

Это и было каберне. Еще трое суток после него я чувствовал боль, уже не в такой степени, но боль оставалась внутри. Через несколько дней моя кожа стала облезать. После каберне всех развели по старым камерам. Я снова оказался в клоповнике, но там пробыл недолго.

Маленькими группами, по пять-шесть человек, нас вызвали и повели на медкомиссию. Сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, и снова в клоповник. И только к вечеру этого дня нас стали разводить по камерам.

Глава 5 Тюремные уроки

Я попал в камеру первого корпуса, номер 53. Перед тем, как войти в камеру, мне вручили матрац. Ни одеяла, ни простыни не дали. А матрац был такой, что, как говорят в тюрьме, сто человек на нем умерло. Это было подобие матраца, грязный мешок, набитый то ли ватой, то ли ветошью. Чтобы лечь на такой матрац, нужно было равномерно расправить эту вату, или ветошь. "Может, мой дед спал когда-то на этом матраце?", - подумал я.

И так, когда я перешагнул порог камеры номер 53, в ней не было никого. Камера была на четыре человека, обычная. По бокам стояли двое двухъярусных нар. Справа от двери находилась так называемая параша, импровизированный туалет. Это была тумба высотой, примерно сантиметров

сорок. Такая же она была и по длине, и по ширине. В середине этой тумбы было отверстие. Его диаметр был, примерно, пять, семь сантиметров. К этому отверстию подходила труба с краном. Все открытое, не загороженное. Заключенные у всех на виду заходили на эту тумбу по нужде, предварительно открывая кран в трубе.

Когда я стоял в дверях камеры, завели еще одного заключенного. Оказалось, завели его с прогулки. Он вошел, за ним захлопнулась дверь.

- Здорово, - сказал он мне, - откуда: с этапа или местный?

- С этапа.

- А откуда?

- Из Находки.

Он протянул мне руку.

- Меня зовут Борис.

- О, меня, тоже Борис, - сказал я, пожимая его руку.

Мой новый знакомый был невысокого роста, худой. Лицо у него было землистого цвета. "Мало на воздухе бывает", - подумал я.

- За что здесь?

- 190-ая и 70-ая, - назвал я статьи, но они ему ни о чем не говорили. Он не знал их.

- Первый раз попал?

- Первый.

- А я, второй, а таких статей что-то не слыхал. Я коротко рассказал ему о себе.

- Ну, и гонишь ты кучно. Придумал бы что-нибудь попроще.

- Как понять "гонишь кучно"?

- Ну, легенды придумываешь для себя. В наше время это невозможно, что ты говоришь. Да и верующие в наше время, одни бабки да деды, молодых я и не встречал. Значит в первый раз, говоришь, здесь? Тогда я тебе экскурсию по хате сделаю, а то попадет такой интеллигент в общую хату, где человек пятьдесят, не знает ничего, за себя постоять не может. Братва это видит сразу, тут же стараются на чем-нибудь поймать, на крайний случай, чушкой сделать.

- Как это "чушкой сделать"?

- Ну как... чушка под нарами спит, носки в камере всем стирает, а потом весь день у трона стоит со шваброй, всех с облегчением поздравляет, а неприятный воздух шваброй разгоняет. Песни поет для братвы. Вот это, - продолжал он, подводя меня к туалету, - "трон". Чтобы им пользоваться, надо знать правила. Первое, что ты должен сделать, если хочешь идти на трон, это убедиться, что никто не ест, и на тумбочке нет никаких продуктов. Когда ты в этом убедишься, предупреди всех, что на трон пойдешь, чтобы продукты никто не доставал. Второе правило: если идешь на трон, сделай бумажный факел, подойди к трону, открой воду, зажигай факел. И не вздумай промахнуться мимо дыры. Правда, для этого сноровка нужна, но старайся. Факел освежителем воздуха служит и помогает. Руки после туалета здесь моют, он показал на раковину напротив туалета.

В тюрьме ты должен стричь ушами и глазами, иначе пропадешь. Ты должен слышать, о чем говорят дубаки на коридоре. Должен слышать все стуки, которые будут раздаваться слева или справа, снизу или сверху, отовсюду. Ты чувствовать в тюрьме жизнь должен. По тюрьме ходят "кони". Без "коней" здесь, гибель. Услышишь стук в потолке, прими "коня". Услышишь стук три раза, значит конь не твой, дай ему дорогу.

- Я ничего не понял: какие "кони", какие "дороги"? Он покачал головой.

- Такой чепухи ты не знаешь.

Он подошел к окну, пошарил рукой по подоконнику и вытащил оттуда что-то. Протянул на ладони гвоздь с намотанной на нем ниткой.

- Это и есть "конь".

- А как же им пользоваться?

- Я покажу тебе. Такие "кони" ходят по всей тюрьме. Если попал тебе "конь" в твою хату, а мы сидим в пятьдесят третьей, а нужно передать в другой корпус, допустим, в трехсотую, первое, что ты должен сделать, прикатать дубака и Дурова.

- Какого "Дурова", и как "прикатать"?

- Ты что, Дурова не знаешь, укротителя зверей? Мы, звери, а кормят нас Дуровы. Дуровы, это те, кто баланду разносят. Они по всем этажам ходят. А "прикатывать", значит быть в хороших отношениях с ними, или чтобы они были зависимы от тебя.

- Как они могут быть зависимы в тюрьме?

- Первое знай, что в тюрьме все преступники, и кто арестован, и те, кто нас охраняет. Здесь продается все. Это большой базар. Вот, к примеру, смотри, - он полез под раковину для слива воды, достал оттуда полиэтиленовый пакет, - смотри, в тюрьме чай не положено, а у меня есть чай. За чай здесь пятнадцать суток карцера дают, а ты думаешь, кто мне его принес? Дубак же и принес. Если у него много чая, он дает "Дурову", тот продает.

- А как покупать, если у тебя денег нет? Деньги-то все на вахте отбирают.

- Э-э, друг, да ты, оказывается, ничего не знаешь. Если у тебя есть родственники или друзья, которые хотят помочь тебе, ты пишешь им письмо и отправляешь его через дубака нелегально. Дубак дает тебе адрес, на который твои должны послать тебе деньги. Отправят тебе твои, ну допустим, 500 рублей, половину из них дубак себе берет, а остальные тебе приносит. А потом будет продавать тебе или у другого можешь покупать. Предположим, пачка чая стоит 70 копеек, или один рубль, тебе он продает за 10 рублей. Или, предположим, бутылка водки стоит 5 рублей, он продает за 50.

- А что разве и водку они продают?

- Здесь еще не то продают.

Он достал пачку папирос, вытащил одну.

- Ты знаешь, что это такое?

- Я не курю, не знаю.

- Это наркотик, гашиш, который курят. И стоит такая папироска 5 рублей. Вот видишь, так "Дуров" от тебя зависит. Ты - от них, они - от тебя. Но не каждому дубаку доверяй, и он не каждому доверяет. Здесь все друг друга сдают. Один и тот же дубак в одной хате будет продавать чай, анашу, водку, а в другой хате будет обыск делать, отбирать все. В той хате, в которую он продал, он отбирать не будет. Это - железный закон.

И другой способ продажи есть. Только приходишь ты на вахту в тюрьму, дубаки уже всю одежду на тебе оценивают, что на тебе есть. Бывает человек одет очень хорошо. Взяли, например, его в гости, или в кинотеатре, особенно зимой. Смотришь, а на нем одето тысячи две-три: дубленочка, шапка дорогая из соболя или из норки, ботинки и костюм импортные, или свитер дорогой. У кого зубы золотые, такому место с вахты сразу определено в камеру лохмачей.

- Кто это такие?

- Лохмачи что ли?

- Ну да.

- Здесь есть разные камеры. Есть камеры для лохмачей. Это - уголовники, которые хотят здесь легко прожить. В такую камеру и направляют тех, кто слишком хорошо одет.

- А что, они их там раздевают?

- Ну зачем раздевают, раздевать некультурно. Лохмачи раздевают технически. Делается это очень просто. Играют лохмачи между собой в шашки, в домино, в карты, во что

угодно, лишь бы играть. Играют, играют, и он не выдержит, присядет сыграть с ними. Лохмачи ему специально проигрывают, а когда проигрывают, говорят, что они под интерес играют. Специально проиграют ему сигарету, потом спички. Тот в азарт входит, радуется уже и забывает, что в тюрьму попал. Тогда и начинают они свое искусство показывать. Один играет, а все смотрят, и все знаками своему показывают. Выиграть бесполезно у них, да и карты у них меченые. Вот тут они и начинают его раздевать.

Проиграет он всю одежду, играть ему уже не на что, а он отыгаться хочет. Начинают на присядки играть. Один раз проиграл, 50 раз присядь. Можешь в долг играть, потом присядешь или отыграешься. Проиграет тот несколько тысяч присядок, ему говорят: "Сначала это присядь, а потом дальше играть будем".

Он с ними торговаться начинает, за какое время присесть. Ему говорят, что за день, хотя знают, что ни один спортсмен столько раз не сможет присесть, да еще и без тренировки. Он приседает до тех пор, пока уже подняться не может. А его подгоняют: "Давай, давай!". Он уже не в состоянии не только приседать, но на ногах стоять. Тогда он сам начинает умолять: "Может я чем другим расплачусь?". Тогда ему предлагают, что если у него есть коронки золотые, то сто присядок за одну коронку могут сбросить, а долг еще с тысячу присядок. Тогда его тут же заставляют письмо писать родственникам, чтобы деньги прислали на адрес, который они дадут. Каждые десять

присядок, один рубль, а бывает одна присядка, рубль, как сторгуешься. И он будет сидеть в хате до тех пор, пока ни пришлют деньги. Никуда его не переведут, администрация тюрьмы замешана в этом.

А если деньги вовремя не приходят, его бить начинают, заставляют писать другим родственникам. А когда его из хаты уберут, одежду его дубаки забирают, а за это приносят чай, водку, анашу.

Так что, никогда ни с кем, ни во что под интерес не играй, - поучал меня мой новый знакомый, - я тебе только поверхностно рассказал. Сам ко всему присматривайся, стриги все на лету, иначе отсюда не выйдешь, тем более что ты, как говоришь, за КГБ числишься.

И вот еще что, камеру камерой никогда не называй. Это по-нашему называется хата. Знаешь, как в песне: "Ребята настоящие, тюрьма нам дом родной". И номер ты неправильно называешь. У нас хата не 53, а пять-три, и к этому привыкай. Пойдешь ты, например, в 255-ую, она будет два-пять-пять. Это для того, чтобы хаты не перепутать. Тебе здесь придется много по телефону разговаривать. Я обрадовался.

- А где здесь телефон? Он ухмыльнулся.

- Здесь несколько "телефонов" есть. Первый - вот. Он показал на отверстие в троне.

Если тебе надо передать что-то не особо важное, кричи в эту трубу. Вызывай так, ну например: "Восемь-пять, восемь-пять, - это над нами, на третьем этаже, - они услышат. Вот

смотри: "Восемь-пять, восемь-пять, - на связь, - закричал он в отверстие, потом повернулся ко мне и говорит: "Сейчас я за тебя узнаю". Через несколько секунд глухо слышалось:

- Восемь-пять слушает.

- У вас там есть кто из Находки?

- У нас нет, - слышалось в трубе, - но сейчас узнаем. Мы стояли и ждали. Минут через пять мы услышали:

- Пять-три, пять-три.

- Пять-три слушает.

- В девять-один полхаты из Находки.

- Узнай, фамилия Перчаткин им знакома? Еще минут через десять снова слышалось:

- Слышали за такого, в газетах за него писали, то ли баптист он, то ли политик, кто его знает.

Борис посмотрел на меня, засмеялся: "Вот видишь, здесь не обманешь, а вообще, я сразу заметил, ты не похож на преступника". Он заходил по камере, а потом взял алюминиевую кружку и сказал: "А это, другой "телефон". Скоро ужин будет, сахарку раздобудем".

Он взял подушку, два раза стукнул ею о стену: "На коридоре такого стука не слышно, и у нас почти не слышно, а там они слышат".

Послышался ответный удар. Мой новый знакомый приложил кружку дном к стене, и стал кричать в нее, как в рупор. У нас прорывался его голос, приглушенный, как из воды. "Пять-два, пять-два, - кричал он, - нас здесь двое, сидим

полностью на голяке. Если у вас есть грев, зашлите что-нибудь, хоть сахарку".

Потом он перевернул кружку обратной стороной к стене, приложил ухо ко дну кружки, опять перевернул кружку. "Дуров у меня прикатанный, я его зашлю, если есть дрова, зашлите, у меня дрова кончились". Пока он разговаривал по "телефону", в коридоре загремели миски, захлопали кормушки в камерах, разносили баланду.

Да, еще, - сказал Борис, глядя на мой матрац, который я бросил на второй ярус, - если есть места на первом ярусе, никогда не бросай матрац на второй ярус. Он стащил мой матрац и бросил на другие нары, на первый ярус.

На втором ярусе спит всякая шелуха, конечно, не чушки, тех место только под нарами, но, вообще, всякая шелуха. Их по роже определять надо.

Открылась кормушка и в нашей двери, и в ней показалась какая-то труба из оцинкованной жести. Борис схватил чайник с тумбочки, подбежал к кормушке, и подставил его под трубу. Оттуда полился остывший кипяток. Пока чайник наполнялся кипятком, Борис что-то тихо шептал в кормушку. Труба исчезла, кормушка захлопнулась, а через несколько минут открылась снова. На ее полке появился хлеб. Борис подбежал, взял хлеб, передал его мне, чтобы я положил его на тумбочку, а сам стал принимать баланду и снова вел какие-то переговоры.

Через несколько минут мы уже ели баланду. На этот раз баланда состояла из вареной вонючей и очень кислой капусты

и нескольких маленьких кусочков картошки. Я выловил картошку, съел и сказал:

- Не могу я есть такую баланду.

- Это потому, что ты недавно с воли. Пройдет немного времени, отощaeшь, тогда будешь есть. Правда, когда я грев получаю от матери, я тоже не ем эту баланду.

Я догадался, что грев, передача с воли.

Кормушка снова открылась. На пол упал журнал и небольшой пакет. В пакете оказался сахар. Его было полкружки. Журнал - "дрова", - подумал я, но ничего не сказал.

- Сейчас чай будем варить. Помоги мне дров приготовить. Он взял журнал, вырвал с десяток листов и сказал:

- Сейчас я научу тебя, как дровишки делать. В тюрьме чай не положено, тем более, жечь ничего нельзя. Только, когда на трон идешь, дубаки допускают жечь факел, поэтому, когда чай кипятишь, дыму не должно быть.

Есть несколько способов кипятить чай, чтобы не было дыма и запаха, - продолжал он, - этот, что я покажу сейчас, - самый экономичный. Держи нитку натянутой вертикально, - сказал он, - завел лист за нитку и стал ловкими движениями резать бумагу. Каждый лист он разрезал вдоль на три равных полоски. Каждую полоску согнул вдоль, потом, еще раз, только уже поперек. Получился треугольник. Мы быстро превратили все бумажные полоски в такие треугольники.

Борис взял свою кружку. Я обратил внимание, что ручка кружки была обмотана толстой суконной ниткой. Я

понял, что это изоляция, чтобы не обжечь руку, когда кипятишь чай.

Треугольники исчезали один за другим. Когда их осталось три, или четыре, вода в кружке стала закипать. Борис бросил в нее столовую ложку чая. Дыма действительно не было, и почти не было запаха.

- Бывало, варишь чай, а дубак откроет кормушку и что-нибудь спрашивает, ты ему отвечаешь, а сам чай продолжаешь варить. Ты всегда должен быть умнее дубака, иначе не выживешь.

Когда мы пили чай, Борис сказал:

- У тебя такое дело, что везде, где ты будешь находиться, в любой хате, к тебе обязательно наседку подкинут, так что присматривайся. Наседки будут постоянно меняться, и в хате их может быть не одна, вдруг, кто тебе будет сочувствовать, и не даст им нужную информацию. Настроение свое не показывай никому. Под плохое настроение обычно начинают крутить. И запомни, никогда, никому, ни в чем не признавайся, даже если тебя за руку поймали. Они, следователи, вот пусть и доказывают твою вину, а ты не помогай им в этом. Смотри им в глаза и отказывайся. Весь расчет у них на слабонервного.

- А как наседку определить?

- Не определить, а выкупить, - на нашем языке это так называется. Это делается очень просто. Наседку никогда не подсунут тебе того, кто первый раз попал. Ищи ее среди тех, у кого не первая ходка, вот, как я. Никому не говори, за что

сидишь, мешок овса украл, и все, а начнет кто интересоваться, ты сразу из его вопросов определишь, что он о тебе что-то знает. В лоб такому, и из хаты на пинках его. Тебя братва всегда поддержит в этом.

Еще другой способ есть выкупать тех, кто за тобой смотрит, интересуется. Человек, когда по первой ходке идет, ему грёв носят жена или невеста, или мать, а кто, как я здесь, они никому не нужны, нет у них ни жены, ни невесты, друзьям нужен только пока на воле. Ну, мать разве что принесет когда, если живая, и то грёв раз в месяц положено, пока под следствием. А смотришь, сидит такой бес, не по первой ходке, а у него и чай, и курево, и все есть, и все его куда-то вызывают, то в больницу, то к адвокату, то к следователю, и оттуда он все приносит. Обычно такие говорят, что адвокат или врач, друг детства, случайно он его встретил, и тот его и подогревает. На самом деле он к куму ходит, и ксивы на тебя катает. Мордой об парашу таких, и на пинках из хаты.

Мы выпили чай. Борис взял остатки журнала, лег на свои нары. Мысли, как волки, набросились на меня.

Я был полностью отрезан от всех событий с утра 18 августа. Если взяли меня, кого еще взяли, или могут взять? У меня в голове проносились имена и лица тех, кого могли арестовать. И тут меня как будто кипятком ошпарили: "Ведь могут арестовать и Зину, а может быть она уже тоже где-нибудь в этой тюрьме? Неужели и женщинам делают каберне?", - думал я, и не заметил, как встал с нар и стал ходить по камере.

- А женщинам делают каберне? - спросил я Бориса.

- Конечно, делают, - не отрываясь от журнала, сказал он, - не всем, но делают.

- А если арестовывают женщину, а у нее грудной ребенок, в таком случае, что происходит?

- Ничего, ребенок вместе с ней до года в хате, а после года его отправляют в специальный дом для детей, у кого родители в тюрьме. Могут отдать ребенка родственникам.

- Они что, в отдельной камере сидят?

- Нет, в общей, вместе со всеми. Ребенок так же на нарах вместе с матерью спит.

- Как же так? Ведь в камере же курят, а для ребенка это вредно.

- Ну что? Курят в хате, и вши, и тараканы, и клопы.

- И полы бетонные в камере, ребенок же может не выдержать.

- Ну и странный ты человек, конечно, может не выдержать, тут каждый второй заключенный, кто идет по второй ходке, туберкулезник, а ты говоришь, ребенок не выдержит.

Я был в шоке от такого ответа. Перед моими глазами стояла Зина с новорожденной дочкой, в такой же камере, как я. Я глянул на свой матрац. "Неужели и она спит на таких же нарах, на таком же матраце, ест такую же баланду? А как же остальные дети? Где они? - думал я, - Отдали их моей матери, или забрали в детский дом?". Я метался по камере, как зверь в клетке, - три шага вперед, разворот кругом, снова три шага,

снова разворот. Я ясно представлял себе страшную картину того, что может случиться с моей семьей, и еще яснее понимал, что я бессилен помочь.

"Только Бог может помочь", - думал я. Я не заметил, как мои чувства перешли в молитвенное состояние. Я продолжал метаться по камере, но не замечал этого. Я молился, молился за Зину, за каждого из детей, за всех, кого могли арестовать.

- Ты что, в космос решил взлететь? Такой разгон взял. Чего по хате бегаешь?

Борис ухмыльнулся.

- Ты знаешь, моя жена помогала мне, и не раз засветилась в КГБ. Ее тоже не раз арестовывали, как и меня, но потом отпускали. Сейчас я думаю, что если меня арестовали, то она тоже где-то здесь. А у нас шестеро детей, последняя дочь родилась за неделю до моего ареста.

Тут Борис тоже подскочил и заходил по камере.

- Ну и дела, ну и дела. Конечно, положение у тебя, мрак, но ты хоть думай, хоть не думай, ничего не изменишь. О плохом не думай, иначе свихнешься. Думай о хорошем. Все нормально с твоей женой и детьми. У тебя же мать есть, родственники какие-то, да и вы, верующие, я слышал, все друг другу помогаете. А вообще, арестовать мать шестерых детей, да еще с грудным ребенком... и Гитлер бы, наверное, не решился, так что выкинь это все из головы. Ты сам нагнал себе эти мысли. Я же видел, как ты скорость набирал по хате. У меня промелькнула мысль,

что сам Бог послал мне этого человека. Мы с Борисом ходили по камере, и он все успокаивал меня.

В это время в камеру ввели еще одного арестованного.

- Откуда, с этапа? - спросил его Борис.

- Нет, со второго корпуса перевели.

- А что так поздно? Ведь скоро отбой будет.

- Я был на следствии весь день, нашу хату раскидали, пришел со следствия, а мой матрац на коридоре. Шурик зовут меня, - сказал он и бросил свой матрац на второй ярус. Он залез на нары и уже не обращал на нас внимания. Мы тоже сразу забыли о нем.

Утром во время проверки Шурик попросил у дубака иголку и нитки.

- Может чайку попьем, а? - предложил Борис, - Помогите дровишки приготовить.

- Я буду шить, - ответил Шурик с нар.

Я стал помогать Борису. Скоро чай был готов.

- Шурик, слазь, чайку попьем. Давай, - тут Борис внезапно замолк, его глаза округлились, он чуть не уронил кружку с чаем, - Смотри, - говорит, - у Шурика крыша съехала.

Я посмотрел на Шурика и не поверил своим глазам. Его рот был зашит толстыми, кровавыми нитками. Борис поставил кружку под нары, подскочил к двери и стал бить в нее ногами.

Через минуту открылась кормушка. На стук прибежал дубак.

- Чего стучишь? - заорал он.

- Зови врача, тут у человека крыша съехала.

- У кого крыша съехала? У тебя что ли?

В это время он шарил глазами по камере. Его взгляд остановился на губах Шурика. Он заматерился, развернулся и побежал по коридору, забыл даже кормушку закрыть.

А Шурик невозмутимо сидел на нарах, поджав под себя ноги. Он был спокоен, и только глаза его смотрели в одну точку, на свою переносицу. Вскоре пришли врач и начальник корпуса.

- Эй ты, придурок, слазь с нар, - крикнул врач. Шурик не реагировал.

- Ты нитки ему разрежь, - посоветовал начальник корпуса.

- Что я дурак? - Он же меня ногой по морде пнет. Эй вы, - обратился он к нам, - тащите его сюда.

Мы стали уговаривать Шурика слезть с нар. Шурик послушался, слез.

- Придурок, иди сюда, - снова крикнул врач.

- Да что иди? Сам подойди и разрежь нитки, а то он еще сам себе рот порвет, а ему надо следователю отвечать, а как он будет с такими губами разговаривать? С меня же спросят.

Врач подошел, и стал разрезать Шурику нитки. Шурик не сопротивлялся. Он был спокоен. Осторожно разрезав нитки, врач спросил:

- Ты что это, рот себе зашил?

- А мне Петька сказал.

- Какой Петька?

- Брат мой.

- А, где он, как он тебе сказал?
- Он ко мне на шестикопытной кобыле приезжал.
- Откуда он к тебе приезжал?
- С лесоповала. Его там два года назад тросом убило.
- Все ясно, - сказал врач, обращаясь к начальнику корпуса,
- в дурдом его на обследование. Шурика увели от нас.
- Вчера он весь день на следствии был, - сказал Борис, - его, наверное, били там и заставляли брать на себя чужое дело. Видно, сынок какого-нибудь большого босса сделал преступление, а таких редко арестовывают. Дело их на кого-нибудь вешают, на таких, как Шурик. Вот он и зашил себе рот, чтобы не отвечать следователю. По-моему, он не косит, нервы не выдержали, вот он и свихнулся.

Глава 6 Свидетельство о Христе

Через несколько дней наша камера была уже полностью забита. На ночь бетонный пол был устлан матрацами. Утром матрацы убирали, сворачивая их. Кто сидел на своем матраце, кто - на нарах. Ходили по камере для разминки по очереди, по два человека. Стоял сентябрь, и хотя уже такой жары не было, но в камере было душно. Железные жалюзи на окне не давали циркулировать воздуху. К тому же все курили махорку. Сизый махорочный дым постоянно висел в камере. Запах дыма

перемешивался с запахом немытых человеческих тел, давно не стираной одежды, с запахом карболки, и еще какими-то отвратительными запахами. Ко всему прибавлялся запах туалета. Один раз в сутки нас выводили на прогулку. После такой камеры, свежий воздух давал эффект головокружения. Прогулочные дворiki находились на крыше тюрьмы. Это были такие же камеры, только без потолка. Потолок заменяла решетка и колючая проволока. Когда стояла хорошая погода, прогулка длилась пятнадцать, двадцать минут, а в плохую погоду, когда шел дождь или было холодно, нас держали на воздухе до часу. Подходишь к камере после прогулки, и никто не хочет первым заходить в камеру, каждому хочется еще хоть минуту побыть вне этой вони. Вдохнешь побольше воздуха в коридоре, зайдешь в камеру, и думаешь, как можно здесь находиться? Но, пройдет полчаса, и начинаешь смиряться. После прогулок заключенные всегда становились задумчивее и угрюмее. Каждый вспоминал о своей жизни на воле.

- Что, братва, носы повесили, что задумались? - сказал однажды после прогулки Борис, - Нельзя так, свихнуться можно. Давайте рассказывать о себе что-нибудь забавное. Врать можно, только, чтобы весело было.

- Я расскажу, - сказал Виктор - молодой, двадцатилетний парень из глухой дальневосточной деревни, - Вообще-то, я, москвич, - начал рассказывать он. - Бегу я как-то в парке по дорожке, я всегда разминочку делал, бегом занимался. Бегу - вижу, навстречу мне рожа уж больно знакомая идет. Я

остановился. Смотрю, думаю: "Кто же это такой?". А он тоже остановился. Смотрит на меня и пирожок жует. Уронил пирожок, поднимать стал, а у него челюсть выпала, тут я и вспомни. Так это же, Леня Брежнев. "Привет, Леня!", - я ему говорю. "Привет!", - отвечает он, а сам пирожок поднял и снова жует.

- Так прямо и поднял с земли, и в рот? - серьезно спросил кто-то из заключенных.

- Так и поднял, - ответил Виктор, - жует, а сам смотрит на меня и говорит: "Экономика должна быть экономной". Заключенные по очереди рассказывали всякие небылицы, придумывали смешные истории, пересыпанные густой бранью. На воле, конечно, это было бы для них смешно, но здесь все слушали, серьезно переспрашивали о чем-нибудь. Некоторые смеялись, но смех их был какой-то невеселый. Мне жалко было этих людей.

- Хотите, я расскажу вам о Боге? - спросил я.

- Ну, если интересно, то рассказывай, но я думаю, что никакого Бога нет, - ответил кто-то, - Если бы Он был, то такой несправедливости не было бы в мире, а если Он и есть, то Он - злой Бог.

- Не знаю, Бог есть, или нет, но нечистая сила есть точно, самому приходилось видеть, - сказал еще кто-то.

- Говоришь, злой Бог? - спросил я, - Сейчас я расскажу вам историю Христа, и вы посмотрите, злой Бог или нет.

- Я стал рассказывать, как Он родился и как с первых же дней Его стали преследовать, чтобы убить. Рассказал, как Он,

не имея ни денег, ни дома, ходил пешком по городам и поселкам, учил народ, голодал, не досыпал, спал где придется, где Его заставляла ночь или там, куда приглашали Его с учениками. Никого не гнушался, общался со всеми, проповедовал всем, исцелял больных. Делал Он добрые дела, и, как для вас это ни странно, за это Его и распяли.

Все молчали. Мой рассказ подействовал на всех. Никто не читал Библию, и ничего не знал о Боге.

- Оказывается, Христос был такой же горемыка, как и мы, натерпелся много, - сказал Борис, - Давай ты нам каждый вечер будешь рассказывать о Боге.

На следующее утро после этого дубак открыл кормушку и крикнул: "Перчаткин, без вещей, - на выход!".

- Ну вот мы и опять встретились, - сказал мне следователь по особо важным делам, подполковник Кузьмин, который допрашивал меня по делу Щаранского два года назад. Ты долго нас дурил, но теперь обдурить нас тебе не удастся. Начнем следствие с самого последнего события, и будем двигаться вглубь. Кузьмин раскрыл папку и достал лист, который я сразу узнал. Это было обращение в Конгресс США, которое я отправил в этом году, в апреле. В этом обращении, на основании советских законов, я обосновал, что в СССР нет свободы вероисповедания. Кузьмин зачитал это обращение и сказал:

- Я сейчас не буду тебя спрашивать, почему ты так писал. Вот здесь стоит твоя подпись. Ты подписался, как секретарь

Совета церквей. Ты подтверждаешь, что это твоя подпись, твое обращение, или, может быть, его кто-то другой написал, а ты только поставил свою подпись? И вообще, расскажи все, что ты знаешь об изготовлении этого обращения. Меня сейчас интересует техническая сторона дела.

Я не спешил с ответом. Я понимал, что он плетет паутину вокруг меня. Самая главная опасность в том, чтобы не потащить никого за собой.

- Это обращение составил я сам. Сам печатал, сам переправил его на Запад.

- Это твой окончательный ответ, или ты еще подумаешь? Я все в протокол вношу.

- Я ни в чьей помощи не нуждаюсь, составляю, печатаю и отправляю все бумаги сам.

- Понимаю, ты защищаешь своих дружков. Это понятно, и, может быть, похвально, но врать христианину нехорошо. Нестыковка получается в твоём показании. Бумагу эту мы изъяли у Истомина Виталия, в Москве, а вот это, - он достал тетрадь, - мы изъяли при обыске у твоего дружка Сергея Онищенко, который, кстати, тоже арестован. Так вот, в этой тетради написано точно такое же обращение, только в черновом варианте. Так что, трое вы по делу идёте. Онищенко написал, ты подпись свою поставил, а Истомин переправлял. Вот, ознакомься с экспертизой.

- Это писал я.

- Хорошо, сейчас мы привлечем ещё одного эксперта. Часа

через три результаты второй экспертизы будут лежать у меня на столе.

Конвоиры ввели меня в камеру. Я лег на нары, заложил руки за голову и стал думать. Значит, Онищенко тоже арестован, наверняка, и Истомин где-то здесь сидит.

Неужели их арестовали из-за этого дела? Ведь никаких материалов на них нет, кроме этого черновика и этого обращения. Я диктовал Сергею, а он писал, а у Виталия был второй экземпляр, уже отправленного обращения. По всей видимости, их арестовали, чтобы запугать и заставить дать против меня какие-нибудь показания. Но не те они люди, чтобы их можно было запугать. А мне дают возможность это дело свалить на них, чтобы потянуть за собой.

Я стал думать, по какой статье меня могут обвинять. Меня обвиняли по двум статьям: 190, часть первая, до трех лет лишения свободы, и статья 70, до семи лет. "Если мне дадут 70-ю статью, - думал я, - когда освобожусь, мне будет 41 год, Зине - 38". Я стал подсчитывать, сколько лет будет каждому из детей.

Когда мне было 6 лет, я остался без отца. Я пытался вспомнить, какой же он был, и очень смутно вспоминал. "Моему старшему сыну 9 лет, - думал я, - он будет помнить меня, а вот, младшие забудут". Я все думал, думал, в разных вариантах представлял себе встречу с семьей через семь лет. Мои мысли прервал голос конвоира: "Перчаткин, на выход, к следователю!". - Перед тобой - две экспертизы двух разных экспертов и оба они подтверждают одно и тоже - это почерк

Онищенко. Так кто же написал обращение? Ты или Онищенко? Онищенко сам признается, что это он написал.

- Это обращение написано мной, подпись стоит моя.

- По поводу черновика, я больше разговаривать с вами не хочу.

- По Уголовно-процессуальному кодексу, - черновик не служит материалом для обвинения.

Глав 7 Наседка

Через пару часов я сидел на своих нарах и нехотя вталкивал в себя холодную баланду. Ко мне незаметно подсел молодой парень лет двадцати пяти по имени Андрей Коваль. Он был квартирный вор по его словам, он обокрал свыше сорока квартир.

- На следствии был?

- На следствии.

- Злой следак?

- Не очень, так себе.

- А за что сидишь, за что тебя таскают?

- За плохой почерк, - ответил я, вспомнив совет Бориса.

- Что, экспертиза доказала?

- Какая экспертиза?

- Ну ты же сам сказал, что сидишь за плохой почерк.

Я понял, что он, наседка, и поделился об этом разговоре с

Борисом.

- Ни о чем больше с ним не разговаривай, виду не подавай, мы его еще проверим.

На следующий день, утром, Андрея вызвали. Когда его увели, Борис сказал: "Я сейчас сажусь на "коня", проеду по тюрьме". Он написал записку, привязал к гвоздю, просунул в решетку и опустил на первый этаж. - За наседок по телефону никогда не узнавай, только на коня садись, - учил он меня, - По первому этажу конь уже гуляет. Сейчас надо на третий, четвертый, пятый и шестой запустить. Восемь-пять, восемь-пять, - закричал он, - подгоните коня в пять-три.

Через минуту он уже привязывал записку для третьего этажа.

- Сейчас пойдет конь гулять до шестого этажа и по всей тюрьме.

После обеда к нам пришел конь с запиской: "Андрей Коваль осужден за наркотики, сам он из Находки, раньше моряком был". Больше никакой информации за него никто не знал, но этого было достаточно. Осужденный не мог сидеть с подследственными, и был он не вор, а торговец наркотиками. Борис сразу объявил в камере, что у нас наседка, и привел доказательства. Один из уголовников, Анатолий, который не первый раз был в тюрьме, сказал:

Полотенце накинуть ему, помучим его и на лыжи поставим.

- Что значит "полотенце" и "лыжи"? - поинтересовался я.

Борис объяснил:

- Делается это так: из мокрого полотенца делают жгут, но не тугой, накидывают этот жгут сзади, моментально завязывают в один узел, и сильным резким движением стягивают. Все это делается очень быстро. Если человека хотят убить, его тут же затапливают под нары, там он и задыхается, сам он не может развязать такой жгут. А если его просто хотят проучить, то, когда он уже задыхается, ему расслабят полотенце, дадут прийти в себя, а потом снова затягивают.

А "поставить на лыжи" значит заставить наседку убегать из камеры во время проверки. Дубаки начинают бить наседку, заставляют идти в камеру, тот упирается, не идет, тогда его сажают в камеру специально для разоблаченных наседок. Такие камеры называют "обиженки".

- Я против того, чтобы его мучили, - Вообще, я против всякого насилия.

- Мы не имеем права, по тюремным законам, оставлять его в хате, - сказал Борис, - Тогда его просто на лыжи поставим, бить не будем.

К вечеру привели Андрея. Он принес с собой пять пачек сигарет.

- Сигареты в привратке взял, - Один по этапу шел, я его подербанил немного.

- Давай сядем, поговорим, - сказал Борис, - а то сколько ты уже здесь, а мы еще не разговаривали. Сколько в тюрьме?

- Да, уже около месяца.

- А в какой хате раньше сидел?

- В 139-ой.

- А во втором корпусе не сидел?

- Нет, когда бы я успел, я же только с месяц здесь.

- А за что сидишь? Что у тебя за дело?

- Да я же говорил, что я больше сорока квартир на уши поставил.

- А наркотиками ты никогда не торговал?

Тут Андрей засуетился, глазки его забежали. Он стал предлагать сигареты. Борис, не обращая на это внимания, опять спросил:

- А ты не сидел в 287-ой хате, во втором корпусе?

- Да что вы, братва, за кого меня принимаете? Я же сказал, что не сидел во втором корпусе.

В это время Анатолий снял свой ботинок, и ударил Андрея по голове. Он не выдержал.

- Пес, ты же уже осужденный. Год уже по тюрьме кантуешься, еще и братвой нас называешь. Менты для тебя - братва. Сейчас будет проверка, становись на лыжи, и бегом по коридору.

- Мужики, все понял, все сделаю, только не бейте.

- Скажи ему спасибо, - Анатолий указал на меня, а потом, обращаясь ко всем, закричал, - "Братва, держите меня, а то я не выдержу, зад его на фашистский знак порву!"

Два месяца допрашивал меня Кузьмин, но ничего не мог добиться. За это время по его указанию меня шесть раз сажали в стакан и один раз пытали химикатами. Как я понял потом, Кузьмин, по сравнению с другими, был не особо

жестоким. В конце следствия, он даже попросил у меня прощение.

- Извини, - сказал он, - первый раз с тобой взял грех на душу. Раньше я такими, как ты, почти не занимался. Я понимаю, что ты - жертва Василия Патрушева. Он - старый, матерый волк, в советской разведке служил, а потом американцам продался, поднатаскал он тебя, голову забил своими идеями, а сам сейчас в стороне, посматривает на свою работу.

Я вспомнил своих друзей-единомышленников, Василия Патрушева и Федора Сиденко. Они первые, еще в 1964 году, сделали попытку передать на Запад материал о преследованиях верующих. Все началось с того, что им попалась брошюра "Декларация прав человека". Ознакомившись с ней, они решили, во что бы то ни стало, сообщить на Запад, что происходит с верующими в Советском Союзе.

Василий разработал два варианта передачи информации на Запад. Первый: привязывать бумаги к камням и забрасывать их на борт иностранных пароходов в порту. Второй вариант: Федя Сиденко должен был устроиться сантехником в гостиницу "Интурист" и попытаться войти в контакт с каким-нибудь русскоговорящим иностранцем.

В конце 1964 года Федя выяснил, что по-русски говорит японский консул, Исида Исава, и что проживает он в гостинице "Интурист". По второму варианту, Федя должен был сделать аварию в квартире консула, в то время, когда тот

находился дома. Во время ремонта он должен был с ним поговорить.

Для этого Федя залез на чердак, и через газоотвод по канализационному стояку, опустил веревку с пробкой, которая, по Фединому расчету, опустилась чуть ниже унитаза в квартире консула. Федя побежал в мастерскую и стал ждать, когда его вызовут устранять аварию. Минут через двадцать в гостинице начался переполох.

Затапливало квартиру консула. Федю срочно вызвали и допустили к ремонту без сопровождающего агента КГБ. За это время Федя сумел договориться с консулом, чтобы тот помог переправить документы в ООН. Но, Федя нарушил инструкцию Патрушева, который предупреждал, что квартира консула прослушивается и переговоры вести нужно только записями на бумаге. Их разговор был подслушан КГБ и операция Василия и Феде провалилась.

Их арестовали. Долго держали под следствием, сажали в психбольницу, избивали, заставляли выдать тех, кто их поддерживал. Федю два раза выводили во двор и инсценировали расстрел. В конце концов, ничего не добившись, Феде дали четыре года, а Василию, три года лагерей строгого режима, и отправили в лагерь для политзаключенных. В этом была большая ошибка властей. В лагере Василий и Федя познакомились с одним из первых диссидентов, Александром Гинзбургом. А Гинзбург после освобождения и помог наладить связь с Западом.

После ареста Сиденко и Патрушева община в Находке раскололась на два лагеря. Одни, которых было большинство, из страха говорили, что жаловаться на действия властей - политика, и что Федю и Василия нужно исключить из членов церкви, так как они навели гнев властей на общину, которая и так страдала от судебных преследований.

Только за последние четыре года, было осуждено восемь человек. Трое были осуждены на лишение родительских прав, за воспитание детей в религиозном духе. Пятеро находились в лагерях за их религиозную деятельность. Как раз информацию об этих событиях и пытались передать на Запад Федя и Василий. Они хотели как-то защитить церковь, помочь узникам, но были осуждены не только властями, но и своим же народом.

И только небольшая часть поддерживала Федю и Василия. Я был в числе их сторонников. Мне было 22 года, когда освободился Василий. Меня тянуло к Василию, тянули его глубокие познания в Библии, его смелые рассуждения. Василий заметил это, стал приглашать меня к себе домой, и стал моим духовным наставником.

Как-то в 1975 году, мы шли с Василием с воскресного служения, рассуждая об услышанных проповедях. Мы остановились на перекрестке, где должны были разойтись. Василий посмотрел мне в глаза. Я понял, что он хочет сказать мне что-то важное. Я чувствовал, о чем он будет говорить, и давно ждал этого разговора. - Ты знаешь, как работает

пружина в затворе оружия? - спросил Василий, - Ее сожмут, она остается сжатой до нужного момента, а в нужный момент она с силой расправится и произведет выстрел. Нас тоже сжимают жизненные обстоятельства, пытаются нас сломать, но надо иметь свойство пружины, нужно сжаться, стать незаметным, но не сломаться и не заржаветь в этом состоянии. А в нужный момент распрямиться, чтобы передать накопленную энергию дальше, чтобы произвести выстрел. Сейчас пришло это время. Коммунисты подписали Хельсинское соглашение и опять обманывают весь мир. Свобода дана нам международным правом, но где она, эта свобода, когда тысячи церквей находятся на нелегальном положении, а множество наших братьев находятся в тюрьмах? Хотя международное право дает нам свободу, но за эту свободу приходится бороться. Я думаю, что в этой борьбе еще будут жертвы.

Если, тебе, Борис, представится возможность пострадать в этой борьбе за Христа, то ухватись за эту возможность, не упускай ее. Не каждому это дано. И помни: "Нет большей любви, как кто душу свою положит за друзей своих".

Я думал и не слышал, как открылась дверь, и в камеру вошел старик-конвоир. И опять его команда: "Руки назад, за спину! Шаг вправо, шаг влево, стреляю без предупреждения!". Мы опять двинулись тем же путем. Коридор упирался в дверь, которая выходила в тюремный двор. Во дворе, метрах в пятнадцати от входа, нас уже ждала машина.

Старик забеспокоился, что машина стоит далеко от входа, хотя бежать было некуда. Он всегда беспокоился об этом, и всегда ругался с шофером. Это очень веселило молодого конвоира. Как только мы ступили на бетонную дорожку тюремного двора, молодой конвоир сказал:

- Вот я толкну его в сторону, ты это за побег посчитаешь, стрелять будешь, что ли?

- Заткнись, дурак! - заорал старик, - Мы на службе. Когда ты серьезным станешь?

Меня завели в машину и повезли в уголовную тюрьму, которая находилась километрах в трех от здания КГБ. Я смотрел в окно машины. Деревья утопали в золоте, уже начавших опадать листьев. Желтые, красные, темно багровые, они кружились в воздухе, падали на землю, на тротуары. А по тротуарам шли люди. Я завидовал этим людям. Они шли, кто не спеша, кто торопился, но никто не гнал их, никто не отдавал им команду: "Руки назад!".

- Руки назад! - очнувшись, как ото сна, услышал я голос старика-конвоира. Он уже открыл дверь машины.

Мы стояли во дворе Владивостокской уголовной тюрьмы. Конвоиры сдали меня тюремной администрации, расписались, что сдали, те расписались, что приняли. Меня определили в предварительную камеру, привратку, где уже было человек десять. Привратка была сборным пунктом. Туда попадали только что арестованные и люди, которые шли по этапу из одной тюрьмы, в другую. В общем, там можно было услышать много новостей, попытаться передать записку на волю.

Глава 8 «Стакан»

Долго в привратке я не задержался. Дверь открылась. Выкрикнули мою фамилию.

Меня повели в стакан. "Стакан" - помещение, наподобие шкафа, вделанного в стену, в котором человек мог только стоять или сидеть. Внутри обит железом, пробитым гвоздями со всех четырех сторон. Пол бетонный. Темнота такая, что глаза к этой темноте не привыкают. Через несколько часов ощущается нехватка кислорода. Если кто-то начинает кричать в стакане, дежурный открывает дверь и избивает дубинкой. В таких стаканах я провел, в общей сложности, более двухсот часов. Заходишь, как обычно, лицом вперед. Дверь захлопывается. Оказываешься в крошечной темноте. В стакане, в общем-то, нет разницы: стоишь ли ты лицом или спиной к двери, но, по какому-то инстинкту, разворачиваешься лицом к двери. Разворачиваешься медленно, осторожно, чтобы не оцарапаться о железные, колющие стены. Развернулся. Теперь, вроде, нормально, дверь перед тобой. Теперь главное рассчитать и как можно дольше не облокачиваться на стены. Делаешь упор на одну ногу, когда нога устает, делаешь упор на другую. Это помогает только на первую пару часов. Потом ноги начинают уставать, как будто наливаются свинцом, начинают отекать.

Находясь в тесном, темном стакане, я всегда остро чувствовал свою беспомощность и по-настоящему ощущал

усталость от следствия. Как мало осталось у меня физических сил. Тоска, как тиски, сжимала мою грудь, так что моим легким не хватало воздуха, хотя в стакане было еще достаточно кислорода. А в ушах звенело: "смотри, как мы движемся и изгоняем Бога".

Я стал молиться. Мои легкие стали работать спокойнее, кровь стала получать больше кислорода, и я опять предался воспоминаниям.

Август, 1976 год. Москва. Мое первое знакомство с Александром Гинзбургом. Я поднялся на второй этаж, позвонил. Дверь открыла его жена Арина.

- Здравствуйте. Меня зовут Борис. Я от Феди Сиденко и Василия Патрушева.

- Здравствуйте. Вам нужен Алик? Его сейчас нет дома, но он скоро придет. Проходите в зал, там книги. Почитайте пока, если хотите.

Я прошел в зал. Там стоял стол, несколько стульев и диван, остальное занимали книги. Они стояли на полках до самого потолка, даже лежали стопками на полу. Я стал просматривать их, и так увлекся, что не заметил, как вошел Александр.

Мы познакомились. Я сказал, что я, от Феди и Василия. Он поднес указательный палец к губам, давая понять, что его квартира прослушивается. Он говорил о всякой бытовой всячине, а в это время протягивал мне самостирающийся блокнот. Такой блокнот я увидел впервые, поднимаешь лист, и не остается ни слова. Я написал, что приехал по делу

иммиграции 520-ти человек. Александр прочитал и дал мне свой блокнот. "Вопросами эмиграции я не занимаюсь, но причины, побудившие людей к иммиграции, меня интересуют". Гинзбург порекомендовал мне встретиться с Анатолием Щаранским и профессором Юрием Орловым, написав, что это им тоже будет интересно. Мы продолжали наш деловой диалог посредством блокнота, и попутно Александр рассказывал мне, что ему приходится работать рабочим в магазине, что до этого он работал секретарем у Солженицына, а сейчас его приглашает Сахаров работать секретарем. Этот разговор был для микрофонов подслушивающего устройства. "Сколько ты собираешься быть в Москве?", - написал мне Александр. - "До тех пор, пока все сделаю".

"Пойдем к Орлову. Там сегодня будет Щаранский. Все бумаги оставь здесь, ничего с собой не бери. После выхода из квартиры за тобой обязательно будет слежка. После основания группы "Хельсинки", за нами за всеми следят", - написал Александр и поднял лист блокнота, чтобы стереть написанное.

Пообедав, мы отправились к Орлову. Его дом находился в десяти минутах ходьбы от дома Александра. Профессор Орлов был дома один. Квартира его была похожа на квартиру Александра. Здесь тоже, куда ни посмотри, были книги, книги и книги. Орлов раздал всем такие же блокноты, благо их у него было несколько, и мы приступили к беседе.

В это время за границу выезжали, в основном, евреи и немцы на свою историческую родину, а 520 пятидесятников - это было необычно, это уже была иммиграция по идеологическим причинам. Орлова заинтересовало то, что заставило этих людей пойти на такой отчаянный шаг, который еще неизвестно, чем может закончиться. Он попросил меня все это изложить подробно.

Я начал писать. В это время пришел Анатолий Щаранский. Когда все трое прочитали, что я написал, Анатолий заинтересовался больше всех и предложил мне встретиться с ним отдельно.

Мы встретились в парке. Сели на лавку. Анатолий, немного подождав, начал говорить: - Вы пятидесятники, вы - не евреи, вы - русские. Мало того, что вы не принимаете коммунистическую идеологию, не подчиняясь советским законам, вы еще и жалуетесь на эти законы, а сейчас ваша главная вина перед коммунистами в том, что вы решили уехать, бежать от коммунистических законов. Вы понимаете, что ожидает вас? Тем более, за границей у вас нет никакой поддержки. За нами стоит мировое еврейство, но это не всегда спасает. Поэтому, я считаю, что вам в первую очередь, нужно добиться поддержки мировой христианской общественности. Для этого вам нужно поддерживать постоянный контакт с нами, иметь свои собственные связи с иностранными корреспондентами и дипломатами. Вы не должны молчать, - говорил Анатолий, - вы должны информировать мировую общественность обо всем,

что с вами происходит. Вам предстоит трудная и опасная работа. В это время сзади послышался какой-то шорох. Мы оглянулись. Метрах в двух-трех от нас, стояла женщина. Мы встали, прошлись по аллее. Нашли удобное место, и снова сели на лавку.

- Что-то мне обстановка эта не нравится, по-моему, нас подслушивают, - сказал Анатолий, быстро встал и шагнул за лавку.

Прямо за нашими спинами, в кустах, сидела та же женщина. У нее была сумка, по всей видимости, в ней был магнитофон. Анатолий стал стыдить ее. Она несколько не смутилась, сделала вид, что ее это не касается, и ушла. В этот же день меня остановил милиционер.

- Ваши документы, - сказал он.

Я протянул ему паспорт. Он открыл его, посмотрел, сказал:

- Пройдемте в отделение милиции, это рядом.

В отделении милиции переписали все данные из моего паспорта и сказали, что я похож на преступника, которого они разыскивают, но что они ошиблись. Меня отпустили.

А на следующий день мы все, вчетвером, снова встретились, но уже в лесу, чтобы никто не мешал нам. Стоял вопрос: с чего нам начинать?

Начинать надо было с того же, с чего начинали Василий и Федя, - собрать материал о преследованиях верующих и передать на Запад. Мне предложили собрать биографические данные всех, кто хочет выехать за границу по религиозным

мотивам, чтобы выяснить причины, побудившие людей на этот шаг. В этот же день я улетел домой вечерним рейсом. Через полтора месяца биографические данные были собраны. К поездке готовились тщательно. За такие бумаги Василий и Федя одиннадцать лет назад получили сроки тюремного заключения. Нужно было провести бумаги так, чтобы они не попали в руки властей. Я решил поехать с Зиной и трехлетним сыном Виталием. Мы не решились лететь прямо на Москву и взяли билеты до Ленинграда. Оттуда благополучно добрались до Москвы.

В Москве пробыли всего два дня. На второй день Александр организовал встречу с английским корреспондентом BBC.

На двадцатое ноября назначили пресс-конференцию по вопросу преследования пятидесятников в СССР. На эту пресс-конференцию я предложил поехать со мной Василию Патрушеву и Валентину Бурлаченко. Оба они были руководителями нашей общины в Находке, оба уже имели опыт пребывания в ГУЛАГе. Пресс-конференция состоялась на квартире Людмилы Алексеевой, члена группы "Хельсинки". Здесь я впервые встретился с Сахаровым. Я и Василий выступили на пресс-конференции. Когда прилетели домой, узнали, что "Голос Америки" уже передал о пресс-конференции и наших выступлениях.

Группа "Хельсинки" после этого направила своего представителя, Лидию Воронину, для расследования положения верующих.

Власти не ожидали такого поворота дел. Они привыкли ни с кем не считаться, мы всегда молчали. А тут перестали молчать. Это их возмутило. Активность КГБ в Находке в это время стала более заметной. В нашу церковь приехала группа из пяти епископов, во главе с Виктором Ивановичем Белых. Они стали проповедовать, чтобы мы не жаловались за границу, потому что это, политика, что мы не должны делать ничего того, что не нравится властям. Мы понимали, что эти епископы сотрудничают с КГБ. Я не подозревал до тех пор, что интересы таких епископов, как Виктор Иванович Белых, могли переплетаться с интересами КГБ. Виктор Белых потребовал созвать собрание Находкинской общины и объявил, что кто будет разговаривать с "нечестивкой" Лидией Ворониной, тот будет отлучен от церкви. После возвращения Ворониной в Москву, ее лишили советского гражданства и выслали за границу. Выслали также и Людмилу Алексееву.

На собрании верующие задавали Белыху вопросы: "Откуда он знал, что в Находку приехала Лидия Воронина, ведь он жил в Молдавии и не имел с диссидентами никаких контактов?" Белых отвечал: "Противящийся советской власти - противится Богу". Было ясно, что Белых разъезжал по поручению КГБ. Позже он получил доступ в лагерь, где отбывал пятилетний срок заключения пастор Чугуевской церкви Виктор Вальтер. Кроме Виктора из его общины отбывали сроки заключения еще десять человек. В то время Виктору не давали свидания даже с женой. Он был удивлен, увидев Белыха.

Виктор задал ему вопрос о том, как он попал сюда. Белых ответил, что ему из КГБ поручили побеседовать с Виктором. Виктор, не подавая ему руки, развернулся и сказал конвоирам, что с агентами КГБ он разговаривать не желает. За отказ разговаривать с Белыхом, Виктору дали пятнадцать суток карцера. Конечно, не все епископы были такие, как Белых. Были и такие, которые поддерживали нас. Епископ Иван Федотов отбывал в то время свой очередной срок в лагерях.

В 1977 году, после Рождественских праздников, я снова улетел в Москву, чтобы расширить связи, найти новых людей, которые могли бы нам помогать. Я стал членом христианского Комитета по защите прав верующих в СССР, организованный Глебом Якуниным. Когда я вернулся в Находку, община пятидесятников, как и двенадцать лет назад, разделилась. Только теперь тех, кто решил активно добиваться свободы или иммиграции, было большинство.

Мы открыто заявили и властям, и епископам, которых присылали власти, что если в Советском Союзе нам не могут дать свободу вероисповедания, то мы хотим выехать за границу. Мы написали и коллективное, и каждый от себя заявления советским властям, что мы не будем больше мириться с существующим положением. Через неделю, после моего приезда, "Голос Америки" передал об аресте Александра Гинзбурга, а еще через неделю, об аресте Юрия Орлова.

После разделения общины и образования нашей, новой, у нас прибавились новые заботы: кроме духовной работы мы

продолжали заниматься правозащитной деятельностью. В нашей церкви было свыше трехсот членов и все были едины.

Около двух месяцев мы занимались устройством церкви. Организовали хор, детские и молодежные собрания.

В первой половине марта мне снова пришлось быть в Москве. Я сразу поехал к Анатолию Щаранскому. Мы разговаривали почти всю ночь. Анатолий рассказал, что за ним следят, как никогда прежде. У него было подавленное состояние. Он жаловался, что у него пропал сон от постоянного напряжения. Утром следующего дня его арестовали. Аресты шли за арестами. К этому времени, уже больше половины членов группы "Хельсинки" были арестованы. Мы понимали, что аресты докатятся и до Находки, и с каждым днем ожидали их начала. Апрель прошел в напряжении.

И вот наступил май. Все кругом зазеленело и зацвело. Природа ожила. И, как она просыпается от зимнего сна, так и в наших сердцах проснулась надежда, что мы все-таки сможем выехать в свободную страну, где нас не будут гнать за наши убеждения. Семьдесят семей из нашей церкви получили вызова-приглашения от своих единоверцев из США. Слух об этом быстро распространился. "Голос Америки" стал регулярно передавать информацию о положении пятидесятников на Дальнем Востоке. Уже по всему Советскому Союзу знали, что в Находке творится что-то необычное. Все смотрели, что с нами будет. Основная масса считала, что все, что мы делаем - безумие, что мы обречены.

И вот мы получили приглашения в США. Наконец, хоть какой-то результат.

О, как мы радовались тогда. Это был для нас праздник. Я вспомнил пикник, организованный по этому случаю далеко за городом, на берегу речки. Мы наловили рыбу, развели костер, сварили уху... Вспоминая об этом, я ощутил голод, и подумал о тюремной еде. В тюрьме часто дают на обед уху, рыбный суп, но он всегда был сварен из отходов рыбы, иногда уже начинающей портиться. Иногда давали суп из какой-нибудь дешевой крупы и нескольких кусочков картофеля. Завтрак и ужин обычно состоял из пяти-шести ложек каши или крупы, сваренной на воде, без масла. Иногда давали вареную капусту с несколькими кусочками картошки. Хлеб всегда был непропеченный, и чтобы его сделать более съедобным, его приходилось сушить, делать сухари. Один раз в неделю, обычно по субботам, давали гороховый суп, а по средам - гороховую кашу. В тюрьме это был деликатес. Сегодня, как раз была среда. Дверь стакана открылась. "Выходи", - сказал дубак. "На ужин ведет", - подумал я. Дубак завел меня в камеру. Ужин уже давно прошел, и все уже спали. Только Борис сидел на своих нарах.

- Наконец-то, - сказал он, - Откуда?

- Из стакана, - ответил я. Борис покачал головой.

- Я тебе кашу свою оставил. Гороховая сегодня. Ешь. Засыпал я в тюрьме всегда сразу. До сих пор удивляюсь, почему во время таких душевных переживаний, я не страдал бессонницей. Хуже всего было утром, когда ощущаешь

действительность. Обычно я просыпался за десять-пятнадцать минут до подъема. Бывает такое состояние, что и не спишь, и не совсем проснулся, еще не ощущаешь положения действительности, еще не открыв глаза, думаешь: "Может это сон? Вот открою глаза, и я - дома". Но тюремная сирена выводила меня из такого состояния.

Через пятнадцать минут после подъема - завтрак. Еще через пятнадцать минут дежурный начинает обходить камеры и объявлять, кого отправляют на этап, кого вызывают на следствие или на суд.

- Перчаткин, без вещей! - объявил дежурный. Я понял, что меня снова повезут на следствие в тюрьму КГБ.

Через несколько минут машина КГБ снова мчала меня по улицам Владивостока.

- Ну, теперь защищайся, - встретил меня Истомин, - Сегодня меня интересует заявление к участникам Белградской конференции, телеграмма президенту США, а главное - у нас есть информация о похищении служебной записной книжки у кого-то из работников Находкинского КГБ. Я советую тебе добровольно признаться в преступной антигосударственной деятельности.

В душе у меня было смятение. Откуда они узнали о записной книжке? Неужели у них такие мощные подслушивающие устройства? Насколько много они знают? Усилием воли я взял себя в руки. Я должен быть спокоен.

- Заявление к участникам Белградской конференции и телеграмму я сам и составлял, и отправлял, а вот о похищении служебной записной книжки я впервые слышу от вас. Может, вы скажете, что я атомную бомбу украл, и будете заставлять меня защищаться, доказывать, что я ее не воровал. По закону, вы должны предъявить мне обвинение и доказательства, а потом, я буду защищаться. И вообще, вы - опытный следователь, почему до суда относите меня к категории преступников? Суд должен решать: преступник я или нет. А вы ставите себя выше, и уже сейчас осудили меня и назвали преступником.

- Ты не цепляйся за слова, - разозлился следователь,

- Я действую по закону и предлагаю тебе то, что должен предложить по Уголовно-процессуальному кодексу.

Я понял, что материала по поводу записной книжки у них нет.

- Во время Сталина предлагали добровольно застрелиться, добровольно повеситься, а сейчас вы мне предлагаете добровольно признать себя преступником.

- Э, так дело не пойдет, нельзя так горячиться, давай расслабимся, чайку попьем, музыку послушаем. Я тоже не курю, как и ты, только кофе пью, да чайком крепким балуюсь, работать много приходится. Вы, народ упрямый, но с вами интересно. Перед этим, месяца за два, я из Перми вернулся. Там за четыре месяца я целую подпольную партию из студентов разгромил. А в Москве переполох был - демократическая партия в Перми! Меня срочно из Москвы в

Пермь направили, а там всего-навсего, студенты политикой баловались, устав партии выдумали, членские билеты. Всех пересажали. Я думал, что за это баловство зачинщикам по два-три года дадут, а остальных отпустят, а им всем по пять, да по семь лет влупили.

Он включил магнитофон с записями Высоцкого.

- Знаком с Высоцким?

- Нет.

- Так он же из вашей компании, вы все одной веревочкой повязаны, идеи вас одни объединяют. Кстати, я его допрашивал. От лагеря его смерть спасла.

- А может вы ему помогли, чтобы он в лагерь не попал?

- Ну, с твоей стороны, это логично.

В это время его помощник, капитан Свинчук, принес чай, но я отказался. Истомин потягивал чай, пересматривая какие-то бумаги, потом сказал:

- Братья-то твои дают показания против тебя. Им-то ты показал одно заявление, и они подписали его, а на Белградскую конференцию ты передал заявление другого содержания. Это - прямая антисоветчина, и если бы они знали, они бы никогда не подписали бы такое заявление. Ты обманул их.

- Я не верю. Это - фабрикация. Дайте мне ознакомиться с этими показаниями.

- Только после окончания следствия, но выдержки кое-какие могу зачитать, чтобы отрезвить тебя.

- В таком случае, на эту тему я буду разговаривать, только после очной ставки с людьми, которые, как вы говорите, дают показания против меня.

- Хорошо - сказал Истомин и вызвал конвоиров.

Обычно после следствия меня сначала направляли в камеру тюрьмы КГБ, а потом увозили в уголовную тюрьму.

- В уголовную сразу, - приказал Истомин конвоирам. Меня привезли в уголовную тюрьму. И снова - стакан. Я снова медленно, осторожно развернулся, стал лицом к двери. "Кто же мог дать показания против меня?", - думал я, вспоминая об этих событиях.

Я снова вспомнил о вызовах, вспомнил, что в июне 1977 года еще некоторые члены нашей церкви получили вызовы из США.

Многие церкви со всего Союза стали искать контакта с нами. Церковным советом было решено направить меня и Владимира Степанова в Москву, чтобы встретиться с представителями других церквей и обсудить наши дальнейшие действия. Мы должны были собрать информацию о положении верующих в других местах Союза и найти людей, которые бы постоянно информировали нас, что происходит в других местах с верующими.

Через две недели мы представили эту информацию на пресс-конференции, которая проходила на квартире генерала Петра Григоренко.

Эта пресс-конференция мне особо запомнилась. Там я познакомился с писателем Гелием Снегиревым. Он подарил мне свою последнюю книгу с автографом. "Люди, не надо бояться!", - написал он. А на пресс-конференции я запомнил его слова на всю жизнь: "Чем меньше людей будут бояться, тем быстрее придет конец этой власти. Вся эта власть держится на страхе. Убери страх, - и нет этой власти".

Через полгода Гелий Снегирев погиб в тюрьме. При воспоминании о смерти Снегирева, я вспомнил пророческое слово, сказанное мне, когда мне было шестнадцать лет. "Орудием будешь в руке моей в избавлении народа моего, но огненными тропами проведу тебя".

Значит, я выживу, но мне будет очень тяжело. Вот они, эти огненные тропы, но я только ступил на них, и самое страшное, еще впереди.

К моему удивлению, часа через два дверь стакана открылась. В дверях почему-то стоял банщик, по кличке Вова-202. Он был одним из тех людей, которые совершали пытку каберне. Встретишь такого человека на улице, и в голову не придет, что он почти каждый день мучает людей химическим составом. Как он улыбается на улице, так он улыбается, глядя на мучившихся заключенных. Он улыбается, когда люди от его пыток падают в обморок или доходят до грани сумасшествия. Он всегда улыбается.

Этот Вова уже слышал обо мне, но поговорить со мной ему не представлялось случая. Нельзя разговаривать при

свидетелях, все друг друга боятся, все друг друга сдают. А тут представилась такая возможность. Он повел меня по тюремным переходам.

- Тебя почему в КГБ возят? Я слышал, ты агент ЦРУ. Наверное, у тебя денег много. Хорошо тебе платили? Тысяч сто есть?

Я решил подшутить над ним.

- Да, есть немного.

- Ты что, их в швейцарском банке держишь?

- А где же еще? Конечно, в швейцарском банке.

- Из 53-ей камеры? - спросил сержант, начальник бани. О нем ходили слухи по тюрьме, что раньше он был палачом, расстреливал людей, а сейчас он стал начальником тюремной бани, - В вашей камере обнаружили вшей, поэтому сейчас мы тебе сделаем дезинфекцию.

- Нет у меня никаких вшей. И в камере нашей нет их. Если вам поручили помучить меня, то не выдумывайте такие глупые причины.

- Много ты со мной разговариваешь. Сейчас с вами нянчатся. Мало мы ваших раньше постреляли. Надо было выбить вас под корень, чтобы и памяти о вашей вере не осталось.

Он смотрел на меня какой-то животной злостью. Был он очень маленького роста, волосы редкие рыжие, губы бантиком, на вид ему было за шестьдесят лет, по-видимому, он уже был на пенсии, но продолжал исполнять любимую работу. И этот

маленький звереныш, чтобы еще больше досадить мне, зло улыбнулся и продолжал:

- Возили мы ваших на Русский остров и там стреляли, и в бухту. Ох, и крабы потом развелись на том месте. Я до сих пор езжу туда на рыбалку.

"Может и моего деда расстреливал", - подумал я. У меня появилось желание выхватить ведро с химическим раствором и одеть ему на голову. Большим усилием воли я победил это желание. Если бы я это сделал, меня бы затравили собаками. У них всегда дежурили дубаки с собаками. Это было на случай, если обезумевшие от боли люди, набросятся на своих палачей.

- А не думаете ли вы, что придет время, когда вам придется ответить за все?

Палач развеселился.

- Перед кем? Перед вами, что ли, отвечать придется?

- Зачем перед нами? Вы, уже старый человек, и жить вам осталось очень немного.

Я удивился его реакции. По-видимому, он видел много смертей и боялся своей собственной смерти. Напоминание о смерти привело его в бешенство.

Вова, стоя сзади, знаками показывал мне, чтобы я с ним не разговаривал.

А старик, как маленький бесенок, вцепился в мою рубашку и заорал:

- Я тебе приказываю раздеваться! Сейчас ты у нас признаешься, что ты Адольф Гитлер.

С моей рубашки полетели пуговицы. Он стал срывать с меня одежду. Через несколько секунд он собственноручно усердно намазывал меня, а сам в это время, как-то всхлипывал и подвывал, как будто я нанес ему смертельную обиду. Я еще больше убедился, что он очень боится смерти.

А он намазал меня сатанинской смесью, отошел в сторону, любуясь на свою работу, видно, наблюдать, как человек мучается, было его любимым занятием. "Нет, сатана, не представляю я тебе удовольствия. Упаду в обморок, но не буду ни корчиться от боли, ни кричать, ни даже стонать. Я буду стоять и смотреть тебе в глаза". Невольные судороги проходили по моему телу, но я стоял и просил Бога, чтобы Он дал мне силы выдержать это. Страшная боль наполняла мое тело, внутри у меня все стонало. Эта боль железным обручем сжимала мое сознание, чтобы заполнить его и остаться там, чтобы внутри у меня ничего не осталось, кроме боли и желания освободиться от нее.

Теперь были только я и боль, страшная разрывающая боль, но я не проронил ни звука.

- Ты будешь говорить, ты будешь признаваться или еще добавить? - бесновался палач.

- Может быть, хватит? - обратился к старику Вова.

- Нет, я думаю, надо еще добавить, - глядя на меня и удивляясь, сказал палач.

- Сойдет с ума или сердце не выдержит, перед КГБ отвечать придется.

Это моментально отрезвило палача. Видно, и КГБ он боялся не меньше смерти.

- Ну, ладно, открой ему душевую, только воду сразу не открывай.

Он отбросил кисть, которой мазал меня, и выскочил из бани. Сегодня он не получил удовольствия. Вова быстро открыл душевую, и тут же открыл воду. Когда я сделал несколько шагов, новая волна боли обрушилась на меня, может быть оттого, что я расслабился, увидев воду. Уже с помутневшим сознанием, я оказался под душем. Не знаю, как я очутился под душем, дошел сам или Вова помог дойти. Когда я уже смыл раствор, в душевую заглянул Вова.

- Можешь хоть час мыться. Когда надоест, постучишь, - сказал он.

Я медленно приходил в себя под струями теплой воды. Не знаю, сколько я был под душем. "Может уже скоро обед, - подумал я, - а то снова останусь без обеда". Чувство голода никогда не оставляло меня в тюрьме. Я постучал. Заглянул Вова.

- Хватит, - сказал я, - скоро обед.

- Ну, выходи, только мне приказали вести тебя снова в стакан. Может там тебя и накормят - я не знаю.

Вова вывел меня, и мы снова пошли по тюремным переходам.

- Вова, что это за гадость, которой вы людей мучаете? Из чего состоит этот раствор?

- Ага, я тебе сейчас скажу, а ты за границу передашь.

- Да как же я передам отсюда? Может, я вообще отсюда не выйду.

- Вообще-то, да, может и не выйдешь, отсюда многие не выходят, но, такие натуры, как ты выживают. Выживешь, ничего с тобой не случится.

- Ну, тогда скажи, мне просто интересно.

- Это смесь ацетона, керосина, хлорки и еще чего-то. Четвертый компонент - изобретение нашей тюрьмы. Мы не знаем, что это такое, нам не говорят.

- А давно это стали применять?

- Да, нет, может год назад. А, вообще, я тебе советую никому ничего здесь не доказывать. Лучше под дурачка молоти, меньше мучить будут - какой с дурака спрос. У тебя семья есть?

- Жена и шестеро детей.

- Ну и угораздило тебя влипнуть. С такой семьей надо тихо сидеть дома.

В это время мы подошли к залу, в котором находились стаканы, и он сдал меня дежурному. Через пару минут меня снова погрузили в темное чрево стакана. И снова крошечная тьма и колющие стальные стены. Я стоял на ослабевших от пытки ногах. Боль подкралась внутрь, и уже не покидала меня. Я уже знал, что это будет дня три.

Долго мои мысли путались, и я не мог сосредоточить свое внимание ни на чем. Я был под впечатлением пытки. Я начал молиться.

Мои ноги отказывались стоять, и я осторожно облокотился, сначала на одно плечо, потом на другое, потом на спину. Пот катился по моему лицу, шее, по всему телу. Меня от слабости тошнило. От учащенного сердцебиения я ощутил стук в висках. Временами мне казалось, что я на грани обморока, но откуда-то находились силы, как будто открылось второе дыхание. Я переступал эту грань, снова стоял и снова молился. Я много слышал о чудесных исцелениях, которые посылал Бог, и я, конечно, очень хотел тоже получить такое избавление, я очень хотел оказаться дома, в кругу семьи, но я знал, что-то, что человеку определено пройти, он должен пройти. Я добровольно встал на этот путь и оказался здесь не случайно, я знал, на что я иду. Я не просил избавления. Просил только сил, чтобы выдержать и выжить, и чтобы Бог позаботился о моей семье. Время тянулось бесконечно долго.

Наконец, дверь стакана открылась, и меня увели в камеру. Меня снова продержали в стакане без обеда и без ужина.

На этот раз никто не спал. Все догадывались, что я снова в стакане, и все ждали меня. В этот день кто-то в камере получил передачу с воли. Мне оставили кусок колбасы, кусок настоящего хлеба с воли и яблоко. А потом Борис приготовил мне чай.

- У тебя сегодня ужасный вид, - сказал Борис, - ты просто постарел. Сегодня ты не сможешь рассказывать нам о Боге.

- Нет, я хочу сказать. Вам всю жизнь внушали, что Бога нет. У вас выбивали человеческую мораль, поэтому вы здесь. Но,

посмотрите, если нет Бога, то какой мне смысл бороться ни за что, а им против чего бороться?

Я действительно в этот вечер ничего не мог говорить. Я лег на нары, и почти моментально, уснул. На следующий день, в пятницу, меня не вызвали на допрос. "Суббота и воскресенье, выходные, значит, я отдохну три дня", - думал я, прохаживаясь по прогулочному дворику. Я всегда ходил рядом с Борисом. Мы молчали. Я думал о своем, Борис - о своем. Вдруг Борис неожиданно спросил:

- Тебе фамилия Быков знакома?

- Знакома. Константин Быков, подполковник краевого КГБ. Приходилось сталкиваться. А что такое?

- Вчера он вербовал меня, чтобы я на тебя доносил. Вызывали меня в кабинет, вином угощали, еда из ресторана была. Нахальный такой. "Послужи, - говорит, - Родине, и Родина тебе руку помощи протянет. Ты же туберкулезный, тебе жить осталось год, два". "А что, Родина, это менты, что ли, или КГБ?", - я у него спросил. Он прямо сказал: "Поможешь нам, мы тебе поможем, хотя ты нам и так помог. Мы его специально к тебе посадили. Он туберкулез от тебя подхватит, долго не протянет.

А тебе мы поможем, подлечим, выпустим досрочно", "Вы что, меня насадкой хотите сделать?", "Ну, зачем так? Это у вас, у уголовников, так называется, а у нас будешь секретный агент под номером. Тебя даже менты бояться будут", "Я никогда ни насадкой, ни стукачом не был, и не буду. По-вашему это называется секретный агент, а по-нашему, просто стукач. А

здоровье, которое у меня отняла Родина, вы все равно не вернете". Мы вернулись с прогулки в камеру. Я снова стал вспоминать.

Глава 9 Провокации

В Находке, всех, кто получили вызовы, пригласили в паспортный стол и официально заявили, что в сентябре всех отпустят за границу. - Оформляйте документы, продавайте дома, увольняйтесь с работы, готовьтесь к выезду, - заявили нам, - Времени у вас мало. За три-четыре месяца у вас все должно быть готово.

Люди так и делали. Мы с Василием Патрушевым предупреждали, что это - вполне возможная провокация, но люди не слушали. Некоторые продали дома, перешли жить к родственникам, к друзьям, уволились с работы, но, когда наступил обещанный сентябрь, разрешения на выезд никому не дали.

Я понимал, что власти оттягивают время, что никого отпускать они не собираются. Им нужно было остановить людей ложными обещаниями, чтобы спокойно прошла Белградская конференция по сотрудничеству и безопасности в Европе, которая будет подводить итоги Хельсинского соглашения.

Я решил, во что бы то ни стало, добиться ответа у властей до начала этой конференции. Стал настоятельно убеждать

всех, кому обещали в сентябре дать разрешение на выезд - особенно тех, кто лишился домов и работы, - идти и требовать любой ответ. Многие так и делали.

Власти никакого ответа не дали, и основная масса людей поняла, что их обманули.

Почти до рассвета мы решали церковным советом, что делать, и пришли к решению: если власти боятся обсуждения нашего вопроса на Белградской конференции, то нужно сделать все, чтобы поднять наш вопрос.

Мы решили составить обращение к участникам Белградской конференции, чтобы был поставлен вопрос о положении верующих в СССР, а также вопрос о тех, кого обманули в вопросе выезда, и в дни Белградской конференции объявить десятидневную голодовку. От Находки согласились участвовать в голодовке около двухсот человек. Еще свыше трехсот человек присоединились к нам из других концов Советского Союза.

В сентябре по этому поводу мы организовали пресс-конференцию на квартире Татьяны Великановой, члена группы "Хельсинки". На ее квартире впервые собрались представители пятидесятников от России, Прибалтики, Украины, Белоруссии. Наше движение набирало силу, авторитет.

После возвращения в Находку 2 октября меня вызвали в местное отделение КГБ. Майор КГБ Рудницкий зачитал мне

предостережение, на основании указа Президиума Верховного Совета СССР, о том, что если я не оставлю свою деятельность, то буду привлекаться к уголовной ответственности. Такое же предупреждение получил Владимир Степанов.

10 октября "Голос Америки" передал подробную информацию о нашей голодовке и о ее причине. А "Голос Америки" - самая популярная радиостанция в Советском Союзе.

Все это время я находился под наблюдением агентов КГБ. Они открыто ходили за мной, моей женой и матерью. Такую же слежку они установили за Степановым и Патрушевым. Это был жесткий контроль. На молитвенных собраниях во время этой голодовки чувствовался особый дух единства среди членов церкви. На одно из собраний пришла целая делегация из партийных работников, из прокуратуры, милиции и КГБ. Во время собрания, они попросили дать им возможность побеседовать с людьми.

- Товарищи! Вы попали под влияние религиозных экстремистов, диссидентов, антисоветчиков, которые толкают вас на путь нарушения советских законов, - ораторствовал уполномоченный по делам религии Чупин, - Прекратите голодовку! Ведь на сегодняшний день вас не преследуют, не сажают в тюрьмы. Вот скажите, когда последний раз кого-нибудь осудили?

- Только в прошлом году освобожден последний, - ответил кто-то.

- Ну, в этом же году, из вас никого не посадили, -

продолжал Чупин, - и впредь мы вас трогать не будем. Ну, было раньше, было, мы ничего не говорим, перегибали мы, а сейчас спокойно молитесь. Регистрируйтесь, а если местные власти будут вас обижать, то зачем за границу жаловаться? Обращайтесь ко мне.

- Вы так говорите, потому что за границей узнали о ваших преступлениях, а то бы вы сейчас с нами по-другому разговаривали. Мы не верим вам. Все равно вы с нами разделаетесь позже, когда мы успокоимся, а за границей о нас забудут. Со всех сторон слышались возгласы: "Мы не верим вам, не верим, не верим".

Тогда выступил прокурор, сказав, что своими действиями, мы нарушаем закон тем, что даем пищу буржуазной пропаганде. За это, по крайней мере, трое могут понести уголовную ответственность. Все поняли, кто были эти трое. И каждый вставал и говорил: "Если арестуете их, берите и меня". Через минуту вся наша община стояла на ногах. "Нет большей любви, как кто душу свою положит за друзей своих". Каждый готов был положить душу свою за друзей своих.

Все стояли перед прокурором, и я был уверен, что каждый сейчас готов идти в узы, каждый готов был пострадать за ближнего. Но, к сожалению, я ошибался, не знали мы тогда, что каждого из нас проверят, и не знали, сколько нас останется после такой проверки через два-три года. Не поверил бы я тогда, что из тех, кто первые кричали (Арестовывайте и меня) двое, через пять лет будут работать на КГБ, талантливо - с

душой - будут доносить безжалостно, азартно и помогут упечь меня на второй срок.

Церковь наша была незарегистрированной, подпольной. Мы не имели здания и проводили наши служения в домах. У кого дом был побольше, там и собирались. Последнее время мы собирались в доме Анны Чуприной. Через пару недель после нашего разговора с прокурором, когда я шел утром на работу, я встретил Степанова.

- Это бандитизм, настоящий бандитизм, - сказал он здороваясь.

- В чем дело?

- Что, ты разве не знаешь? Дом Чуприной разгромили.

- Как разгромили? Только вчера там было служение.

- Да, в девять закончилось служение, а в двенадцатом часу, их дом громить стали. Пойдем, сам увидишь. Мы подошли к дому Чуприной. Все окна в доме были выбиты, рамы сломаны. В стенах были выбоины от камней. Штукатурка осыпалась. Крыша во многих местах была пробита. Мы вошли в дом. Весь пол был засыпан камнями и битым стеклом. Камни были величиной с кулак и больше. Мы удивились, как все Чуприны остались живы. Оказалось, они успели забежать в промежуточную комнату, куда камни не залетали. На четырех кроватях мы насчитали сорок два булыжника. Сергей Онищенко тут же все сфотографировал. Чуприны вызвали милицию. Милиционер

составил протокол и уехал. Мы в тот же день помогли отремонтировать дом. Через несколько дней Чуприну вызвали в милицию.

- Подумаешь, какой-то хулиган бросил камень в окно, - сказал, ухмыляясь, начальник милиции. Никто ваш дом не громил. Это, провокация. Вы хотите эту информацию передать за границу, как факт преследования верующих. Чем вы докажете, что вам его разгромили?

- Нам отремонтировали дом, но у нас есть фотографии, какой он был до ремонта.

- Есть фотографии? Интересно, принесите, посмотрим.

Когда Чуприна принесла фотографии, в кабинете начальника милиции сидел сотрудник КГБ. Он посмотрел фотографии.

- Кто вам делал эти фотографии и зачем? Что вы с ними собираетесь делать?

- Что вы спрашиваете, кто сделал фотографии да зачем, вас должно интересовать, кто разгромил мой дом, и искать того, кто это сделал.

- Да, вы же сами и разгромили свой дом, чтобы потом сфотографировать и передать за границу.

После такого наглого ответа, Чуприна заплакала и ушла домой.

Об этом необходимо было передать за границу. Но делать это стало не так просто. Нас разделяло с Москвой расстояние в десять тысяч километров. При покупке билета на самолет

нужно предъявлять паспорт, а ехать на поезде почти семь суток, за это время могут не один раз снять с поезда.

Первую попытку приехать в Москву с этими документами мы сделали через месяц, но эта попытка не удалась. Степанов, Чуприна и я приехали во Владивостокский аэропорт. Он находится в ста сорока километрах от Находки. Зашли в здание аэропорта. Осмотрелись. Слежки, вроде, нет. Я подошел к билетной кассе. За стойкой кассы сидела молодая кассирша, видно, недавно окончившая школу.

- Есть билеты на Москву? - спросил я.

- Сейчас проверю, - ответила кассирша, - Да есть, через два часа будет отправление.

- Мне нужно три билета.

- Пожалуйста, ваши паспорта.

Я подал паспорта. Она открыла мой паспорт, посмотрела на меня, потом, на паспорт, снова на меня, и снова на паспорт.

- Минуточку, - и исчезла с паспортами. "Прилетели", - подумал я.

Через несколько минут кассирша вернулась и, к моему удивлению, рассыпаясь в любезностях, выписала три билета. Я поблагодарил ее, и мы прошли в зал ожидания, на второй этаж. Мы сели так, чтобы был виден весь зал, у меня уже выработалась привычка садиться так, чтобы обнаружить слежку.

Минут через пятнадцать-двадцать я обратил внимание на странного типа лет пятидесяти. На нем была старая

замызганная шапка, старое потертое пальто. Он напоминал колхозника из провинции, которые летали местными авиалиниями. Но, у этого "колхозника" были шикарные дорогие туфли и брюки от явно дорогого костюма.

- Странный тип, - сказал я Степанову, - смотри, как одет.

- Да, я заметил.

Через несколько минут этот странный "колхозник" несколько раз прошел мимо нас, временами останавливаясь, как бы читая расписание самолетов. Потом он исчез, но появились двое молодых типов, которые, не скрывая, наблюдали за нами. Мы стали совещаться, что делать: вернуться, не искушая судьбы, домой, или продолжать путь дальше? И мы решили лететь. Посоветовавшись, мы сказали Чуприной, чтобы она взяла сумку с документами и фотографиями и спрятала все у себя в одежде.

Чуприна пошла в туалет. Двое типов ринулись за ней. Агенты растерялись, видно инструкция не предусматривала такого случая, а потом нахально заскочили в женский туалет, но тут же выскочили оттуда. Объявили посадку. Открытой слежки мы уже не видели. Мы зарегистрировали билеты. Дальше очередь двигалась на досмотр багажа, где нужно было пройти через магнитную дугу, реагирующую на металлические предметы. Первой пошла Чуприна. И тут же замигала красная лампочка и зазвенел звонок. Чуприну увели в комнату для досмотра. Вторым прошел Степанов. Повторилось то же самое. Его тоже увели.

- Хватит играть в игрушки, у меня сейчас тоже зазвенит, не проходя через дугу, - сказал я, стоящему рядом с милиционером агенту КГБ. Вызывай, кому я там нужен. Из-за магнитной дуги, как из-за угла, появился улыбающийся подполковник КГБ Быков. Он услышал, что я сказал.

- Пойдем, пойдем, Борис Георгиевич, побеседуем. Он завел меня в комнату, обставленную дорогой мебелью. Там сидели двое, уже знакомый "колхозник", который оказался заместителем начальника краевого управления КГБ полковником Юбко. Второй мне представился так:

- Я, вот, генерал, а вынужден свое время тратить на тебя, хотя у меня и без тебя дел хватает. Что вы собираетесь делать с этими фотографиями в Москве? - он бросил на стол фотографии, отобранные у Чуприной.

Я отказался отвечать на его вопрос.

- Смотри, Борис Георгиевич, папка с делом на тебя растет. Я не запугиваю тебя, но говорю, как есть. Придет время, когда эту папку придется открыть прокурору. Я здесь не просто так, я приехал предупредить тебя на достаточно высоком уровне, хотя ты уже имеешь правительственное предупреждение. Сейчас вы вернетесь домой, и я предупреждаю тебя, чтобы с сегодняшнего дня, в течение месяца, ты не выезжал из Находки. С сегодняшнего дня ты под домашним арестом. И если ты действительно хочешь уехать за границу, то это не так делается.

После этих слов он замолчал, посмотрел на меня, ожидая, что я спрошу: "Как?". Я молчал.

- Что, брезгуешь у гэбэшника совет спросить? Я дам тебе совет: порви все свои связи с диссидентами и иностранными дипломатами, и вообще, умри для политики.

- Я, не политик, и никогда политикой не занимался, - сказал я.

- Ты не прикидывайся, ты отлично понимаешь, что тебя используют в большой политике.

- Так вы не давайте материал для большой политики, не преследуйте нас, а тем, кто не согласен с вами, не препятствуйте выехать из Союза.

- Ну, вот видишь, что ты сейчас наговорил, а говоришь, не политик. Это же чистая политика. Посиди тихо с годик, никому ничего не советуй, никуда не жалуйся, всех отшей от себя, думай только за свою семью, а потом тихонько подай документы, и мы тебя отпустим. Только это должно быть тихо и незаметно.

- Вы ошибаетесь, выезд для меня не цель.

- Ну, я считаю, наш разговор закончен, мы друг друга отлично поняли. Дай Бог нам больше не встретиться. А над советом моим подумай вместе с женой.

По прибытии домой, я сразу позвонил Глебу Якунину, и рассказал ему обо всем.

А через несколько дней Чуприна получила письмо из посольства США. Ее приглашали в посольство для беседы, и она могла взять сопровождающих ее лиц, если она того желает.

Советское Министерство Иностранных Дел заверило посольство США, что советские власти не будут чинить

препятствий при входе в посольство США. Мы восприняли это письмо, как охранную грамоту. Заранее купили билеты, и опять, в том же составе, поехали в аэропорт. Никто нас не задержал. Поздно вечером самолет приземлился в Москве. Мы поехали к Вадиму и Зарине Щегловым, религиозным диссидентам из группы Якунина. Это была уникальная группа, в которой объединились православные, пятидесятники, баптисты, адвентисты и другие религиозные направления. Двери квартиры Вадима и Зарины всегда были открыты для всех, кому нужна была помощь, поэтому мы, несмотря на поздний час, ехали туда. Утром мы с Вадимом переговаривали о цели нашей поездки. Мы сидели на кухне и пили чай. Вадим сидел около окна.

- Что-то мне не нравятся эти зеленые "Жигули". Сколько я смотрю, там сидят два человека и не уходят. Я пойду на работу, а вы посматривайте за этой машиной. По-моему, вы за собой хвост притащили, - сказал Вадим.

Мы стали посматривать за машиной. Она все стояла на месте, только люди в ней стали меняться. Подъезжала "Волга". Одних привозила, других забирала. За нами была слежка.

Утром мы позвонили в посольство, и условились подойти к посольству ровно к десяти часам. Нас пообещал встретить служащий посольства.

- Борис, - обратилась ко мне Зарина, - у нас есть бумаги, которые мы никак не можем переправить на Запад. Они не должны попасть в руки гэбэшников, если попадут, могут пострадать люди. С таким приглашением, как у вас, КГБ не

рискнет задерживать вас, и хоть они и установили слежку, но задержать не должны, они же заверили посольство в этом. Конечно, мы возьмем эти бумаги, - ответил я, - Только, если это настолько серьезно, то открыто нести их нельзя, все может быть.

Я достал свой костюм, в котором собирался идти в посольство, подал Зарине брюки, показал на пояс.

- Сюда их.

Информация была на тонкой папиросной бумаге. Зарина по шву распоролла пояс, вставила бумагу и зашила. Как только мы вышли из квартиры, за нами медленно двинулись "Жигули", где сидели уже четверо. Когда мы вошли в автобус, откуда-то еще появились агенты КГБ. Хотя мы и имели приглашение из посольства, но нас нервировало открытое присутствие КГБ. Около меня стоял здоровый мордатый парень лет двадцати восьми. Когда мы вошли в вагон электрички метро, я снова увидел его около себя. Я не выдержал и сказал:

- Не стыдно тебе ходить, следить за людьми? Выучился бы, приобрел специальность, человеком бы себя чувствовал, а ты ходишь за мной топчешься. Так и жизнь вся пройдет, все будешь топтаться за кем-нибудь.

- Подожди, ты у меня договоришься, - ответил он. Мы так и спорили с ним, пока ни приехали. Вышли на автобусной остановке, которая находится метрах в ста от посольства. Там стояли люди, человек десять-двенадцать. Они неожиданно образовали толпу и двинулись нам навстречу. А впереди откуда-то появился милиционер.

Я сразу понял, что эта толпа сделала живую стену, чтобы закрыть нас от служащего посольства, который уже вышел и ожидал нас.

- Эй, ребята, подождите, куда это вы направляетесь? - сказал милиционер, - Ну-ка, покажите ваши паспорта. Мы протянули ему паспорта. Он взял их, положил в карман.

- Пройдемте.

- В чем дело? - возмутился я.

- В отделении милиции разберемся, - ответил милиционер.

В это время сзади появились еще два милиционера. За углом, метрах в двадцати от остановки, стояла милицейская машина. Отделение милиции находилось рядом, и минут через пять мы уже были в приемной у дежурного.

Часа четыре на нас никто не обращал внимания. Я был обеспокоен тем, что у меня были бумаги Зарины. Нужно было избавиться от них, чтобы они не попали в руки КГБ. Я попросился выйти в туалет, думая там избавиться от бумаг. Однажды я уже так делал, но сейчас сопровождающий милиционер не давал мне возможности остаться одному.

Через час в приемную вошли двое в штатском. Один из них указал на Степанова:

- Сейчас ты поедешь за вещами.

- Я не помню дороги.

- Ничего, мы знаем, - ответил второй.

Сильно отказываться нельзя было, чтобы не вызвать никаких подозрений, и я сказал Степанову:

- Смотри, не перепутай мой портфель, он такой же, как у Зарины, а у меня там деньги.

Степанова увезли. Часа через полтора они вернулись. Степанов преподнес мне портфель Зарины. Я открыл его.

- Что за портфель ты мне привез? Я же предупреждал тебя, чтобы ты не перепутал. Смотрите, что он привез мне.

Агент КГБ вышел, минут через десять вернулся и сказал:

- Все трое, в машину. Сейчас ты, - он указал на меня, - заберешь свои вещи, а оттуда, в тюрьму. Посидите дня три, а там посмотрим, что с вами делать.

Когда мы подошли к двери квартиры Вадима и Зарины, гэбэшник позвонил в дверь, и спрятался за моей спиной, чтобы его не видели в дверной глазок. Вадим открыл дверь. Я отшвырнул агента в сторону, забежал в квартиру.

- Вадим, гэбня за мной!

Вадим уже и сам понял. Мы вместе надавили на дверь и закрылись на замок. Агенты матерились и ломились в дверь. Я забежал в зал. Там уже был Глеб Якунин. Зарина без слов все поняла. Подбежала ко мне и стала вытаскивать бумаги, а Якунин уже набирал номер телефона Сахарова, чтобы я объяснил ему, что произошло. Гэбэшники ломились в дверь. Я не хотел неприятностей Вадиму и Зарине, очень кратко рассказал обо всем Сахарову, и стал подробнее рассказывать обо всем Глебу, пока Зарина вытаскивала свои бумаги. Вадим все стоял под дверью и ругался с гэбэшниками. Я взял свой портфель и вышел из квартиры.

- Можно ехать, - сказал я, - Вот мой портфель.

- Ну ты и наглец, - сказал один из гэбэшников. Нас привезли в тюрьму. Чуприна была в истерике:

- У меня же приглашение в посольство! Гэбэшники не слушали ее. Один толкнул ее в спину.

- Сейчас тебя в камеру приглашают. Чуприну увели. Потом меня и Степанова развели по разным камерам. Я объявил голодовку.

Через три дня нас под конвоем отвезли в аэропорт и отправили во Владивосток.

1977 год подходил к концу. Приближалось Рождество. На одном из служений я предложил поздравить президента США и весь американский народ с Рождеством, и призвать их совершить молитву за тех, кто не имеет свободы вероисповедания. Я составил текст телеграммы и отнес ее на почту. Обратный адрес поставил свой. Через два дня я получил повестку в КГБ. Здание КГБ в Находке имеет вид обычного здания. Обыкновенное трехэтажное здание. Оно теряется среди домов, каскадом сходящих к морю. Пройдешь мимо и не подумаешь, что это, КГБ. Никакой вывески, только адрес: Портовая, 22.

Я открыл тяжелую, массивную дверь и очутился в маленьком коридоре. Дверь за мной плавно захлопнулась. Я стал открывать дверь впереди. Закрыто. "Может быть, обеденный перерыв?", - подумал я и хотел выйти, но задняя

дверь тоже не открывалась. Самому ее можно было открыть только с улицы. Я был, как в ловушке. "Ну и система", - подумал я, и в это время в стене с правой стороны, открылось маленькое окошко, которое сразу и не заметишь. Из окошка послышался голос: "Вам кого?".

Я заглянул в окошко. Там все было сделано так, чтобы никого не было видно. Я молча сунул туда повестку. Голос мне сказал: "Ждите".

А что же мне оставалось делать, когда не пройдешь ни вперед, ни назад. Через несколько минут дверь впереди открылась, и я увидел майора КГБ Рудницкого. Он был, примерно, одного возраста со мной. Худощав, высокого роста, широкоплеч. Я давно слышал о нем. Лет десять назад он был "механиком в автобусном парке" и работал с верующими. Но никто тогда не подозревал, что он был старшим лейтенантом КГБ. Он вошел в доверие к верующим, стал посещать собрания. Но однажды Рудницкий появился перед верующими в форме старшего лейтенанта КГБ и в качестве начальника отдела КГБ по борьбе с религией. Но сейчас он был уже майор.

- Милости просим, - улыбаясь, сказал Рудницкий и провел меня в просторное помещение, которое находилось с левой стороны от входа. Это была "Ленинская комната", или класс для занятий. По всей комнате рядами стояли стулья, а впереди трибуна для выступающих. Я бегло взглянул на стулья и прикинул, что здесь работает человек пятьдесят. Рудницкий

сразу заметил это.

- А ты, не дурак, - сказал он, - Не успел войти, сразу вычисляешь, сколько нас здесь. Правильно, я тоже так сделал бы. Он положил на стол передо мной телеграмму.

- Эта телеграмма не годится.

- Почему?

- Во-первых, она антисоветская, а во-вторых, это, внешняя политика, а внешней политикой занимается Министерство Иностранных Дел.

- Чем же она антисоветская?

- Тем, что вы призываете в ней молиться за тех, кто не имеет свободы вероисповедания.

- Вы что, можете ответить за весь мир? Разве свобода во всем мире?

- За весь мир - нет, но у нас - свобода.

- В телеграмме не указано, что в Советском Союзе нет свободы вероисповедания, и чтобы молились именно за Союз.

- Все равно, вы имеете ввиду себя, - зевая сказал Рудницкий.

- Раз вы такой догадливый, значит, вы отлично понимаете, что у нас нет свободы, и поэтому не пропускаете эту телеграмму.

- У нас разные понятия о свободе, - уже раздражаясь сказал Рудницкий, - Мы считаем, что для вас свободы больше, чем достаточно, так что эта телеграмма никуда не пойдет. Она приложится к твоему будущему уголовному делу. Ну, ладно, -

уже спокойно продолжал он, - теперь я хочу поговорить с тобой просто как человек. Знаешь, я рос в детском доме, без родителей. Отца моего расстреляли во время Сталина, но я не обижаюсь на советскую власть, потому что знаю, что отец не понял дух времени. Сейчас я работаю в системе, которая уничтожила моего отца. Сейчас, новое время, и я укрепляю эту систему и считаю ее самой справедливой. Я смотрел на Рудницкого и думал: "Какой страшный человек сидит передо мной. Они убили его отца, обокрали его детство, сделали его сиротой, а он стал наследником убийц и еще и гордится этим".

- Вот, ты не был за границей, - продолжал он, - а я вот четыре раза был: в Японии, Америке, в Австралии и Канаде, и видел там и бездомных, и безработных, и голодных. А чего тебе здесь не хватает? Что вот тебе надо? У тебя хорошая квартира, машина, работа, все есть. Да, вы правы, все безработные и бездомные в тюрьме, и, нет проблем. А у меня все есть, и КГБ всегда рядом, и тюрьма всегда ждет.

Я понимал, что он вызывает меня на разговор, чтобы ловить на слове.

- Не хлебом единым жив человек, - ответил я, - Извините, у меня нет больше желания разговаривать.

Наступил 1978 год. В Москве аресты следовали один за другим. Почти каждый месяц мне приходилось писать протесты в защиту кого-либо из арестованных.

И, удивительное дело, за последние три года из нас никого не посадили. Власти, оставив нас, перенесли удар на

правозащитное движение. Мы понимали, что когда КГБ расправится с диссидентами, то этим изолируют нас от Запада и от христианской мировой общественности, и тогда тысячные этапы верующих потянутся в лагеря. Но одно власти не учли и ошиблись: мы уже сами стали частью правозащитного движения, мы могли уже действовать самостоятельно. После каждого ареста в Москве Находкинский КГБ, несмотря на то, что мы были так далеко от Москвы, производил по десять-двенадцать обысков в день.

Глава 10 Капитан Климов

В один из февральских вечеров, часа через два после очередного обыска, мы с женой делали уборку в доме. Я подбирал с полу книги и расставлял их по полкам шкафа, а Зина возилась на кухне, убирая разбросанную посуду и продукты. В это время кто-то тихонько постучал в окно. Я открыл дверь. На пороге стоял Степанов. - Пойдем, - сказал он, - поговорить надо. К этому времени наши дома уже прослушивались. Мы вышли на улицу. Стоял морозный вечер, шел снег. Стоять во дворе и разговаривать было холодно, и мы пошли вниз по улице. Моя Люба нашла записную книжку кого-то из гбэшников. По всей видимости, ее обрели, когда отбирали рукопись со стихами. Люба хотела сохранить эту рукопись от конфискации. Она незаметно взяла тетрадь со

стихами, хотела так же незаметно выбросить ее во двор. Уже стояли сумерки. Люба вышла во двор, но во дворе стоял гэбэшник. Он увидел тетрадь, и набросился на Любу, чтобы отобрать эту тетрадь. Между ними завязалась борьба. На шум прибежал другой гэбэшник, капитан Климов, который руководил этим обыском. По-видимому, кто-то из них и обронил эту записную книжку. Мы не заметили, как подошли к дому Степановых. Через час я уже ознакомился с этой записной книжкой. Книжка имела семьдесят страниц. Ее содержание было трудно разобрать, так как часть информации была зашифрована цифровыми кодами, другая часть - стенографическими символами, несколько страниц были исписаны сокращенными словами. После беглого ознакомления стало ясно, что КГБ получает информацию от осведомителей из нашей среды.

Я забрал записную книжку. Посмотрим, что будет дальше. Через несколько дней, поздно вечером, в окно дома Степановых кто-то постучал. Это был капитан Климов. Он был одет в рабочую одежду, и Степанов сразу не узнал его.

- Владимир, мне нужно с тобой поговорить. Только, пожалуйста, не дома, твой дом прослушивается.

- В чем дело?

- Пожалуйста, отдай то, что ты нашел.

- Как это понимать? Что я должен отдать?

- Ты что действительно ничего не находил? Может дети что-нибудь нашли?

- Что это за провокация? Какие находки? Какое прослушивание дома? Решили в разведку поиграть, что ли? Я прошу больше ко мне не приходить, и не хочу ни о чем говорить. Это - провокация.

- Владимир, я прошу тебя, верни мне, что нашел, пожалуйста, ты же верующий. Я больше нигде не мог потерять, только у тебя в доме или во дворе.

После этого Степанов, как мы и договорились, отослал его ко мне.

- Кажется, Борис здесь что-то находил. Обратись к нему. На следующий день, вечером Климов уже ехал в автобусе со мной, когда я возвращался с работы. Он взглядом показал мне, чтобы я сошел с ним на остановке. Я вышел из автобуса, а он вышел не сразу, перед самым закрытием двери, так, что дверь его чуть не зажала. Он опять взглядом показал, чтобы я следовал за ним. Мы прошли метров сорок и завернули за угол дома. Это был безлюдный переулок.

- Продай то, что нашел.

- Что ты имеешь ввиду?

- Не надо со мной играть, мне же Степанов сказал, что ты нашел.

- Я тоже думаю, что нам играть не надо. Если хочешь, чтобы разговор был деловой, говори прямо.

- Хорошо, ты нашел мою служебную записную книжку. Я предлагаю тебе за нее деньги, 300 рублей!

- Мало.

- 500 рублей!

- Мало.

- Сколько тогда?

- Денег мне не надо. Помоги мне.

- В чем?

- Мне нужно знать, кто в нашей среде работает на вас.

- Ты что, на предательство меня толкаешь? Я - офицер. Я присягу давал. Тебе одну услугу окажи, а ты шантажировать станешь, на всю жизнь запряжешь.

- Мне надо совсем немного. Ты знаешь, верующие не обманывают, слово держат.

- Вот, вот, я знаю, как ваши верующие слово держат.

- Меня как раз такие и интересуют, которых ты знаешь.

- Я присягу давал. Я не могу на это пойти.

- Ты уже все равно нарушил свою присягу. Торгуешься со мной за свою записную книжку. Иди сдавайся.

- Сдаваться не могу, тогда конец моей карьере.

- Это дело твое. Не хочешь, не надо. Впрочем, я не прошу у тебя выдавать государственную тайну, она мне не нужна. Единственная просьба, выдай агентов из нашей среды. Вы же сами их презираете, потому что они предают своих же братьев, и готовы отправить в тюрьму любого. Я же знаю, что вы могли обещать им выезд за границу, деньги. А некоторых на чем-нибудь поймали и просто шантажируете, и люди из страха на вас работают. Если ты их выдашь, безопасность государства от этого никак не пострадает, а от тюрьмы кое-

кого, возможно, спасешь.

- Да, - задумчиво сказал Климов, - крепко ты взял меня за глотку обеими руками. Я твою биографию знаю. Одногодки мы с тобой. Могли в детстве в одном классе учиться, друзьями быть могли. А вместо этого друг за другом охотимся. Он замолчал. Я тоже молчал, давал ему выговориться.

- Если откровенно, то это мне совсем неприятно воевать против тебя, против верующих. Я же все себе не так представлял. Я шел в КГБ, думал Родину защищать буду, иностранных агентов разоблачать, против мафии бороться, а тут, вот видишь, как получается. Ну, ладно, все-таки я подумаю.

- Сколько нужно времени для этого?

- Два дня, но мне нужна гарантия, что моя книжка никуда не попадет.

- Гарантия - мое слово.

Мы договорились встретиться в Южном микрорайоне, в лесу.

- Как только сойдешь на последней остановке в Южном микрорайоне, - сказал я, - то двигайся по этой улице дальше, там, где кончаются дома, улица переходит в лесную дорогу, там я тебя увижу, и сам подойду.

Мы договорились встретиться в два часа, но я пришел на полтора часа раньше. Я забрался на противоположный склон и оттуда стал наблюдать, как приедет Климов, привезет ли его машина КГБ или он приедет автобусом, нет ли засады. Все-таки было опасно вербовать агента

КГБ, да и меня одолевали сомнения, может быть это провокация, может записную книжку подбросили, и тогда я могу получить уголовное обвинение, склонял к измене работника государственной безопасности, а это может кончиться расстрелом.

Я сидел на склоне, скрываясь в кустах орешника, и осматривал окрестность, наблюдая в бинокль. Не заметив ничего подозрительного, я стал наблюдать за дорогой и за автобусной остановкой. Подошел автобус. Из него вышли несколько человек, которые не заинтересовали меня. Я снова принялся наблюдать за окрестностями, но не забывал просматривать и дорогу. Минут через двадцать подошел очередной автобус. Вышедшие люди разошлись в разные стороны, и только один пошел прямо по дороге. Я стал внимательно рассматривать его в бинокль. Это был Климов.

Я пришел раньше, в целях безопасности, чтобы упредить неожиданности. Мне казалось, что я был готов к опасности, но когда я увидел Климова, который появился раньше, чем на час, мне стало не по себе. Он шел по накатанной машинами дороге, дошел до места, где дорога переходила в лесную, остановился, и вдруг сделал резкий прыжок от дороги, в кусты, и стал двигаться вдоль дороги, по кустам. Я понял, что он не хочет оставлять следы на снегу. Поднявшись наверх метров на пятьдесят, Климов остановился. Его закрывали кусты и деревья. Мне стало плохо видно его, но я, все-таки, рассмотрел в бинокль, что он прислонился к дереву и что-то достает из-под куртки.

Мои нервы были напряжены. Одна догадка за другой проносились в голове. Что он достал из-под куртки? Автомат или обрез охотничьего ружья? Вместе с тем, у меня нарастало чувство, что я окружен со всех сторон. Инстинкт подсказывал мне уходить, пока не поздно, но здравый смысл говорил во мне, чтобы я был спокоен. Климов постоял минут пять, и не поднимаясь выше, двинулся вдоль склона. Теперь он что-то нес в руке. Я уже не сомневался, что он вооружен. Потом он снова остановился и вдруг скрылся в густом орешнике. Я потерял его из виду. Я был окружен деревьями, которые скрывали моего врага, и казались мне в этот момент враждебными. Морозный ветер гудел по верхушкам деревьев, не давая услышать шаги. Я взял себя в руки и стал снова внимательно осматривать местность. Я решил спускаться к дороге и, не выходя на нее, понаблюдать, что будет делать Климов. И тогда будет видно, встречаться с ним или нет. Я стал медленно спускаться, прячась в кустах и за деревьями. Мои ноги меня не слушались, в ногах появилась какая-то противная слабость. Усилием воли, я толкал себя вниз. Не доходя метров двадцать до дороги, я остановился и стал наблюдать. Климов посматривал на часы. Было двадцать минут третьего. Я решился на встречу. Вышел из-за деревьев и свистнул. Климов оглянулся и увидел меня. Я махнул рукой, чтобы он шел за мной. Мы немного поднялись по склону. Я остановился. Климов увидел у меня в руках бинокль и рассмеялся.

- Извини, но я хочу обыскать тебя, мало ли что ты мог притащить сюда, может быть у тебя оружие.

- Ну, обыскивай.

Климов распахнул куртку. На шее у него висел бинокль. Теперь мы смеялись оба.

- Ты принес записную книжку?

- Неужели ты думаешь, что я отдам тебе твою книжку, не проверив информацию. Мало ли что ты мне сейчас наговоришь. Твоя книжка в надежном месте, никто, кроме меня, ее не может взять.

- Хорошо, говори конкретно, что тебя интересует.

- Мне нужна оперативная информация о нас. Что власти намерены делать с нами? Кто находится под угрозой ареста? Кто работает на вас из нашей среды?

- О, сколько у тебя вопросов, а говорил только один. Смотрю я на тебя, Борис, и никак не могу понять, то ли ты фанатик, то ли авантюрист? Не обижайся, что я так говорю. Я имею ввиду, это с положительной стороны. Но, все-таки, это ненормально смотрится. У нас тоже свои убеждения, но мы работаем не только ради своих убеждений. У нас очень высокая зарплата, большие льготы, в конце концов, мы работаем за награды, за звания, за должности.

А ты, за что? Я знаю, что ты не дурак, и знаешь против чего идешь, на пути какой машины ты становишься, и какая страшная эта машина, сколько людей попало под ее зубья, и следов, и памяти от них не осталось. В конце концов, она переломит и тебя. Ты об этом хоть думаешь? И думаешь, куда ты меня втягиваешь?

- Вот, видишь, Алексей, ты осознаешь, что являешься одним из зубьев этой машины. Ты сам признал, что вас хорошо смазывают. Я знаю, что я могу попасть под зубья этой машины, но я делаю все, чтобы как можно меньше людей попало под эти зубья, а ты, наоборот. А награды здесь за эту работу я никакой не жду.

Климов задумался. Долго смотрел себе под ноги. Иногда переводил свой взгляд на меня. И вдруг, сказал решительно:

- Я тебе сейчас не в обмен за книжку скажу. Не подумай, что ты меня завербовал - страшно ненавижу это слово - а просто... я же тоже человек. Агентов из вашей среды я знаю не всех, а только тех, с кем работаю, но я дам тебе адрес явочной квартиры, куда приходят агенты. Их не так много, как вы думаете, ты увидишь это. Но, каждый агент имеет своих информаторов или же своих агентов влияния, которые не подозревают, что выполняют нашу волю и помогают нам. Через них мы узнаем информацию, распускаем слухи, которые нам выгодно в вашей среде. У каждого агента есть свой день и час, они работают по расписанию, и никогда не встречаются друг с другом, и не знают, что работают на одного хозяина.

- Ты можешь назвать честных людей, а я буду их считать агентами. Давай сделаем так: когда ты выходишь на связь со своим агентом, который дает информацию, что в твоей книжке?

- По четвергам. Мне нужно узнать от него, кто фотографировал разбитый дом Чуприной? Нам очень

невыгодно, если эта фотография попадет на Запад. Я должен дать задание агенту, узнать об этом.

- Значит, это будет через два дня. Направь этого агента к Патрушеву, и чтобы он был у Патрушева в пятницу вечером. Если он придет и будет интересоваться этим вопросом, я сразу после этого отдам тебе книжку.

- Хорошо, - согласился Климов и продолжал, - по поводу арестов из вашей среды, я ничего не знаю. Вы все числитесь за Москвой, и только Москва решает, кого арестовать. Вы вышли из нашей компетенции. Если бы за границей о вас не знали, мы бы могли арестовать из вас любого на наше усмотрение.

По поводу выезда за границу, списки всех, кто подал заявление на выезд по религиозным мотивам, имеются во всех ОВИРах, по всей территории Советского Союза, в каждой республике, в каждой области, в каждом городе, в каждом районе. И никто, кто значится в этих списках, не уедет ни под каким предлогом, ни по воссоединению семей, ни по израильскому приглашению, ни по какому другому. И, насколько я знаю, это будет в течение десяти лет.

В этот промежуток будут выпускать только тех, кто нам нужен там, потому что, выпустив вас, Советский Союз этим самым признает, что у нас нет свободы вероисповедания.

Климов замолчал, глубоко вдохнул морозный воздух, посмотрел вверх, потом по сторонам, на окружающие сопки. Он что-то еще хотел сказать, но не решался. Я не подталкивал его на это. Климов вдруг посмотрел мне в глаза:

- Со мной связи больше не ищи и ни в коем разе не звони. В будущем, если будет важная информация, и я посчитаю нужной ее тебе передать, я найду способ, как это сделать. За все контакты с каждым из вас я обязан писать отчет. Я должен сообщать, для чего я встречался и о чем разговаривал. Знает ли кто о наших контактах?

- Никто не знает.

- А Зина знает?

- Нет, и Зина не знает.

- Запомни, если это выйдет, то это может погубить нас обоих.

На следующей неделе мы уже знали нескольких агентов. Я сдержал свое слово, отдал записную книжку и больше не спрашивал Климова ни о чем, но он сам впоследствии оказал мне несколько услуг и давал информацию о планах КГБ.

В июне 1978 года я собирался ехать на встречу с адвентистами. Они имели печать, а у нас не было своего печатного органа. Мы не имели ничего, кроме печатных машинок. В это время нас поддерживало уже свыше десяти тысяч христиан по всему Советскому Союзу, и нам просто необходимо было иметь свою печать. Я должен был встретиться с лидерами адвентистов в Москве и вести переговоры с ними по этому вопросу. В этот раз меня должен был сопровождать Тимофей Прокопчик, надежный человек, уже отбывший срок заключения в Советских лагерях, и, несмотря на то, что он был совсем молод, он уже был членом церковного совета.

Я стал искать себе замену, чувствовал, что на свободе мне осталось быть недолго, и стал привлекать к делу, кроме Прокопчика, Сергея Онищенко и Виталия Истомина. Все они моложе меня, но все, люди надежные. Был разработан следующий маршрут: на машине нас должны были довезти до Партизанка, это в шестидесяти километрах от Находки. Там нас должен был ждать человек на перроне вокзала с билетами на поезд до Хабаровска. Мы должны были подъехать точно к отправлению поезда, взять у этого человека билеты и ехать в Хабаровск. В Хабаровске мы должны были купить билеты на самолет до Москвы. Это был другой край, он был не в компетенции Приморского краевого управления.

За несколько дней до намеченной поездки ко мне на работу приехал Рудницкий. Прямо во время работы меня увезли в управление КГБ для допроса по делу Щаранского. Меня завели в кабинет. Там сидел Климов и незнакомый мне человек в штатском.

- Старший следователь по особо важным делам подполковник Кузьмин, - представился он. Через два года Кузьмин стал моим следователем, а сейчас его интересовала информация о Щаранском.

- Щаранского я знаю как честного, мужественного человека. Он - жертва КГБ. Вот и все, что я могу сказать о нем.

- Так и записывать?

- Так и записывайте.

В такой форме мы препирались около часа. Кузьмин понял бессмысленность нашего разговора и сказал:

- Мне телеграфировали допросить тебя по этому поводу. Я так и сообщу, как ты себя вел. Проведите его на выход, сказал он, обращаясь к Климову.

Мы вышли в коридор.

- Вызовите машину, пожалуйста, - сказал Климов дежурному в окошко.

Гараж КГБ находится метрах в пятидесяти ниже по улице. Когда массивная дверь плавно захлопнулась за нами, Климов посмотрел по сторонам. Машина еще не подошла. Он тихо сказал:

- Мы знаем, что ты собираешься ехать на встречу с адвентистами. Правда не знаем, как ты будешь ехать и зачем, но знай, что во всех аэропортах Приморского и Хабаровского края есть твоя фамилия и фотография. Кругом все блокировано. Это информация не из Находки, это информация от агентов из среды адвентистов. Если будешь лететь самолетом, то не ближе, как за Хабаровском. И еще предупреждаю, бойся Рудницкого. Это - зверь. Он способен на все, даже на убийство. Никогда не ездди один. Я это не просто говорю.

В это время подъехала машина.

- Отвезите его на работу, - распорядился Климов. Я полностью изменил маршрут, не ставя никого в известность, чтобы в случае провала, никого не подозревать.

Мы благополучно добрались до места, но встреча с адвентистами не состоялась. Они не явились в назначенное

место. А через несколько дней я узнал, что у них начались провалы. У них было разгромлено несколько типографий, и начались аресты. Через несколько месяцев после этих событий был арестован их глава, Владимир Шелков, который через год погиб в тюрьме.

Адвентистское подпольное движение почти прекратило свое существование. Климов был прав. Среди адвентистов было много секретных агентов КГБ, и даже зять Шелкова был завербован и был секретным агентом КГБ.

Глава 11 Охота

Незаметно пролетело лето, и уже заканчивалась осень. Стоял ноябрь. За это время мои нервы сильно истощились. Мне нужно было отдохнуть. Я любил охоту, и для меня это было самым лучшим отдыхом. В 1973-1974 годах я бывало охотился, больше на пушного зверя, соболя, норку, но также любил охотиться на дикого кабана.

Я разыскал своих старых знакомых охотников, Бориса Мясникова и Василия Крюкова. Я раньше охотился с ними и знал, что они не могут жить без охоты, и что у них всегда все в порядке с документами на охоту и с лицензиями на зверя, и что они всегда могут вписать меня в свои лицензии, это допускается законом. Я хоть и не охотился последние годы, но членские взносы платил регулярно, и с охотничьим билетом у

меня все было в порядке. И мы ушли в тайгу.

Для многих наших я неожиданно исчез, и многие думали, что я нахожусь где-нибудь в очередной поездке по делам. Погода стояла еще теплая. В Находке всегда так: на побережье еще тепло, а стоит отъехать в глубь тайги километров сорок, начинаешь постепенно попадать в Сибирь. Мы двигались по таежной дороге. В машине с нами были две собаки. Земля уже была покрыта снегом, и чем дальше мы продвигались, тем снегу становилось все больше и больше.

Дорога петляла по долине между двух гор. Местами долина расширялась, а местами сужалась так, что горы образовывали как бы ворота, пропускающие только речку и дорогу. Потом дорога и речка опять разбегались в разные стороны, и долина снова расширялась. По ухабистой таежной дороге мы медленно въезжали в царство тайги. Проехав километров двадцать, мы свернули на старую лесовозную дорогу, она была еще хуже и ухабистей. Машину бросало из стороны в сторону, особенно когда она попадала на замерзшие лужи, присыпанные снегом. Иногда она пробуксовывала, и двоим приходилось выходить и толкать ее. Мы двигались все медленнее, продвигаясь все выше из долины в распадок.

Зимовье появилось неожиданно и сразу. Оно стояло все в снегу и смотрело на дорогу одним единственным маленьким окошком. Мы вышли из машины. Со всех сторон нас обступала тайга. Я стоял и любовался. Деревья все были в снегу. Солнце

скользило по их верхушкам, и как бы рассекало распадок своими лучами. По левую сторону распадка высилась огромная гора, поросшая смешанным лесом. По другую сторону была небольшая возвышенность с большим плато, местами перерезанным оврагами. Когда-то на этом плато пилили лес. Сейчас оно поросло орешником и дубняком, только кое-где были видны зеленые кедровые острова. Кедр было запрещено пилить, и он оставался нетронутым лесорубами. Это было излюбленное место кабанов, где они из под снега добывали желуди и орехи. Хочешь охотиться на кабанов, иди на плато, в дубняк и орешник. Хочешь на соболя, иди в другую сторону, в распадки противоположной горы. Хочешь охотиться на норку, иди вдоль ручья и ставь капканы. Изумительное место для охоты!

Послышались звуки пилы. Мясников и Крюков уже пилили дрова и с усмешкой посматривали в мою сторону.

- Ну, как местечко? - спросил Крюков.

- Королевское!

- А мы и есть короли. Здесь мы хозяева.

Я смотрел на "королей". Они поочередно дергали ручки пилы в свою сторону. Мясников был невысокого роста, коренастый и широкоплечий, лицо скуластое, монгольского типа, а Крюков, высокого роста, с серыми глазами и светлыми волосами. Оба потомственные сибирские охотники. Я затащил рюкзак и ружье в зимовье, потом вышел и подменил Мясникова. Мы с Крюковым готовили дрова, а Мясников

пошел топить печку и готовить ужин. Пока мы пилили дрова, собаки весело бегали вокруг зимовья, совали свои морды в снег, фыркали и гонялись друг за другом. Они знали, зачем их сюда привезли. Это были настоящие охотничьи собаки. Скоро мы уже сидели в зимовье. В нем уже было уютно. Сбитые из досок лежанки, были покрыты нашими одеялами. На столе стояла кастрюля с супом из концентратов, а на железной печке пытел чайник.

- Ну, дармоеды, за стол, - улыбаясь сказал Мясников.

- Почему дармоеды? - удивился Крюков, - Вон сколько дров напилили.

- Пока кабана ни завалим, мы - дармоеды.

Утром мы не спешили. Охоту на кабана начинают после обеда. До обеда кабан спит, забившись в чащобу, а после обеда выходит на кормушку. Часов в десять мы двинулись на плато искать свежие кабаньи следы. Впереди шел Крюков с собакой на поводке. Собака его была огромная, с короткой серой шерстью. Сивый была ее кличка. У Мясникова была собака по кличке Цыган, черная, лохматая, тоже внушительных размеров, но меньше, чем Сивый. Мы не спеша поднимались на плато. Я шел последним и с интересом наблюдал за собаками.

- У нас в год гибнет пять-шесть собак от клыков кабана и когтей медведя, но эти уже четвертый год ходят, - рассказывал Крюков на ходу. Мы увидели кабаньи следы, и Крюков замолчал, но следы оказались старыми. Собаки на них не

реагировали, и мы стали продвигаться дальше. Кабаныи следы стали попадаться все чаще и чаще. Мы наткнулись на место, где все сплошь было изрыто.

- Табун прошел недавно, - сказал Крюков.

Мы пересекли очередной овраг на плато, и собаки стали дергаться на поводках. Крюков и Мясников почти одновременно отпустили собак, и они молча рванули вверх и скрылись за бугром, где снова начался овраг. Через несколько минут послышался лай. До этого мы все застыли, прислушиваясь, а после каждый побежал на лай собак, не обращая внимания друг на друга и срывая на ходу с плеч ружья. Никто в это время не думал, что может выскочить навстречу огромному, свирепому дальневосточному кабану, длина клыков которого достигала до тридцати сантиметров, а в отдельных случаях и больше, и который может одним ударом надвое разрубить собаку. Собачий лай прекратился, и мы услышали топот. Недалеко от нас по кустам неся кабан. Огромными прыжками он промчался мимо нас. Крюков, почти не целясь, выстрелил, но кабан уже скрывался за оврагом. Мы все бросились к оврагу, где скрылся кабан, не зная, ранен кабан или нет. Пока мы бежали сотню метров, я услышал лай собак правее от себя, и побежал на лай. Метров через двести я оказался в кедровнике. Кедровник был чистый, без кустов. Метрах в шестидесяти, я увидел, метавшегося кабана, которого собаки кружили на месте. Делали это они очень искусно: кидается кабан на одну собаку, а вторая хватает его

сзади. Он тут же разворачивается, собака ловко увертывается от страшных клыков, а другая уже впивает свои клыки ему сзади, и не просто так, а пытается перехватить сухожилия на задних ногах кабана. Они вертелись передо мной в смертельном танце - или собака попадет на клык кабана, или кабану перехватят сухожилия на задних лапах, и тогда ему конец. Я вскинул ружьё. Прогремел выстрел, и кабан тут же сел на задние ноги. Собаки как по команде одновременно бросились на кабана, кабан в это время как - бы кивнул головой, но это был удар, преднозначенный для цыгана, и цыган полетел в сторону. Отохотился цыган - мелькнуло у меня в голове.

Теперь кабан перед собой видел только меня и неся, чуть боком, в мою сторону. Сивый в это время впился в него сзади своими клыками, но кабан не обращал на него никакого внимания.

Я снова нажал на спусковой крючок второго ствола, но вместо выстрела, услышал жалкий щелчок. Осечка! Быстро перезаряжая ружье, я вгонял в ствол патрон для особых случаев, который носил в нагрудном кармане, чтобы он всегда был под рукой. Патрон был заряжен усиленным зарядом. Когда кабан был уже метрах в десяти-пятнадцати, я уже успел взвести курок, а стрелял почти в упор, отпрыгивая в сторону и всаживая пулю в бок кабана. Мощным ударом пули кабана отбросило в сторону.

- Не подходи к нему спереди! - крикнул Крюков, подбегая ко мне. Мы стояли около поверженного кабана.

- А где Цыган? - спросил Крюков.

- Там, внизу, он, кажется, попал на клык.

В это время мы увидели Мясникова, который шел снизу и подталкивал вперед Цыгана, который слабо стоял на ногах.

Крюков осмотрел собаку и сказал:

- От клыков он увернулся, но, видно, когда летел, ударился об дерево. Это, не первый раз. Сейчас нажрется мяса, денька два отдохнет, и все будет нормально.

Мы замерили клыки кабана. Они равнялись длине трех с половиной спичечных коробок, а это около семнадцати сантиметров. Мясников принялся разделывать кабана. Он в этом был большой специалист, и кинул собакам положенные им куски мяса и внутренний жир. Мы проохотились две недели. За это время мы застрелили еще одиннадцать кабанов. Крюков поехал вызывать грузовую машину, чтобы отвезти и сдать мясо, а мы с Мясниковым остались в зимовье.

Глава 12 Признание наемного убийцы

Вернулся Крюков в зимовье какой-то необычный. От него сильно пахло водкой. Мы погрузили мясо, и Крюков попросил меня поехать с ним разгружать мясо и помочь ему взвесить, чтобы не обманули при оплате. Вечером мы двинулись в обратный путь. Мы ехали вдвоем на легковой машине, снова медленно

продвигаясь по таежной дороге. Я был за рулем. За нами ехал грузовик. Прямо на дорогу перед нами выскочил олень.

- Жалко мне всегда оленя хлопать, - сказал Крюков. Немного помолчав, посмотрел на меня, достал из-за пазухи начатую бутылку водки, зубами открыл пробку и прямо из горлышка сделал несколько больших глотков. Потом перевел дыхание.

- Дай слово, что ты не проболтаешься.

- В чем дело, что произошло?

- Нет, ты сначала дай слово.

- Ну, хорошо, даю слово, что не проболтаюсь.

- Знаешь Рудницкого?

- А почему ты за него спрашиваешь.

- Сначала скажи: знаешь или нет?

- Приходилось встречаться.

- А я его знаю лет десять, в автобусном парке работали вместе. Он тоже большой любитель охоты, приходилось и на охоте бывать с ним. Лет пять назад он перешел работать в КГБ, и с тех пор я его не видел. А вчера пришлось повстречаться. Как только я приехал из тайги, чтобы вызвать грузовик, жена мне сказала, что я обязательно должен позвонить своему старому знакомому, с которым работал в автобусном парке, и дала мне телефон. Я не знал такого телефона. Позвонил. В трубке послышалось:

- Дежурный слушает. Вам кого?

- Я не знаю, мне дали телефон и сказали позвонить.

- Как ваше имя?

- Крюков Василий, - отвечаю.

- О, минуточку. Я в курсе дела, не ложите трубку, - сказал дежурный.

Через секунд десять раздался щелчок в трубке, и радостный голос заорал:

- О, Вася, дорогой, это Толя Рудницкий с тобой говорит. Ты из дома звонишь?

- Из дома.

- Временем располагаешь?

- Располагаю.

- Никуда не уходи, сейчас за тобой машину пришлю, разговор есть.

Минут через сорок за мной приехала машина, и еще через полчаса я очутился в КГБ. Рудницкий завел меня в свой кабинет, а может и не в свой, не знаю, достал из шкафа бутылку коньяка армянского, пять звездочек. Давно такого не пробовал. Рюмочки маленькие поставил, плитку шоколада на стол бросил. Баночку икры черной достал, пару кусочков хлеба положил. - Ну, Вася, садись, не стесняйся. Хочешь, шоколадом закусывай, хочешь, бутерброд с икрой делай, - сказал Рудницкий и разлили коньяк, но почему-то в три рюмки. Хлопнули мы по рюмочке. В это время и третий в дверях появился.

- О, вы тут уже без меня начали, - говорит.

- А это, начальник мой, - сказал Рудницкий. Начальник его

мне руки не подал и имени своего не назвал, только подмигнул после рюмки. Мы разговорились, вспомнили, как в автобусном парке работали, как охотились.

Потом Рудницкий вдруг спросил:

- Ты Перчаткина знаешь?

- А как же не знать, за две недели вон сколько с ним кабанов нахлопали.

- Нахлопали, говоришь. А ты знаешь, с кем ты кабанов хлопаешь?

- А что такое, почему здесь разговор идет о нем?

- Да ты же с агентом ЦРУ охотишься.

Тут его начальник бросил передо мной с десяток фотографий. Я взял одну, там ты сфотографирован, и по фотографии видно, что ты разговариваешь. Рядом с тобой человек невысокого роста, круглолицый, с усиками, лет сорок ему.

- Знаешь, с кем он здесь стоит? Это, агент ЦРУ, под дипломата подделался. Его как шпиона недавно из СССР выслали.

- А как его имя? - прервал я Крюкова.

- Роберт, а фамилию забыл, как-то на "П".

- Прингл?

- По-моему, так.

- Ну, рассказывай дальше, - сказал я Крюкову.

- Взял я вторую фотографию. Там ты стоишь с каким-то длинным, на полголовы выше тебя. Лица его плохо видно, но тебя видно хорошо.

- А здесь, - поясняет начальник, - Перчаткин встречается с агентом ЦРУ Хацаном. Он и сейчас в Москве работает, не выслали его еще.

Этого я хорошо запомнил, Хацан его фамилия. А самое главное, еще ты сфотографирован со шпионом Щаранским, на скамейке вы вместе сидите.

- Вот видишь, с кем ты связался, какие у тебя знакомства, - сказал начальник.

Рудницкий в это время из кабинета вышел, двоих нас оставил.

- Вот так-то дела складываются, - продолжал начальник. Налили мы еще по рюмочке. Начальник встал, к окну прошелся, спиной повернулся ко мне.

- Скажи мне, Вася, несчастные случаи на охоте часто бывают?

- Конечно, бывают.

- А какие?

- Ну, медведь порвет человека или под кабана попадет, неопытные и пострелять друг друга могут. Начальник замолчал, но ко мне не поворачивался, так и стоял спиной ко мне. Потом как-то не своим голосом произнес: - Вася, а ты человека убить можешь?

- Как понять: человека убить? За что убить спросил я начальника. А он опять повторил:

- Ты человека убить можешь?

- Смотря за что и как, если будет за что, может и смогу.

- Значит сможешь?

- Да что ты ко мне привязался? Могу - не могу, какое твоё дело?

- Ну, Вася, надеюсь, ты меня понял, кого убить и за что убить. Надеюсь, что разговор этот останется между нами. В это время снова вошел Рудницкий.

- Ну, Василий, пора и по домам. Машина тебя уже ждет у выхода. Если помощь нужна, обращайся. Нас стесняться не надо. А бояться нас только те, кто знают, за что нас можно бояться. Крюков опять достал недопитую бутылку водки и сказал:

- После этого коньяка так беспрестанно и пью водку. Ох, и пакостно у меня на душе. Я, конечно, не верю, что ты агент ЦРУ. Какой из тебя агент? Я же тебя давно знаю, поэтому жалко мне тебя. Уезжай куда-нибудь. А если ты у них засветился, то грохнут они тебя. Ведь кроме меня, они, возможно, и другому предлагали.

Крюков долго молчал. Потом его прорвало:

- Кому предлагают, негодяи. А этот Рудницкий, проститутка гэбэшная, с кем спутал меня? С собою что ли? Если бы раньше я знал, я бы его сам завалил на охоте. Я же из староверов, а моих родственников они много угробили. Крюков вернулся в тайгу один. Я не мог охотиться. Охотились на меня.

Глава 13 Вербовка

1979 год был самым плодотворным, на мой взгляд, годом за время моей деятельности. Я написал несколько статей,

разоблачавших законодательство о религиозных культах, принял участие в составлении и распространении обращения "30 лет всеобщей декларации прав человека", написал, основанное на документах, заявление в правительство и к общественности США, Канады, Австралии, Англии, ФРГ, Франции, Италии. Это заявление было озаглавлено "Призыв о помощи". Сделал несколько заявлений для иностранных журналистов. Тема у меня была одна: положение верующих в Советском Союзе. КГБ Находки к этому времени стал применять опыт работы, полученный в борьбе против адвентистов. Начались попытки массовой вербовки верующих. Для этого, по словам Климова, увеличили состав 5-го отдела КГБ.

- Многих вербуем не с целью завербовать, а чтобы посеять у вас недоверие друг к другу, создать впечатление, что каждый из вас может быть нашим агентом, и чтобы за этим недоверием и подозрительностью скрывались наши настоящие агенты. Климов и на этот раз не обманул. Вербовали всех подряд.

У нас было хорошее правило в церкви: каждый из нас обязан был, если имел контакт с КГБ, открыто объявлять об этом в церкви и рассказывать обо всем, что ему говорили и что он отвечал, разоблачая этим самым действия КГБ, так как главное условие, которое требовали агенты КГБ, было молчать и никому не рассказывать об этой встрече.

И если кто-то скрыл свою встречу с агентом КГБ один раз, к нему обязательно подходили второй раз, так как после

первого и даже после второго раза, они не всегда прямо предлагали сотрудничать. Если кто-то скрывал эти контакты, они понимали, что дело имеют с трусом, что он их боится. Тогда они активно его обрабатывают, стараются еще больше запугать и открыто заставляют работать. Кое-кто, только после такой обработки, находили в себе мужество признаться о своих контактах с агентами КГБ.

Пятый отдел КГБ пытался организовать работу так, чтобы каждый из нас доносил друг на друга, чтобы все были запачканы связями с КГБ. Как правило, за это они обещали выезд, они отлично понимали, что добровольно с ними сотрудничать никто не будет. - Ваш человек работает на нас в том случае, - объяснял мне Климов, - если он обязан нам и зависит от нас. Такие ситуации мы создаем сами. По новой методике работы против вас начальник управления КГБ дал указание в прокуратуру и милицию тщательно следить за верующими и членами их семей, особенно теми, кто добивается иммиграции. Если за кем-то будет замечено любое преступление или какие-то проступки, или ситуация, при которой можно сфабриковать преступление, то немедленно сообщать в КГБ и не трогать таких людей до его указания. Вот с такими людьми мы по-настоящему работаем и прорабатываем их. Чаще всего такие люди становятся нашими агентами. Мы вызываем их в КГБ, но не на явочную квартиру, так как в здании КГБ обстановка наводит на них страх. Сначала мы применяем метод запугивания и шантажа. Мы показываем картину таким людям, что будет с

ними, если мы их посадим по уголовной статье, и какой будет позор, если мы их разоблачим перед их единовѣрцами. Если человек сопротивляется, становится перед нами в позу, то тогда мы ему показываем фотографии, где он сфотографирован в кампании, которая его компрометирует, да и мало ли что можно на человека собрать. Когда нагоним на него страх, мы предлагаем свою услугу, то есть спасти от позора и от милиции. Таким людям мы предлагаем услугу за услугу. И услуга начинается с мелочей. Сначала мы у него спрашиваем: "У кого было собрание на прошлой неделе?". Некоторые сначала мнутя, не хотят говорить. Мы сами говорим: "Ну, что ты мнешься? Ведь собрание было у Бурлаченко. Правильно?". Он подтверждает: "Правильно". Через время он уже говорит, когда у кого будет собрание. Постепенно он рассказывает, кто говорил проповеди. Через время он рассказывает, кто и что в проповедях говорит, потом, что на братских делается, а потом уже мы решаем, что из этого агента сделать. Например, агента влияния, чтобы он на собраниях скандалы устраивал, помогал неугодных изолировать, слухи запускать, которые нам выгодно. Кроме этого, у таких людей мы развиваем чувство безнаказанности, чувство высокого покровительства над ними, и они уже сами не могут без нас. Они просто входят в азарт. Это, самые ценные агенты. Они уже работают не по принуждению. В апреле 1979 года по отношению ко мне тоже была предпринята попытка соблазнить меня сотрудничать с КГБ.

Как-то я стоял на автобусной остановке. Около меня лихо остановилась "Волга" черного цвета. На переднем сидении с шофером сидел Рудницкий, а сзади Климов. Они оба вышли из машины.

- Здравствуйте, Борис Георгиевич, вам придется проехать с нами, у нас есть дело, - сказал Рудницкий.

- У меня тоже есть свои дела.

- Свои дела ты сейчас оставь, есть дела поважнее.

- Я сам решаю, какие дела для меня важнее.

- Хватит полемики, я должен доставить тебя в одно место.

С тобой хочет поговорить очень важный человек.

- У меня нет времени, и я не желаю разговаривать с вашим важным человеком.

- Ну, что ты будешь драться с нами? Мы же поможем тебе сейчас в машину сесть, я же приказы выполнять должен, - сказал, раздражаясь, Рудницкий. Климов все это время молчал, ему было как-то не по себе.

Мне ничего не оставалось делать, как сесть в машину. Меня привезли в гостиницу "Находка".

- В 88-ом номере тебя ждет очень важный человек, - сказал мне Рудницкий, когда мы вошли в лифт. Рудницкий открыл передо мной дверь, пропуская меня вперед. Когда я шагнул в комнату, дверь за мной захлопнулась. Я оглянулся, Рудницкого не было. Климов не стал и подниматься, он остался на первом этаже.

В комнате на столе сидел человек. Он предложил мне сесть в кресло. Когда я сел, он встал со стола и стал ходить по комнате. Потом сказал:

- Долго мы разговаривать не будем. Я прямо скажу тебе. Перед тобой, два пути, третьего в твоём положении нет.

- Извините, кто вы такой? Я с инкогнито не разговариваю.

- Полковник Вялков, - представился он и продолжал, - Первый путь - работать на нас. Подожди, подожди, - заспешил он, - выслушай до конца. Мы тебе не предлагаем кого-то предавать, секретов нам ваших не надо, мы их и так знаем, на это у нас есть другие. Мы к тебе давно присматривались. Ты молодой, достаточно умен и перспективен. У тебя есть авторитет. У тебя будет все. Птичьего молока мы тебе, конечно, не обещаем, но у тебя будет все, только нам нужно, чтобы ты говорил то, что нам нужно, и там, где нам нужно. За границу будешь ездить, если нужно, в епископа рукоположат, поможем, у нас есть такая возможность.

- Вам недостаточно таких людей, как Петр Климентьевич Шатров из ВСЕХБ и Виктор Иванович Белых, которые говорят, что вам нужно и где вам нужно? Неужели я похож на них или когда-нибудь подал вам хоть малейший повод, что вы мне такое предлагаете? Вы оскорбляете меня своим предложением.

- Тогда ты сам выбрал себе путь - ворота в лагерь.

На этой же неделе то же самое произошло с моей женой.

- Вы, Зинаида Ивановна, должны помочь своему мужу. У него сейчас два пути: или остановиться или путь в лагерь. Если не хотите, чтобы ваш муж оказался в лагере, то предупреждайте нас о всех его намерениях. Мы будем срывать

все его намерения и этим сохраним его от тюрьмы. Подумайте хорошо и не спешите сказать "Нет".

- Нет, - ответила Зина.

КГБ не останавливался. Стали вербовать даже детей, чтобы они доносили на своих родителей. Это выяснилось после того, как некоторые из детей отказались ходить в школу. Когда родители стали настаивать, чтобы сказали причину, то выяснилось, что они и в школу ходить боятся и рассказывать боятся. Они были запуганы, но, все-таки, удалось узнать. В школе, прямо во время урока, детей вызывали в кабинет директора. Там сидел какой-то незнакомый им человек, которого они раньше в школе не видели. Этот человек задавал им самые безобидные, для начала, вопросы: "Как поживаешь? Где работает папа?". На следующей встрече спросил: "Заставляют ли мама с папой ходить в церковь? Если так, то им будет очень плохо".

Детей приучали доносить на своих родителей и растлевали их с детства. Родители были возмущены. Было решено предложить детям, чтобы они сами написали, что с ними происходило. Через несколько дней таких писем набралось около сотни. Родители принесли и письма и фотографии детей. Было решено предать это гласности. Я понимал, что информация по поводу этого могла просочиться в КГБ, поэтому к этой операции готовились очень тщательно. У нас ни у кого, кто что-то мог сделать, не было почти никакой возможности пробиться в Москву. Мы решили послать брата Василия

Патрушева, Иннокентия, без заявлений детей. Ехал Иннокентий открыто, чтобы сосредоточить на себе все внимание агентов КГБ. И они клюнули на это. Иннокентия тут же задержали в аэропорту города Владивостока, когда он шел на посадку в самолет. Его долго обыскивали под руководством подполковника Быкова и удивлялись, что у него ничего нет, что агенты дали ложную информацию. И тут Быкова осенила мысль. Его внимание привлек пакет конфет в бумажных обертках. Он собственноручно стал разворачивать все конфеты, бумажные обертки стал рассматривать на свет и складывать их в аккуратную стопку. Конфетные обертки он положил в свой портфель и сказал: "Это еще экспертиза проверит". Пока КГБ возился с Иннокентием, я был уже в Хабаровске и шел на посадку в самолет с чужими документами в кармане и с билетом на имя совершенно постороннего человека. Я тоже ничего не вез с собой, так как мне нужно было, во что бы то ни стало попасть в Москву. Кроме того, я не мог подвести человека, который дал мне свои документы. А в то же самое время моя жена с восьмилетним сыном садилась в скорый поезд "Владивосток-Москва". Она и везла детские заявления.

Глава 14 Побег

Я благополучно долетел до Москвы. Тут же отправил по почте чужой паспорт, и уже со своими документами поехал к

своему другу по диссидентской деятельности Виктору Елистратову. Виктор в совершенстве знает английский язык, и я через него договаривался с дипломатами и корреспондентами. Я рассказал Виктору для чего приехал. На следующий день я поехал к Борису Чернобыльскому, активисту еврейского движения за иммиграцию, который позже отбывал срок заключения в колымских лагерях, где в то время находился и я по второму сроку, только он был на общем режиме, а я на строгом. - Я считаю, что вы должны самостоятельно представлять свое движение в политических и общественных кругах Запада. Вам нужно действовать без посредников, которые не понимают тонкостей ваших проблем. Я помогу тебе выйти на нужных людей из политических кругов Запада. Когда будет такая возможность, я дам телеграмму с днем рождения на какой-нибудь посторонний адрес, который ты можешь дать. Когда получишь такую телеграмму, знай, что через неделю ты должен быть в Москве, - сказал мне Чернобыльский. Когда через пару часов я вышел из его квартиры, то у подъезда, не скрываясь, стояли агенты КГБ. Их было двое. Я шел, не обращая внимания на них. Они тут же двинулись за мной, шагах в пятнадцати от меня. "Брать будут или просто на нервах играют", - с такими мыслями дошел я до перекрестка. В это время передо мной появилась машина. Из нее мгновенно выскочили два человека, а сзади меня уже схватили под руки шедшие за мной агенты КГБ. Через несколько секунд меня уже везли в машине. "Ну и специалисты, - подумал я, - Даже прохожие ничего не заметили". Привезли меня

в какое-то отделение милиции и оставили под присмотром милиционеров. Часа через два появился офицер КГБ Болдин. Он зачитал мне приказ о моем выдворении из Москвы, подписанный комендантом города и спросил:

- У тебя деньги есть?

- При чем здесь ваш приказ и мои деньги, - спросил я.

- Для того, чтобы купить тебе билет на обратную дорогу.

- Когда мне нужно будет, я обойдусь и без ваших услуг.

- Так у тебя есть деньги или нет? - я спрашиваю, - стараясь быть спокойным произнес Болдин.

- Вы лучше мне ответьте, - сказал я, - почему вы, как бандиты, хватаете меня на улице, не предъявляя никаких обвинений?

- Так деньги у тебя, в конце концов, есть? - уже разозлился Болдин.

Я стал демонстративно, не обращая на него внимания, читать лежащую на столе газету.

- Ну, хорошо, - сказал Болдин и позвал двух милиционеров.

Меня увезли в аэропорт Домодедово. Завели в какую-то комнату на втором этаже и приставили ко мне двоих в штатском, чтобы они наблюдали за мной. Объявили посадку на Магадан. В это время вошел Болдин и сказал:

- Нам пора.

Мне приказали идти вместе с ними, и через десять минут мы уже были у трапа самолета. Самолет был ИЛ-18. Такие во Владивосток не летали, во Владивосток летали ИЛ-62.

"Неужели и правда, на Магадан? Что за шутка? Может опять на нервах играют?", - поднимаясь по трапу думал я, но вопросов никаких не стал задавать. Болдин и двое охранников провели меня в последний, третий, салон в хвостовой части самолета. Там сидели два армейских офицера. Мне указали на место, которое было последним в салоне. Двое остались стоять около меня, а Болдин с офицерами и стюардессой отошли к выходу из салона.

Болдин о чем-то говорил им, кивая в мою сторону, те тоже с пониманием кивали ему в ответ.

Уже ревели двигатели самолета, и я ничего не слышал, но догадался, о чем был разговор. Болдин с охраной ушли, оставив меня с офицерами. Когда самолет стал набирать высоту, офицеры уже не обращали на меня никакого внимания, в воздухе я все равно никуда не сбегу. Они вытащили бутылку водки и стали ее распивать, хотя это запрещалось в самолете. Я сделал вид, что задремал и думал: "Может, они будут говорить обо мне, что со мной хотят делать дальше?". Но у них был свой разговор.

В Магадан нельзя было лететь без пропуска. Это была запретная зона. При покупке билета из Магадана тоже нужно было специальное разрешение, отметка в паспорте. "Меня не могли посадить в тюрьму в Москве без причины и меня направили в Магадан, чтобы там арестовать за то, что въехал в запретную зону без пропуска", - догадался я. Я не хотел так глупо оказаться в

тюрьме и получить год концлагерей, и решил при первой же возможности бежать.

Через несколько часов стюардесса объявила, что самолет совершает посадку для дозаправки горючим в городе Красноярске.

Самолет приземлился. Подогнали трап. Пассажирам объявили, чтобы все освободили самолет и прошли в здание аэровокзала. Я тоже хотел выйти, но офицеры загородили мне дорогу и приказали сесть на место. Я, конечно, мог отшвырнуть их обоих, я видел, что физически сильнее их обоих, да к тому же они были уже подвыпивши, но они могли спровоцировать драку, и застрелить меня.

Я вернулся, но сел немного ближе к выходу. Офицеры успокоились. Они принялись болтать со стюардессой, бросали ей комплименты, та весело смеялась.

В самолете стало очень жарко. Вентиляция была отключена. Офицеры были разгорячены водкой. Один из них попросил стюардессу открыть боковую дверь, служившую входом и выходом. Она открыла дверь. В салоне стало прохладнее. Офицеры расстегнули воротники своих гимнастеров, стали потягиваться. Я тоже встал, потянулся.

У меня был единственный момент и его нельзя было упустить. Два прыжка, я оказался у двери и выпрыгнул из самолета. После моего не совсем удачного приземления я почувствовал боль в ноге, но, не обращая внимания на эту

боль, вскочил и побежал, еще не осознавая куда бегу. Я знал, что мне нужно бежать.

Сзади, размахивая пистолетами, орали растерянные офицеры. Я бежал, и уже на ходу ориентировался, куда бежать. Впереди меня был забор. Слева он уходил куда-то далеко, а справа упирался в здание аэровокзала. Почти прямо передо мной, метрах в ста, были ворота. Я побежал прямо на них.

Проскочив через эти ворота, я увидел старые бараки. Я ринулся в их сторону, чтобы скрыться среди них и убежать как можно дальше от аэропорта. Я бежал по кривым, грязным улочкам, перепрыгивая через лужи, какие-то помойки. Из-под моих ног разлетались кудахчущие куры. Какая-то собака с лаем устремилась за мной, это еще придало мне скорости, и я бежал. Бараки кончились, и я очутился на широкой улице. На другой стороне улицы начинались высотные дома. Здесь я остановился и уже спокойно пошел по тротуару, обдумывая свое положение.

Я взвешивал, сколько времени понадобится офицерам, чтобы сообщить о моем побеге, сколько понадобится времени, чтобы это сообщение пошло по инстанции дальше, и через сколько времени местное КГБ и милиция могут начать охоту за мной.

У меня появилась дерзкая мысль, тут же, как можно быстрее, идти в здание аэровокзала, и, если возможно, сразу вылететь в Москву. У меня было только семьдесят рублей, остальные деньги с вещами остались у Виктора. Этих денег должно было хватить на билет. Я вошел в здание аэровокзала,

нашел кассу на отправляющиеся рейсы. Там стояло человек пятнадцать. Я стал в очередь. Очередь медленно продвигалась. Когда передо мной осталось два-три человека, в здании аэровокзала прозвучало объявление: "Гражданин Перчаткин, прибывший из Москвы, просьба пройти в комнату милиции".

Я был ошеломлен тупостью местного КГБ. "Нашли дурака", - сказал я и вышел из здания аэровокзала. Я знал, что за мной будет охота, но что она начнется так быстро, я не предполагал. Возможно, меня спасло то, что мои фотографии еще не успели размножить и раздать секретным агентам КГБ, милиции и таксистам, подрабатывающим на КГБ.

Покинув здание аэровокзала, я понял, что мне нужно идти вдоль зданий, не выходя на открытое место, потому что площадь уже могла быть под наблюдением. Я обходил дороги, где уже могли патрулировать машины, и вышел снова к каким-то баракам. Я знал, что в этом захолустье КГБ делать нечего. Я решил уйти по этим трущобам, как можно дальше от аэровокзала. Я снова вышел к высотным домам, около которых проходила городская автомагистраль. Нужно было вырваться за пределы Красноярска. Я решил остановить какую-нибудь машину и уговорить водителя вывести меня за город, а там, что Бог даст. Я стоял и махал рукой, останавливая машины и думая: "Только бы такси не выскочило". Стоял я недолго, минуты три. Около меня остановились белые "Жигули". - Куда? - спросил водитель.

- Какой ближайший город отсюда?

- Ачинск.

- Подбросишь до Ачинска?
- Сколько даешь?
- А сколько нужно?
- Тридцатника хватит.
- Пойдет, - сказал я и сел в машину.

В Ачинске я попросил водителя довезти меня до железнодорожного вокзала. Сразу же купил билет до Новосибирска, и решил там ждать поезд "Владивосток-Москва", в котором должна была ехать Зина. По моим подсчетам, поезд, в котором она ехала, должен был прибыть в Новосибирск через два дня. В Новосибирске поезд стоял 25-30 минут, и этого было достаточно, чтобы найти Зину.

На следующее утро я уже был в Новосибирске. Мне нужно было как-то пробыть эти два дня. Денег у меня оставалось мало, я надеялся, что встречу Зину, и у нее есть деньги, но, несмотря на эту надежду, решил не тратить деньги, и позволил себе купить только зубную щетку, пасту и бритву. Я опасался ходить небритым, чтобы своим небрежным видом не привлечь внимание милиции, которая могла проверить паспорт. Если бы я был в джинсах или в спортивной одежде, то, может быть, это не бросалось бы в глаза, но я был в элегантном костюме.

Я тщательно брился. Протирал свои туфли бумагой. Днем я бесцельно бродил по городу, чтобы как-то провести время, а ночью дремал, сидя на вокзале, стараясь садиться там, где было много людей. Эти два дня были для меня сплошным мучением. Голодный, уставший и почти без сна я

бродил по городу. На второй день я приноровился отдыхать в городском автобусе. Я дремал, пока он делал кольцо от вокзала по городу, и снова к вокзалу. Я не мог переночевать в гостинице, денег у меня было мало, а главное, чтобы устроиться в гостиницу, нужно было предъявить паспорт. Через два дня я пробежал по вагонам поезда, прибывшего из Владивостока. Я с надеждой заглядывал в каждый вагон, в каждое купе, но кругом были чужие лица. Я подумал, что, быть может, ошибся или же Зина выехала позже на день, и решил ждать следующего поезда.

Я уже мало надеялся на встречу, но все же снова пробежал по вагонам. Зину я не встретил. "Задержали", - понял я, но верить в это не хотелось, и я снова пробежал по вагонам, заглядывая в каждое купе. Зины не было. Я купил билет до Москвы. Я понял, что назад домой мне дороги нет, так как, по всей видимости, было дано указание сфабриковать на меня уголовное дело и посадить. Таких случаев я уже знал много, поэтому должен был любыми путями пробиться в Москву и сообщить обо всем западным дипломатам и корреспондентам.

Поезд отправлялся через сутки. Денег у меня оставалось только пять рублей. Это были деньги, чтобы добраться от вокзала до Виктора. Голодный, я снова скитался по городу, но теперь у меня была перспектива через сутки выспаться в поезде.

Глава 15

Пресс-конференция

Через три дня я уже стоял около дверей квартиры Виктора, измученный, худой, но зато чисто выбритый. Виктор открыл дверь и ахнул:

- О, Господи, откуда ты? Что случилось? Где ты пропадал? По всей Москве переполох, все знают, что тебя взяли, а известий от тебя никаких. Зина звонила два дня назад, спрашивала о тебе.

- Что с Зиной? - спросил я.

- Сняли их за Читой, сейчас они дома.

- Виктор, я есть хочу. Я не ел почти неделю.

- По тебе видно. Сейчас, я быстро.

Я принял душ, выпил стакан кефира и стакан горячего чая, а потом подробно рассказал обо всем Виктору. Виктор молча слушал и качал головой.

- Вот это вы наделали делов. КГБ от Владивостока до Москвы на дыбы поставили. Сейчас кое у кого звездочки с погон полетят, - сказал Виктор, - Ну, а что сейчас делать думаешь?

- Дело до конца доводить надо, пресс-конференцию надо организовать и рассказать обо всем.

- Сегодня уже звонить поздно, завтра с утра займемся этим.

Мы разговаривали допоздна.

Утром я проснулся рано, нужно было готовить заявление для прессы. Я подошел к двери балкона, глянул вниз и увидел знакомые физиономии, век бы которых не видеть. Один из них сидел на скамейке у входа в подъезд, и не сводил глаз с дверей. Несколько человек делали вид, что прогуливаются. На площадке недалеко стояла машина КГБ.

Я подозвал Виктора. Виктор посмотрел вниз, все понял без слов и сказал:

- Нужно как можно быстрее организовать пресс-конференцию. Я возьму ключ и пойду из автомата звонить корреспондентам, позвоню и в посольство. Дверь никому не открывай, тебя могут попытаться вытащить отсюда. По всей видимости, моя квартира на оперативном прослушивании.

Через полчаса Виктор вернулся.

- Корреспонденты могут придти только через два дня. На завтра все расписание забито. Нужно продержаться два дня. Дом оцеплен со всех сторон. Самое большее, чего я боюсь, - они могут взять участкового милиционера, под каким-нибудь видом зайти в квартиру и вытащить тебя отсюда. Давай сделаем вот что: эти два дня не будем выходить из дома и никого не будем впускать, а если будут ломиться, то дверь забаррикадируем. Эти два дня наши нервы были напряжены, как струна, было очень неприятно видеть кружившихся около дома агентов КГБ, и днем, и ночью.

Когда на пресс-конференцию к Виктору стали съезжаться корреспонденты и ставить свои машины на площадке рядом с машиной КГБ, те засуетились, как воры, не успевшие украсть, и которых уже обнаружили. Они все попрыгали в машину и уехали.

Корреспонденты заходили веселые, шумные, свободные, от этого тяжесть несвободы еще сильнее давила на мое сознание, и еще больше придавала решимости бороться с коммунистической диктатурой. Началась пресс-конференция. Я рассказывал о событиях, происходивших в Находке за последние несколько месяцев, о новых гонениях. В это время в дверь позвонили. Но мы уже никого не ждали. Виктор пошел выяснять, кто пришел. Вернувшись, он сказал, что пришли, якобы, двое корреспондентов из "Вечерней Москвы", которых ни он, ни кто-либо еще не приглашал.

- А как они об этом узнали? - спросил кто-то.

По-видимому, из КГБ их направили. Посоветовавшись, все решили, что корреспондентам из "Вечерней Москвы" нечего делать на этой пресс-конференции.

Виктор вышел и спросил:

- Как вы узнали, что здесь будет пресс-конференция? Те переглянулись и ничего не ответили. Тогда Виктор сказал:

- Вы, все равно, не напишете в газете о том, что здесь услышите, а напишете то, что вам скажут те, кто вас сюда послал. Мы, не передовики производства, не ударники коммунистического труда, сверхплановый уголь тоннами не

выдаем, а вы ведь только об этом и можете свободно писать, да и то, только о тех, на кого вам укажут. Так что - извините. И они ушли, а пресс-конференция продолжалась. Было много вопросов, а потом мы все пили чай. Я беспокоился за жену и решил лететь домой в тот же день. Виктор и еще двое диссидентов проводили меня в аэропорт, подождали, пока я сяду в самолет, чтобы убедиться, что все нормально. Я благополучно добрался до дома.

Глава 16 Встреча с конгрессменами

Через месяц я получил сообщение от Бориса Чернобыльского через поздравительную телеграмму. И, как договорились, через неделю после телеграммы, я должен был встретиться с какими-то важными людьми из политических кругов Запада. Я понимал: чтобы пробиться в Москву, нужно было придумать что-то новое. Весь следующий день мы с Зиной провели в посте и молитве. Мы просили Бога, чтобы Он послал возможность, чтобы эта встреча состоялась. Мы переживали, обдумывали всевозможные варианты.

Я решил использовать КГБ для этого случая. План был отчаянный и опасный. Я полагался только на Бога.

- Зина, у тебя сохранился номер телефона начальника КГБ. Помнишь, который вербовал тебя?

- Сохранился, а что?

- Тебе придется на время "завербоваться". Звони Уфимцеву и назначай встречу.

Зина долго упиралась, хотя и понимала, что другого выхода нет, и, после долгих раздумий, согласилась. Она в этот же день позвонила Уфимцеву и коротко сказала: "У меня есть дело". Перед Зиной стояла опасная и сложная задача. Нужно было сыграть роль так, чтобы все казалось естественным, чтобы гэбэшники не заподозрили ничего. Я больше всего переживал, что если они заподозрят, они тоже могут сыграть свою роль. Мы стояли, как на весах: кто кого? Это была война, война нервов, которую мы уже вели четвертый год. Только силы и возможности у нас были неравные. Они, в случае проигрыша, иногда теряли должность, или у них уменьшалось количество звезд на погонах, а мы в случае проигрыша могли потерять свободу и даже жизнь, как Шелков и Снегирев. За нами была вся государственная мощь, все темные силы ада, за нами - Бог и желание послужить народу. Через час Зина была уже в кабинете начальника КГБ.

- Я пришла по поводу вашего предложения.

- А что же вас привело именно сейчас, а не тогда, когда вам делали это предложение?

- Мне нужно было время обдумать, а для этого нужно было созреть. Борис чудом совершил побег из под ареста в Красноярске. Я тоже почувствовала во время своей последней поездки, что значит быть под арестом. Я уже не

верю в успех своего мужа. Уже четыре года этой бессмысленной войны. Мне уже все надоело. Я так устала от бесчисленных переживаний, обысков, арестов. Я хочу жить, как все, жить спокойно, жить с детьми, с мужем. Помогите мне, вы же обещали мне это.

Зина плакала. Уфимцев суетился, совал ей стакан с водой, просил успокоиться. Он торжествовал.

- Но, все-таки, все-таки, что заставило вас именно сегодня придти сюда? Зина почувствовала, что она идет по тонкому льду, что не так просто их обмануть. Она взяла себя в руки и продолжала:

- Он опять намечает поездку на какой-то съезд.

- Так, так, так... - произнес он нервно, забарабанив пальцами по столу, - Так, так, так... У нас на этот счет поступила некоторая информация. Вы подтвердили эту информацию, это точно.

- Сделайте что-нибудь, чтобы Борис не поехал, ведь его там арестуют. Зина умоляюще посмотрела на Уфимцева. Он перестал барабанить пальцами по столу, и немигающими глазами пристально смотрел на Зину.

- Хотите помочь своему мужу? Где будет этот съезд?

- Я не знаю, и Борис не знает. Когда он приедет в Москву, там ему сообщат, куда ехать дальше.

- А когда он собирается ехать?

- Кажется, на этой неделе.

- Каким маршрутом?

- Я не знаю. Говорит, разработали какой-то новый маршрут, КГБ никогда не догадается.

- Зина, - Уфимцев сделал паузу, потом решительно произнес, - пусть он едет, пусть они собираются и обсуждают там, что угодно, лишь бы мы знали, что они затевают. Для этого, Зина, и вы езжайте с ним. Ни о чем не беспокойтесь, все будет правильно. Только одно условие, ни на шаг не оставляйте его ни с кем, вы должны все видеть и все слышать, что там происходит, а потом поделитесь с нами. Если вы будете сообщать нам о всех его намерениях, то мы остановим его, когда ему будет грозить опасность. Только с вашей помощью мы сможем остановить его от действий, которые могут привести его в тюрьму.

- Да, но не могу же я сама навязаться в эту поездку, да и не знаю, как он поедет, может, он в товарных вагонах будет добираться, может его на мотоцикле километров пятьсот по тайге повезут. Не могу же я с ним так ехать, да он и не возьмет меня никогда в поездку таким маршрутом. Уфимцев снова забарабанил пальцами по столу.

- Вы давно были у своих родителей? Они у вас, кажется, на Украине живут.

- Да, уже пять лет их не видела.

- Это нехорошо, столько лет родителей не видеть. Вот и закатите ему скандал, скажите, что хотите повидаться с родителями и заодно его сопровождать. Езжайте, как обычно поездом в Хабаровск, мы же знаем уже ваши маршруты, а оттуда, самолетом в Москву.

- Это обычный маршрут, и Борис может не согласиться ехать так, да и билеты на самолет, вы же знаете, летом невозможно взять сразу, надо заказывать минимум как за две недели, а то и за месяц.

- Так, так, так. Тогда езжайте поездом до Комсомольска-на-Амуре. Вы потеряете пол суток, но оттуда он еще не летал, мы точно знаем, и он ничего не заподозрит. А за билеты не беспокойтесь. Там будут билеты. Мы все устроим, только ни в коем разе не допустите, чтобы он поехал без вас.

Через неделю я уже встретился с группой американских конгрессменов и рассказал им об истинном положении верующих в Советском Союзе и попросил помочь выехать из СССР тем, кому угрожает опасность. Таких людей было около тридцати человек. Тут же на этой встрече я получил приглашение на встречу с группой американских сенаторов, которая должна была состояться через три недели. Мы с Зиной съездили к родителям, побыли там несколько дней, а потом наши друзья пригласили нас отдыхать на Черноморское побережье. Впервые за эти годы мы с Зиной отдыхали. Мы купались на пляжах Черного моря, загорали, ходили в пещеры Нового Афона, ездили на озеро Рица. "Это, компенсация тебе за неудавшийся отдых на охоте", - смеялась Зина.

Незаметно пролетело это счастливое время. Нужно было возвращаться в Москву.

В последний раз мы шли по песчаному берегу пляжа. С моря дул ветер. Он приносил запах воды, свежести, какой-то

остро ощутимый запах моря. Ветер все усиливался. Волны нарастали, и с шумом разбивались о берег, обдавая нас фонтанами соленых брызг. Небо незаметно потемнело. Где-то вдали слышались раскаты грома.

На встрече с группой сенаторов я говорил то же, что и конгрессменам, просил оказать нам поддержку. Вместе со мной пятидесятников СССР представляли Василий Шилук и Тимофей Прокопчик. Мы просили сенаторов, чтобы они при встречах с советскими представителями давали понять, что знают о нас, и передали списки людей, которым грозит опасность. Мы просили помочь этим людям выехать. Себя я в эти списки не включил. Позже некоторые конгрессмены и сенаторы из этих групп организовали комитет в нашу защиту, но помочь людям, которые были в списках, они не успели. Советский Союз вторгся в Афганистан и уже не обращал никакого внимания на мнение мировой общественности. Наступила пора открытого террора против всех несогласных с коммунистическим режимом. Никому, кто был в списках, не удалось уехать в то время.

В середине сентября мы вернулись домой. "Голос Америки" уже передал о нашей встрече с американскими конгрессменами и сенаторами. Это была первая встреча официальных представителей Запада с представителем подпольной церкви пятидесятников и обсуждение на таком уровне проблем верующих в СССР и проблемы иммиграции по религиозным мотивам. Все шло по моему мнению неплохо, по крайней мере, я был уверен, что о нас уже слишком много

знают на достаточно высоком уровне, и что массовый террор уже невозможен, но мысль о том, что Зине не миновать встречи с Уфимцевым, не давала мне покоя. Через неделю после нашего возвращения, так и не дождавшись звонка, Уфимцев неожиданно появился перед Зиной на улице.

- Как съездили? Мы слышали, что Борис встречался с сенаторами и конгрессменами. Наверное, у вас много новостей. Да, кстати, как съезд прошел? Мы вас уже заждались.

- Какие конгрессмены? Какие сенаторы? За какой съезд вы говорите? - удивляясь спросила Зина, обходя Уфимцева стороной.

Уфимцев опешил. Улыбка слетела с его лица. Он все понял.

- Ну, стерва, вам это так не пройдет.

Зина уходила, а вслед ей неслись угрозы Уфимцева. Съезд состоялся месяцем позже. Только я уже не смог попасть на него. На съезд поехали Прокопчик, Онищенко и Истомин. На этом съезде меня заочно выбрали секретарем Совета Церквей. После этого я смог вырваться в Москву только в 1980 году, в апреле. Меня сопровождал Виталий Истомин. Это была моя последняя поездка перед арестом. Я не знал тогда, что только через шесть лет я снова буду в Москве.

Глава 17 Чрево тюрьмы

Прошли выходные дни. Прошла утренняя проверка. Меня, по каким-то причинам не вызывали. Для меня был день отдыха.

К этому времени я узнал подробности о первом корпусе.

На первом этаже левого крыла было двадцать четыре камеры для особо опасных.

По правому крылу были камеры смертников, заключенных, приговоренных к расстрелу. Примерно раза два в месяц, по ночам, из камеры смертников кого-то уводили. Их камеры находились почти под нами. Когда их вели по тюремному двору, где их ждала спецмашина со спецконвоем, некоторые кричали. После их криков я не мог спать всю ночь.

Один раз я услышал, как кричала женщина.

- Куда вы меня тащите? Куда? - кричала она, - Я не хочу. Гражданин начальник, ведь, правда, вы меня назад в камеру отведете? Начальник, миленький, ну скажи мне, ведь вы меня не туда ведете? Ну, скажи.

Мне стало жутко.

- За что женщин приговаривают к расстрелу? - спросил я Бориса.

- Как и всех, - ответил Борис, - за хищение в особо крупных размерах, за незаконные валютные операции в крупных размерах, за убийство. Их во Владивостоке сейчас не расстреливают, - продолжал Борис, - Она вот кричит и не знает, что сейчас ее этапом в Новосибирск погонят. Сейчас по Дальнему Востоку и Сибири в Новосибирской тюрьме расстреливают, а раньше расстреливали и в Хабаровске, и в Иркутске, и во Владивостоке. Потом решили, что это

нерентабельно в каждой тюрьме держать палача, работа у него не на полную ставку, ведь не каждый же день людей стрелять приходится. А так в Новосибирск с разных мест смертников подвозят, тут у палача на полный день, по моему, работа есть, тем более, что часто в лагерях бунты бывают, братва не выдерживает, взбунтуется, охранника убьют, например, тогда многих к расстрелу приговаривают. Много с лагерей гонят на расстрел.

На втором этаже, по левому крылу, находилось несколько камер с китайскими перебежчиками. Там в основном сидели китайцы, которые, как выяснил я позже, наслышавшись советского радио на китайском языке, перебегали в советский коммунистический рай. По нашему этажу их сидело двадцать семь человек. Они все числились за КГБ. Обычно, за нелегальный переход границы им давали по два-три года лагерей, а потом отправляли на поселение в глухие места Хабаровского края или Амурской области. В том же крыле сидели осужденные женщины. По правому крылу напротив были камеры с подростками от четырнадцати до восемнадцати лет. Это были следственные камеры. Часто в эти камеры, если не хватало мест, сажали взрослых уголовников, или, наоборот, иногда подростка помещали в камеру, где сидели взрослые уголовники. А, вообще, подростков старались держать отдельно. На третьем и четвертом этажах были, в основном, следственные камеры, рассчитанные на четверых, но в которых всегда держали от десяти до шестнадцати человек.

Пятый и шестой этажи надстроили во время Брежнева. Там были большие камеры для осужденных, в которых находилось от двадцати до шестидесяти человек. И на крыше шестого этажа находились прогулочные дворiki.

Тюрьма была построена до революции, в 1904 году, но особо бурное строительство и расширение тюрьмы продолжалось в последние годы правления Брежнева. Напротив первого корпуса возводился еще шестиэтажный корпус. Стройка шла днем и ночью. Строили заключенные, в основном, без техники, руками. Все - кирпичи, раствор, бетон - носили на носилках. Заканчивалось строительство подземной тюрьмы, которую вырубili в скале, тоже напротив первого корпуса, только с другой стороны. Все это я узнал от двух заключенных, которые участвовали в этой стройке, но проштрафились, и их отправляли в лагеря. Вообще, о строительстве подземной тюрьмы ходили жуткие слухи. От всех этих слухов веяло какими-то переменами в политике страны. Пять-три жила обычной жизнью. После бегства наседки к нам привели еще одного. Он зашел какой-то взъерошенный, растерянный, испуганный. На вид ему было лет сорок. Так как народу уже было много, мы тщательно следили, чтобы в камере не завелись вши. Этим занялся Анатолий, который ударил наседку. Сейчас он заставил новенького, которого звали Федор, и которому тут же дали кличку Федоска, проверять все швы в его одежде, потому что в швах одежды прячутся вши. Федоска с таким деловым видом рассматривал свои трусы, как

ювелир мог рассматривать свои изделия. Я посмотрел на Федоску и понял, что у него что-то не в порядке с головой. Федоска просмотрел свою одежду и сказал, что у него все нормально. Анатолий сам взялся проверять его одежду.

- Пес ты такой, да на какой же ферме ты развел этот табун? Или тебя, что, сюда десантом забросили, чтобы ты вшей здесь развел? Он стал хлестать Федоску по лицу его трусами. Федоска стоял раздетый в короткой майке и глупо посматривал на всех.

- Да они меня совсем не кусают, - виновато сказал он. К нему подошел Борис.

- Да эту одежду только выбросить.

- У меня есть запасная одежда, - предложил я, - но она будет большая ему. Федоску одели. А Борис подошел к двери и стал суетиться около дверного глазка. Со стороны коридора, круглое стеклянное отверстие закрывала резинка. Дубак поднимал эту резинку, заглядывал в камеру и смотрел, что там делается. А мы не могли видеть из камеры, что делается в коридоре. Борис нагрел стекло зажженной спичкой, и полил его водой. Стекло лопнуло. Он иголкой расширил трещину, и этой же иголкой отодвинул резинку в сторону и стал наблюдать, что делается в коридоре. Не отрываясь от глазка, он подозревал меня к себе.

- Хочешь сеансы половить в коридоре? Смотри.

Я стал смотреть в глазок. По коридору прохаживался молодой дубак, которого звали Саша. Ему было не больше

двадцати пяти лет. В его лице было что-то крысиное. Он, как крыса, рыскал по коридору и смотрел в глазки камер, где находились подростки. Его почему-то заинтересовали эти камеры. Он бегал от одной камеры к другой. Наконец, он стал наблюдать только за одной камерой, которая находилась почти напротив нашей.

- Что он там мечется? - спросил я Бориса, - Наверное, засек, как коня пускают.

Я стал дальше наблюдать. Дубак Саша открыл дверь и вывел какого-то подростка лет пятнадцати. Это был мальчонка ниже среднего роста, худой. Одежда висела на нем мешком. Дубак закрыл дверь и остался в коридоре один с мальчиком, который испуганно смотрел по сторонам.

Дубак мелкой, крадущейся походкой обошел подростка и неожиданно нанес ему удар в живот. Мальчонка охнул и скорчился. Дубак подождал, пока он выпрямится, и тут же снова нанес ему молниеносный удар. Мальчонка опять скорчился. И все повторилось снова. Я понял, что дубак отрабатывает удары по уязвимым местам. После четвертого удара мальчонка упал и стал корчиться на полу. Я стал стучать ногами в железную дверь. Дубак посмотрел на нашу дверь, и танцующей походкой, играя большим тюремным ключом, подошел к нашей двери и увидел, что резинка отодвинута в сторону. Он открыл кормушку.

- Чем недоволен, господин преступник?

Я никогда никого не обзывал, но тут не сдержался.

- Ты, что, крыса тюремная, делаешь? Кого ты бьешь? Он же, ребенок. Или что, ваша коммунистическая мораль учит этому?

Румяное крысиное лицо дубака побагровело.

- Как? Как ты назвал меня? Повтори еще раз.

- Крыса тюремная, ублюдок коммунистический, твое место здесь, в камере. Я на тебя жалобу писать прокурору буду.

Дубак еще больше побагровел, заматерился, скрипнул зубами и захлопнул кормушку.

- Знает, видно, по какому делу ты под следствием находишься, боится КГБ, - сказал Борис, - без их указания боится трогать, а то бы сейчас он наряд вызвал и утащил бы тебя в "комнату смеха". В ней стены оббиты войлоком, крика оттуда не слышно. Там бы тебе они отбили или легкие, или почки. Кровью бы харкал после этого. А жалобу писать бесполезно. Этот дубак в смене чечена, того, что тебя в клоповник отправил. Жалоба только до чечена дойдет. Тот ее порвет и выбросит, а дубака еще и похвалит. Они здесь приемы карате отрабатывают, особенно на подростках. Этими жалобами ты здесь ничего не докажешь. Я срок так заработал.

Сидел под следствием по первому сроку, - стал он рассказывать, - за спекуляцию. Поехал я как-то с женой к ее родственникам в Прибалтику. Достал там немного запчастей для машины. Перепродам, думаю, подороже; а меня зацепили. Дело шло к тому, что меня могли отпустить,

выкрутился я. А тут прихожу со следствия, а в хате у нас вот такой же пацан сидит, плачет: "Ой, мамочка, заberi меня отсюда". Несколько дней все плакал. А тут после проверки дубак его в коридор вывел. Слышим, избивать стал. Пацан так сильно кричал. Я не выдержал, стал стучать в кормушку кулаком. В руках у меня король шахматный был. Дубак открыл кормушку. Я поманил его пальцем, как будто сказать что-то хочу. Он свою змеиную рожу в кормушку сунул. Тут я залепил ему королем. Не думал, что в глаз попаду. Дубаку после этого стеклянный глаз вставили, может и орден за отвагу дали, а мне печень отбили. С тех пор без таблеток не могу, вдобавок восемь лет накатили. На Сахалине на лесоповале восемь лет бревна катал. В сорокаградусные морозы работал, все здоровье там оставил. Освободился больной. Жена ушла от меня, замуж вышла, еще когда я в лагере был. Пробыл я на свободе всего четыре месяца. Напился как-то с горя. Иду по улице, а они вдвоем под руку идут. Жена меня увидела, за него спряталась. Ну, а ее новому мужу я по морде накати. А сейчас вот и крутят меня за хулиганство. До пяти лет могут накрутить. Если пять лет влупят, не выживу я, наверное. Прошло еще несколько дней, а меня все не вызывали на следствие. Я отдохнул и физически, и морально. Как получается, думал я, попал я первый раз в камеру, она мне показалась жуткой. Думал, что никогда не привыкну. Эти темные стены, эти решетки, бетонный пол, лампа, которая горит круглые сутки, отвратительная баланда, невыносимые

тюремные запахи, постоянные набеги клопов и тараканов, и постоянная опасность от вшей, иногда по два раза в день одежду свою просматриваешь. Но, после того, как я стал попадать в стаканы, камера уже не казалась мне такой страшной, и, действительно, стала казаться домом. Не даром ее называют хатой. Это по первости кажется страшно, но когда проходишь круги тюремного ада, то сознаешь, что камера, это не совсем худшее.

Как открылась дверь камеры, никто не заметил. В дверях появился корпусной по кличке Арлекино.

- Всем стоять на месте! Не шевелиться! - заорал он. За ним стояли еще несколько дубаков. У всех в руках были гибкие стальные прутья, заостренные на конце.

- Если есть у вас запрещенные вещи, добровольно предлагаю сдать их, а не то перевернем все кверху дном и матрацы распорем. Кто сегодня дежурный у вас?

- Я, - ответил Федоска.

- Есть запрещенные вещи?

- У нас здесь были запрещенные вещи, - сказал я, - вот Федоска вшей принес, но мы вывели, а сейчас вот клопы и тараканы одолевают, надо бы вывести их чем-нибудь. Арлекино зло глянул на меня.

- Руки, назад, за голову, и по одному быстро на коридор! Бегом! - заорал он.

Каждого, кто выбегал, он сопровождал ударом прута. В коридоре стояли еще несколько дубаков.

- Лицом к стене, и не шевелиться! - заорал один из них. В коридоре дежурил дубак Петя, при котором Шурик рот зашил. Около него стоял Дуров, заключенный по фамилии Яровой. Он разносил баланду и мыл полы по этажам тюрьмы. О нем ходили слухи по тюрьме, что он был заядлый стукач, что не стеснялся закладывать всех подряд, и дубаков, и заключенных.

Арлекино и дубак Петя стали делать обыск в камере, а остальные стали нас обыскивать. В локте правой руки у меня появилась судорога. Я снял правую руку с головы и сразу же на меня посыпались обжигающие удары стальных прутьев. Эти прутья со свистом жалили мое тело. Я резко повернулся и получил удар в лоб. Кожа на лбу лопнула, кровь стала заливать лицо. Это остановило дубаков.

В это время Арлекино выскочил из камеры. Он услышал, что в коридоре что-то происходит. Когда он увидел кровь на моем лице, это привело его в ярость.

- Вы, что, дебилы, наделали? Приказа бить не было!

Был приказ камеру на уши поставить! Перед КГБ сами отвечать будете! Теперь из-за вас он будет клеветать за границу, что его били в тюрьме. А его же никто не трогал, - вдруг что-то пришло ему в голову, - Ведь правда его никто не бил? - обратился он к заключенным.

- Да, его никто не бил, он сам головой о стену стукнулся, - ответил "Дуров" - Яровой.

Я пошел, умылся, приложил носовой платок ко лбу. Обыск продолжался. Арлекино снова вышел из камеры.

- Чье это? Что это за таблетки?

- Мои таблетки, - произнес Борис.

- Что-то в тюремной больнице у нас таких таблеток нет. Где ты их взял? Может это наркотики?

- У меня больная печень, и я уже несколько лет пользуюсь таблетками. Это, но-шпа. Мать передает мне.

- А справка от врача у тебя есть, что тебе эти таблетки нужны?

- В деле у меня все есть, можете посмотреть.

- Таблетки эти я у тебя забираю, не положено это в тюрьме. Это импортные таблетки. Вроде, больше ничего у вас запретного нет.

В это время "Дуров" - Яровой сказал:

- Гражданин корпусной, разрешите мне поискать, я знаю, куда они прячут. - Он сам раньше сидел в камере и знал, куда могли прятать что-то.

Арлекино разрешил, хотя они уже нашли то, что им нужно было. Яровой забежал в камеру и минут через десять торжественно вынес чай в полиэтилене и самодельный бритвенный прибор и несколько бритв.

- Видите? - говорит, - Они больше недели в бане не были, а все выбриты.

Арлекино похвалил его.

- Хороший ты человек, - сказал он, - но на воле тебе голову не сносить.

Нас вернули в камеру. Там все было разбросано.

Я понял, что это, работа Быкова. Он решил отомстить

Борису за отказ доносить на меня.

Вечером я, как обычно, рассказывал очередную главу из Евангелия. Это была 5-я глава Евангелия от Матфея, Нагорная проповедь.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное, - пересказывал я Нагорную проповедь.

- Какое сильное место, "Блаженны изгнанные за правду", - сказал один из заключенных, инженер Владивостокского порта, - Как бы я хотел оказаться на твоём месте. Пострадать за правду - большая честь. Вот, я сижу за взятки и мне стыдно, что я сижу, а у тебя положение совсем другое. Я бы с удовольствием поменялся с тобой.

- Если ты будешь жить по правде, если будешь выполнять заповеди Христа, тебе представится много возможностей быть изгнанным за правду. Так поступили с Христом, с Его учениками, и это ждет всех Его последователей.

Все долго молчали.

- Братва, вы как хотите, а я с сегодняшнего дня бросаю курить и материться, - сказал инженер.

- Это можно не курить, - поддержал его Федоска, - я тоже не курю. Зачем курить? И так дышать нечем. А вот ежели мы все бросим курить, а? Ежели бы курево нам на пользу было, а то ведь только вред от него.

- Да, что ты зарядил, ежели, ежели? Что смиряться стал, что ли? - перебил его Анатолий, А вот, если я твою баланду съем, ты тоже смиряться будешь или по башке мне дашь? Федоска растерялся.

- Смиряться буду. Да, как я тебе по башке дам? Ежели бы я только захотел тебе по башке дать, то ты бы мне уже дал.

Все рассмеялись.

- Хватит смеяться над человеком, - сказал Борис, - Федоска все правильно говорит. Я тоже не курю.

И все в камере решили бросить курить, кроме Анатолия.

- А я пока вшу следаку не подброшу, буду и курить, и материться. Завтра, если на следствие вызовет, я ему, козлу, и подброшу парочку. Пусть почешется. А еще я должен Яровому отомстить за то, что чай и бритвенный прибор забрал.

Анатолий подошел к параше.

- Восемь-пять, восемь-пять, - закричал он.

- Восемь-пять слушает, слышалось в трубе.

- У вас вши есть? Подгоните в пять-три на коне парочку, да покрупнее, племенных, а если у вас нет, дыбаните в других камерах.

Где-то через полчаса Анатолию спустили на "коне" пару огромных черных вшей, упакованных в полиэтилен. Анатолий восхищался:

- Вот это настоящие, племенные, хороший табун выведут. Он взял спичечную коробку, осторожно вытряхнул их туда и сказал, - Плодитесь и размножайтесь у следака в трусах. Десантом я вас к нему заброшу, а вы, может, и к женушке переползете. Он, козел, не поймет сразу, в чем дело, так что не теряйте времени, размножайтесь.

Глава 18 Следствие продолжается

На следующее утро меня увезли на следствие. Я все больше поражаюсь наглости следователя Истомина. Он разложил передо мной черновики, жалобы, протесты, заявления в органы советской власти. Среди этих черновиков было заявление Брежневу, тоже в черновом варианте. Все это следователь представил как клевету и антисоветскую пропаганду.

- Прежде всего, это, черновики, - ответил я, - Это мои мысли здесь записаны. Что у вас уже и мыслить запрещено? Почему вы об этом официально не объявляете?

- Почему мыслить запрещено, - возразил Истомин, - мыслить у нас не запрещено. Можешь думать все, что угодно. Твои мысли даже могут расходиться с официальной идеологией, но если ты свою мысль записал, даже пусть на черновике, и эта мысль расходится с официальной идеологией,

то это будет клевета и антисоветская пропаганда.

- Так в статьях 190 и 70 главным фактором считается распространение, а не написание.

- Ты что нас за дураков считаешь? Ты что, писал для того, чтобы не забыть свои мысли? Нет, ты писал для того, чтобы распространить. Вот, написал ты жалобу прокурору, ты распространил клевету, что вас притесняют. Или вот, к примеру, у тебя еще обвинение. Ты написал письмо в защиту Щаранского, Гинзбурга, Орлова, Якунина. Эти письма были клеветническими. Ты называешь их честными людьми, а суд признал их преступниками. Ты подтверждаешь эти мысли, что записаны в черновиках? Или, может быть, ты сейчас признаешь их ошибочными и раскаешься в этом?

- Вы что, предлагаете мне раскаяться в том, что я раньше неправильно мыслил, или я должен раскаяться в том, что я не молчал, и эти мысли привели меня в тюрьму?

- Желательно, и в том, и в другом, чтобы для других урок был.

- Вы что думаете, что после всего, что вы мне сделали в тюрьме, вы запугали меня? Нет, все, что я делал, я делал правильно. Отрекаться от этого я не собираюсь.

- Хорошо, - сказал следователь и обратился к своему помощнику, лейтенанту Свинчуку, - Запишите все.

Он стал диктовать свои вопросы и мои, приблизительно, ответы. Это было уже сверх всего. Я возмутился и заявил протест.

- Почему вы не записываете мои ответы сразу и с моих слов?

- А ты все равно ничего не подписываешь. Какая тебе разница, что здесь будет написано? Следовательно просто издевался надо мной. Он хотел показать, что я полностью в его руках. Когда меня посадили в машину КГБ, к моему удивлению, я увидел в машине бутылку вина, яблоки и бутерброды с колбасой и сыром. Мы были уже почти на полпути к тюрьме, и старик-конвоир сказал:

- Ну, что, может быть на природу съездим? Отдохнем немного, да и Борис с нами немного развеется, а то ему в камерах уже надоело.

Я понял, что это провокация со стороны Истомина, и сказал:

- Везите меня в тюрьму.

- А что так? - спросил старик и продолжал, - Отдохнем, поговорим...

- Что-то ты разговорчивый стал. За все время я только и слышал от тебя: "Шаг вправо, шаг влево - стреляю без предупреждения!"; а то вдруг тебе на природе со мной поговорить захотелось. Что, за побег пристрелишь там? Прекращайте эту дешевую провокацию, везите меня в тюрьму. Из машины я выйду только в тюремном дворе, или стреляй здесь.

Молодой конвоир все это время молчал, а старый заматерился и сказал:

- Ну, сволочь, не хочешь, не надо, - и крикнул шоферу, - Вези его в вонючую тюрьму, если ему так нравится, и пусть он там сдохнет.

Когда мы подъезжали к тюрьме, молодой конвоир снова стал шутить:

- Ну, что, старый, отдай Борису бутерброды.
- Не положено ему бутерброды, пусть баланду жрет.

Глава 19 Смерть друга

К моему удивлению в стакан меня не посадили. Меня завели в камеру. Анатолия и Федоски в камере не было. Они были на следствии. Борис лежал на нарах. Около него сидел инженер. В камере было холодно, уже стоял ноябрь. Борис лежал в куртке и в шапке. Его морозило. Он тяжело дышал.

- Извините меня, братва, у меня, наверное открылся туберкулез. Раньше у меня было подозрение, на воле не успел подлечиться, а сейчас чувствую, что дело - дрянь. Да еще и печень мучает, а таблетки Арлекино отобрал. Он лежал сухой и желтый. Ему было холодно, а на лице его выступал пот. Я подошел к двери и стал стучать, вызывать дежурного дубака.

- Брось, - сказал Борис, - Я уже просил врача. Они мне таблеток принесли, а таблетки здесь одни и те же от всех болезней. Чтобы мои таблетки вернули, нужно, чтобы врач меня обследовал, а врач будет только на следующей неделе.

- Тогда, может, по тюрьме узнать, может, у кого таблетки есть, предложил я.

Инженер запустил коня по тюрьме. Теперь нам оставалось только ждать. Минут через двадцать мы получили аспирин, а через час, одну таблетку но-шпы. Борис выпил но-шпу, выпил аспирин. Потом обратился ко мне:

- Борис, я давно хочу тебя спросить: как нужно молиться?
Инженер сказал:

- Меня тоже этот вопрос интересует.

- Бог, наш Отец, наш Друг, - ответил я, - Молитва, не какой-то ритуал, это, общение с Богом. Как бы вы обращались к своему отцу или к своему лучшему другу, который способен помочь вам, так обращайтесь и к Богу. Здесь заученных слов не надо.

Я предложил им помолиться, и мы впервые втроем молились. Остальные стали на ноги, но не молились, они еще не были готовы к этому.

Борису стало легче. Вечером ввели Анатолия и Федоску. Анатолий радостно объявил:

- Поздравьте меня с успешной высадкой десанта. Я у следователя пить попросил. Он, козел, отвернулся, а я ему на спину вшей вытряхнул.

А Федоска был угрюмый. Никто не знал, за что он сидит, он все молчал. Знали только, что он бывший прапорщик, и уже все стали замечать, что его лечить надо, а не в тюрьме держать. Федоска доказывал всем дубакам, что он не виноват, что ни за что сидит. Он считал, что его любой дубак может домой отпустить, и просил: "Гражданин дубак, отпустите меня,

пожалуйста, домой. Меня ни за что посадили. Жену мою избили, меня избили, а меня еще и посадили". Федоска даже не понимал, что слово "дубак", оскорбление для надзирателей. Слышал, что заключенные их между собой так называют, и говорил. А через несколько дней Федоска постучал в кормушку и закричал:

- Гражданин дубак, дайте мне оружие. Война началась, уже всем оружие выдали, а мне не дают, - он стоял и плакал около кормушки, - Почему мне оружие не доверяют? Китайцы напали, а мне оружие не дают! Дубак с интересом наблюдал за ним в кормушку. Потом открыл дверь камеры, взял метлу и протянул Федоске.

- Вот тебе оружие. Бери, воюй.

Федоска взял метлу, стал по стойке смирно, отдал честь дубаку и прокричал:

- Служу Советскому Союзу! - и стал маршировать по камере.

Мы пытались забрать метлу и уложить Федоску на нары, но он никого не слушал.

- В атаку! Вперед! - крикнул он и ринулся с метлой в коридор.

Дубак пинком отбил его "атаку":

- Здесь воюй!

Федоска стал ползать по бетонному полу, заполз под нары, выставил оттуда метлу и стал имитировать стрельбу из автомата.

Дубак позвал начальника корпуса. Они смотрели на Федоску и едва ли на падали от смеха. Мы стали возмущаться и требовать, чтобы Федоску показали врачу, но дубак сказал:

- Ничего, он смирный, только в войну играет. А ночью Федоска закричал:

- Десант, приготовить парашюты! - и со второго яруса прыгнул головой вниз. Федоску без сознания, с разбитой головой вынесли из камеры. Больше мы Федоску не видели и ничего о нем не слышали. Борису становилось все хуже и хуже. На прогулки он уже не ходил, все больше лежал. Ел очень мало, все больше пил. Мы собирали свой сахар и отдавали ему. Он отказывался, но мы убеждали его, что нужно хоть как-то поддерживать организм. Через неделю в камеру пришел врач. Он стал осматривать Бориса, измерил температуру, пощупал пульс, прослушал сердце и легкие.

- Ты что это, парень, с таким здоровьем в тюрьму решил попадать?

Вон желтый какой. Здоровье у тебя, дрянь. В тюремную больницу оформлять будем. Сейчас пришлю санитаров, - потом обратился к нам, - Помогите ему вещи собрать. Борис запротестовал:

- Это, плохая примета. Я все сам сделаю, сам соберусь, сам пойду. Когда отсюда выносят, те уже больше не возвращаются, а мне бы только до лета дотянуть, а там солнышко пригреет, свежий воздух. Летом я отойду от этой болезни.

Он медленно, худыми, слабыми руками собирал свои вещи.

- Вот, кажется, и все, - сказал он, потом, тяжело дыша, сел и попросил, чтобы я записал ему свой адрес. Вошли санитары. Борис встал, подошел ко мне, улыбнулся.

- Я найду тебя, Борис, если выживу. Извини меня, что не прощаюсь. По тюремному закону, прощаться нельзя.

- Выздоровливай, - сказал я, - Мы еще встретимся. Я говорил и чувствовал, что больше мы уже не встретимся.

Борис повернулся, отстранил санитаров, которые хотели ему помочь, и медленно вышел из камеры. Мое чувство не обмануло меня. Больше я Бориса так и не увидел, но слышал о нем почти через год. В нашу камеру из тюремной больницы пришел заключенный. Я так и продолжал по вечерам проповедовать. Он выслушал меня и сказал:

- У нас в больнице тоже баптист был, его тоже Борис звали. Все проповедовал нам, пока ни умер.

Я стал подробно расспрашивать его обо всем и узнал, что Борис не дотянул до лета и умер в апреле.

Глава 20

"Тюрьма не дом отдыха"

На следствие меня вызывали каждый день. Следователь понял, что ломать меня бесполезно, и уже особо не пытался

выбивать из меня нужные показания. В стакан меня стали закрывать реже. По всему было видно, что у КГБ что-то сорвалось с моим делом, и они поспешно подводили дело к концу. За несколько дней до окончания следствия меня привели к тюремному начальнику оперчасти. Там уже находился подполковник краевого КГБ Быков.

- Ну, как дела?

- Какие могут быть дела в тюрьме?

- Как следствие идет?

- Как вы его организовали, так и идет.

- Ну, в этом ты не прав. Следствие идет не совсем так, как мы организовывали. Ты вот упираешься, вину свою не признаешь, а у тебя семья, тебя ждут. Хочешь отсюда выйти? Что молчишь? Выход есть. Признай свою вину, признай, что был не прав, и - я тебе обещаю - домой пойдешь. Ну, естественно, не передо мной, вину свою признавай, а по телевидению об этом расскажи, статью в газету напиши.

- Так вы докажите мою вину. В чем она состоит?

- Человек никогда не может быть правым во всем. Ведь где-то ты все равно был не прав. Подумай сам, где ты был не прав, и, хотя бы частично, признай свою вину.

- Вы совершали преступления против нас, а когда я стал говорить о ваших преступлениях, вы упрятали меня в тюрьму. А теперь не можете доказать мою вину и предлагаете мне стать самому своим же обвинителем в обмен на свободу. Вы отлично знаете, что здесь со мной делали, что я пережил. Все делалось

по вашему указанию. Питками вы мне старались доказать, что я виновен. Я ни в чем себя виновным не признаю. - Ну, ты, все-таки, подумай, у тебя есть время. Как надумаешь, в любое время дай мне знать. Любому надзирателю скажи, и мне об этом передадут.

После разговора с Быковым меня перевели в другую камеру. Это была камера второго корпуса номер 211. Обитатели 211-ой камеры были люди разные и по возрасту и по составу преступлений. Были два Жени, оба интеллигенты. Один до ареста работал вторым помощником капитана. Сел за взятки и шел по одному делу с инженером, с которым я сидел в камере номер 53. Второй Женя, двадцатитрехлетний профессиональный певец, сам не знал, за что сидит. Просто, жертва недоразумения. Его арестовали и держали в тюрьме за "хищение" своего же собственного магнитофона. Коля, по кличке "Книжник", сел за продажу нескольких книг из своей личной библиотеки по ценам выше государственных. Обвинялся в спекуляции. Один был убийца, убил родителей жены. Остальные были воры и наркоманы.

Обо мне уже слышали и в этой камере и приняли меня хорошо. Вечерами я, как и в 53-ей камере, проповедовал заключенным.

Камера номер 211 была обычной камерой на четыре человека, но в которой тоже было от десяти до пятнадцати человек. На ночь бетонный пол камеры так же был устлан матрацами, так что, если нужно было пройти в туалет, то было

очень трудно не наступить на кого-нибудь. Камера была очень холодной. На зиму окно закрывали второй рамой, и все щели заклеивали бумагой. Зимой окно в камере открывать запрещалось. Из-за отсутствия циркуляции воздуха и большого скопления людей бетонные стены камеры постоянно были мокрые, с них капала вода. Стена с окном промерзала насквозь, и вся была во льду. Матрацы заключенных, которые спали на полу около этой стены, примерзали к полу. Заключенные спали на одном матрасе по два человека, а вторым матрасом укрывались, так как одеял не давали. Спали все заключенные одетыми. На головы одевали шапки. Вонь в камере была неимоверная. Если 53-я камера хоть как-то проветривалась, то 211-я камера проветривалась только иногда через коридор. Когда нас выводили на прогулки, мы просили дубака не закрывать дверь, но не каждый дубак соглашался на это.

Через несколько дней меня снова вызвали к тюремному начальнику оперчасти. Когда конвоиры ввели меня в кабинет, там сидели два незнакомых мне человека. Они с любопытством осматривали меня, потом один из них сказал:

- Мы, представители краевой прессы, - и представился, - Новоселов.

- Николаев, - назвал себя второй.

- Мы хотим взять у вас интервью и описать некоторые моменты вашей преступной деятельности, - продолжал Новоселов.

- Хорошо, - ответил я, - Но откуда вы взяли, что я преступник? Суда еще не было. Может быть суд оправдает меня, а вы беретесь писать обо мне, как о преступнике. Конечно, вы прекрасно знаете, что не суд решает, а КГБ. Что КГБ суду прикажет, то они и будут делать. И вы, сотрудники КГБ, так что о чем с вами говорить? Вам нужен только факт, что вы со мной встречались, а писать вы будете все, что прикажут вам те, кто вас послал. Отвечать на ваши вопросы нет никакого смысла.

- Почему вы так считаете, Борис Георгиевич? Мы напишем все, что вы здесь будете говорить. Конечно, ваши убеждения мы пропагандировать не собираемся, но об остальном, что будете говорить, напишем.

- Если вы напишете, что делается в тюрьме, я отвечу на ваши вопросы.

- А что же здесь делается? - спросил Новоселов.

- Обо мне вы узнали, а что в этих стенах десятилетиями преступления совершаются, вы ничего не знаете. Выйдете из этого кабинета и пройдите налево метров пятнадцать. Вы увидите в стене несколько маленьких дверей. Откройте одну дверь. Вы увидите ящик в стене, внутри обитый железом, пробитым гвоздями. Такие ящики в стене называют стаканами. Не знаю, почему их называют стаканами, они больше похожи на гробы. В них держат заключенных по несколько часов, бывает, по целым суткам. В таких стаканах я лично провел более двухсот часов. Можете еще написать о пытке химикатами, которую здесь называют каберне.

- Вы клевете, - возмутился Новоселов, - Такого быть не может.

Вот видите, вы, не проверив, называете меня клеветником.

- Давай позовем оперативника и спросим, - предложил Новоселов.

- Вы сначала проверьте, - сказал я, - это займет у вас всего несколько секунд. А то у вас все, что для вас невыгодно, клевета.

- Ну, хорошо, - согласился Новоселов.

Он позвонил по телефону, и через несколько минут пришел начальник оперативной части.

- Вот тут Перчаткин жалуется, что у вас здесь есть какие-то страшные стаканы, похожие на гробы, в которых вы держите заключенных.

Начальник оперчасти растерялся, стал оправдываться.

- Знаете, товарищи корреспонденты, это не наша инициатива. Это не мы придумали, это все законно. Это утвердил генеральный прокурор.

- Так что, у вас, действительно, есть такие стаканы?

- Есть.

- Так что, Перчаткин правду говорит?

- Не знаю, что он говорит, но стаканы есть. Теперь и корреспонденты выглядели растерянно. Новоселов как-то неохотно спросил:

- А что, у вас и химикатами людей мажут? Его язык не повернулся назвать это пыткой.

- Мажем заключенных химикатами, но это тоже согласовано с генеральным прокурором. От себя мы ничего не делаем. Все это законно. Корреспонденты молчали, они не ожидали такого ответа.

- Вот такой я "клеветник", - сказал я, - Но это еще не все. Посмотрите, как здесь кормят. Пищу, которую здесь дают, может есть только человек, доведенный до крайнего голода. Можете сами попробовать эту баланду. Зайдите в любую камеру, ну, хотя бы за мной, когда меня поведут. Вы увидите, что любая камера рассадник туберкулеза. Бетонные стены и пол, постоянная сырость, холод. Камеры переполнены. Вы увидите, что люди спят на матрацах, примерзших к полу. Мало того, что условия в камерах способствуют развитию туберкулеза у заключенных, еще и больных туберкулезом не изолируют. Они находятся в камерах вместе со здоровыми заключенными.

Корреспонденты не знали, как выйти из этого положения. Наступила неловкая пауза. Потом Новоселов нашел выход.

- Тюрьма - не дом отдыха. Может вам еще фикус в камеру поставить и цветной телевизор?

Глава 21 Новогодние сюрпризы

1980 год подходил к концу. В тюрьме дубаки всегда придумывают для себя всякие развлечения. Эти развлечения всегда сводились к тому, чтобы как-то поиздеваться над заключенными.

31 декабря дверь камеры открылась. Вошел дубак.

- Господа преступники, поздравляю вас с наступающим Новым годом! Сейчас Дед Мороз и Снегурочка принесут вам подарок. Дед Мороз, Снегурочка, несите подарочек. В камеру вошли два баландера. У одного из них была приклеена борода из ваты, а второй был одет в женское платье. "Снегурочка" рассыпал по камере хлорку, а "Дед Мороз" вылил на пол ведро какой-то вонючей жидкости. Некоторые даже не успели поднять с пола свои матрацы. Реакция была разной. Те, кто сидели не первый раз, уже привыкли ко всяким издевательствам. Они молча стали убирать свои матрацы. Остальные стали кричать, возмущаться, требовать начальника корпуса.

- Что, не нравится подарок? - улыбаясь спросил дубак, - Дед Мороз, добавь еще.

Вошел "Дуров" и выплеснул на пол еще ведро такой же гадости.

Дубак весело засмеялся и захлопнул дверь. Мы стали убирать камеру.

- Фашисты в концлагерях, если и издевались над заключенными, так не над своими, а вы, коммунисты, своих мучаете, жалко Гитлер не добил вас. Благодарите американцев, - закричал один заключенный, весь в наколках. У него на теле были выколоты фашистские лозунги, на плече - погон офицера СС, а на правой руке, на всю ладонь, - свастика.

- Хайль Гитлер! - снова закричал он и поднял свою руку со

свастикой на ладони, - Мы их тоже поздравлять будем, сказал он и стал звонить по телефону в парашу и в кружку. Он кричал и просил передавать в другие камеры, чтобы после вечерней проверки заключенные кричали: "Хайль Гитлер!".

После проверки в нашей камере этот заключенный сразу закричал:

- Хайль Гитлер!

У нас его никто не поддержал его, кроме одного наркомана. Они вдвоем стали кричать:

- Хайль Гитлер!

И тут в других камерах тоже стали раздаваться отдельные крики: "Хайль Гитлер!". Это было робкое начинание. Потом заключенные заорали смелее. Особенно осмелели подростки.

Среди дубаков началась паника. Они метались от камеры к камере. Сначала они угрожали, потом стали просить замолчать. Если бы это было в одной или даже в десяти камерах, они бы быстро успокоили заключенных собаками и дубинками, но кричали в сотнях камер. "Хайль Гитлер", - кричали заключенные, доведенные до отчаяния постоянными издевательствами дубаков и невыносимыми условиями в тюрьме, стараясь хоть этим отомстить дубакам, коммунистам. Это не прошло бесследно.

На следующий день заключенных из тех камер, в которых особо усердно кричали, выводили в баню, и, не разбираясь, кто кричал, кто нет, мазали всех химическим

раствором, не давая смывать. Заставляли одеваться и вели назад в камеры. Вели их не по переходам, а по тюремному двору, чтобы вся тюрьма слышала, как они кричат от боли. В течение часа во дворе слышались крики заключенных.

Все камеры застыли в ожидании. Все ждали, что вот откроется дверь и их поведут на пытку химикатами, которые смывали в камерах. Так заключенные встретили 1981 год.

Глава 22 Сифильбар

Следствие у меня закончилось. Потянулись однообразные, серые тюремные дни, ничем не отличающиеся один от другого. Так прошло дней шесть. И вот, открылась дверь камеры, вошел дубак.

- Перчаткин, с вещами!

Десять минут на сборы, и меня ведут по тюремным лабиринтам. Завели в большую камеру, человек на тридцать.

Ко мне подошел заключенный, раздетый до пояса. Его кожа на груди, животе и на одной руке была поражена какой-то болезнью и напоминала рыбью чешую.

- Я, старший этой камеры. Мне нужно определить для тебя место в камере. С чем ты попал сюда?

Я не понял вопроса.

- Ты хочешь спросить за что?
- Меня не интересует за что. С какой болезнью ты сюда попал?
- Никакой болезни у меня нет.

- Ты дурака не валяй. Что не знаешь, что это, сифильбар? Сюда не с головной болью помещают. Здесь и так всех в кучу сгребли, и кожных, и венерических. Вот и приходится располагаться так, чтобы, по возможности, не наградить друг друга какой-нибудь заразой. Я смотрю, кожа у тебя нормальная. Может у тебя сифилис? Тогда твое место там, - он указал на левый угол камеры.

От неожиданности я растерялся. От КГБ я ожидал всякой подлости, но такого варианта я не предполагал.

- Ну, что молчишь? - снова обратился ко мне старший камеры.

- Здоров я. Нет у меня ни кожных болезней, ни венерических. Я за КГБ числюсь. Они меня сюда и загнали, чтобы сломить и заставить признать себя виновным.

- Как фамилия?

- Перчаткин.

- На вечерней проверке требуй, чтобы тебя убрали отсюда, иначе подцепишь что-нибудь.

Он развернулся и ушел к своим нарам. Я бросил свой свернутый матрац на пол и сел. Я не сомневался, что это дело рук КГБ. Только что они хотят? Скомпрометировать меня пребыванием в этой камере? Но следствие закончено, и в деле не отмечено в каких камерах я находился. Одно понятно: я

здесь не случайно, и со мной что-то хотят сделать до суда. Неожиданно в памяти всплывает Гелий Снегирев. На пресс-конференции я встретил его здорового. Его здоровье и энергия просто бросались в глаза, и я был ошеломлен, услышав через год известие, что он умер от рака в тюремной больнице, не дожив до суда. Все, кто знал Гелия, не сомневались, что эту заразу ему ввели в организм в тюрьме, чтобы избавиться от неугодного писателя. "КГБ хочет, чтобы я заразился сифилисом в этой камере, - думал я, - А может будут брать анализ крови и заразят меня, а потом шантаж: признай себя виновным, напиши покаяние, вылечим, а не напишешь, опозорим и сгниешь заживо".

Я сидел в этом каменном каземате, наполненном всякой заразой. По грязному полу передо мной пробегали тараканы. Голод, пытки химикатами, изнурительное стояние в стаканах, а теперь еще и это. Мое единственное оружие - молитва и воля, укрепленная силой с неба. Я молюсь и прошу Бога сохранить меня в этой новой напасти дьявола. Вспоминаю слова из Евангелия: "Уверовавших в Меня будут сопровождать знамения, будут наступать на змей и скорпионов, и что смертоносное выпьют, не повредит им". Прошло около часа. Открылась кормушка.

- Перчаткин, без вещей, - крикнул дубак.

Вот и началось, и так быстро. Выхожу из камеры. Передо мной стоит молодой дубак, наверное, новенький.

"Руки назад!" - командует он - и защелкивает мне

наручники, - "приказано доставить тебя в наручниках". Ноги мои становятся непослушными. Я медленно, как на казнь, иду по коридору. Пройдя метров двадцать, дубак шепотом заговорил со мной:

- Я - Игорь. Мои родители баптисты. Я из Ташкента. Учусь на юридическом факультете, обязан два года отработать в системе МВД. За тебя в тюрьме среди администрации ходят невероятные слухи, говорят, что ты шпион, но я с детства знаю, что баптистов считают шпионами. Моего деда тоже судили, как шпиона. Я хочу помочь тебе".

- Чем же ты мне поможешь?

- Могу в выходной день сгонять к твоим родственникам и передать все, что ты скажешь.

У меня промелькнула мысль, что дубак - провокатор. Но мне терять нечего.

- Хорошо, ты сможешь завтра сгонять в Находку?

- Нет, завтра никак не могу, работаю.

- Мне нужно, чтобы ты был там завтра, потом может быть поздно.

- Если нужно так срочно, я сегодня возьму такси и все сделаю, что ты скажешь. Я хорошо помню, что написано, что если кто даст чашу воды, не потеряет награды своей.

- Запоминай, переулок Урицкого 11, район Падь Ободная, таксисты знают. Передай, что меня три раза пытали химикатами, сейчас держат в сифильбаре. Куда ты меня ведешь, и что со мною будет, я не знаю. Я уверен, что меня

хотят заразить какой-нибудь гадостью. Через несколько минут меня завели в кабинет тюремного врача. Врач, женщина, лет тридцати пяти, в военном мундире и накинутом сверху белом халате.

- Садитесь за стол, - приказала она, безразлично взглянув на меня, и, показав на стул напротив себя.

Двое охранников тут же "помогли" мне сесть, крепко надавив мне на плечи. С левой руки сняли наручник, а правую пристегнули сзади к ножке стула. Я сидел, их руки остались у меня на плечах. Я не испытывал страха в тюрьме, но сейчас похолодел. В ногах у меня появилась дрожь. Ведь не зря меня держат за плечи, все заранее подготовлено, все предусмотрено. Сейчас меня заразят сифилисом через кровь, под предлогом взятия анализа крови, а держат меня, чтобы я не оказал физического сопротивления. О, Боже помоги мне.

Я попробовал сесть поудобнее, чтобы не показывать своего волнения, но сильные руки охранников заставили меня остаться в прежнем положении.

- Гражданин Перчаткин, - обратилась ко мне женщина, - у вас обнаружен сифилис в запущенной форме. Вы скрыли о болезни, но анализ крови, взятый у вас при поступлении в следственный изолятор - доказательство. И как только с таким сифилисом у вас не провалился нос, удивляюсь, - добавила она после короткой паузы и приказала: "Левую руку на стол, закатить рукав! Я возьму у вас повторный анализ, а вы подпишите бумагу, что вас предупредили об ответственности

за распространение сифилиса".

Дубаки тут же вытянули мою руку на столе.

Она встала и взяла шприц из шкафа.

Шприц был необычный, тоненький. Таким шприцом кровь не берут.

- Вот так, стараясь быть спокойным, сказал я. Когда же вы обнаружили у меня сифилис, да еще в запущенной форме?

- Я вам уже сказала - при поступлении в следственный изолятор.

А вы хоть знаете, когда я поступил в следственный изолятор? Вас, видно не поставили в известность, что восемь месяцев назад я попал сюда, так что брать у меня анализ крови я не дам, а тем, кто дал вам шприц, передайте, что такими шприцами анализ не берут. Я все равно найду способ передать на волю, обо всем узнают в свободном мире, тогда отвечать придется и вам, ведь вы хотите заразить меня сифилисом. Не так ли? Передайте, что я сгнию, но не буду говорить то, что хотят в КГБ, и никакой вины признавать не буду. Женщина положила шприц на стол.

- Я не верю вам, не верю тому, что вы сейчас наговорили. Я знаю только одно, что вы - опасный уголовник и государственный преступник.

- А мне и не надо верить, запросите мое личное дело, даже не дело, а личную карточку, там все указано. Женщина долго молчала, потом позвонила в спецчасть. Спросила за что я сижу, действительно ли имею связь с Западом. Получив информацию, она задумалась, потом приказала охранникам

выйти из кабинета.

- Не думайте, что я боюсь, КГБ или Запада, просто, по-видимому, произошла какая-то ошибка, и я решила: пока не выясню все, анализ крови брать не буду. Вы пока посидите в камере, я диету вам назначу, только подпишите бумагу, что вас предупредили об ответственности за распространение сифилиса.

- Подписывать я ничего не буду и объявляю голодовку, так что мне ваша диета не нужна. А сейчас я требую отправить меня в обычную камеру.

- Вернуть вас в обычную камеру - не в моей власти, а то, что вы сейчас сказали, я все передам.

Меня снова увели в сифильбар. На следующий день утром меня вызвал подполковник КГБ Быков.

Когда меня ввели в кабинет, он весело засмеялся:

- Ты, что парень, лечиться отказываешься? Врача шантажируешь. Какими связями за границей ты пугаешь? Кончились все твои связи. Все твои дружки, как мыши, сидят тихо, так что забудь обо всем и признавай свою вину. Тебе здесь никто не поможет, кроме нас.

- Ну вот вы и признались, что по вашему указанию меня поместили в сифильбар. Это ваша работа. А мне признаваться не в чем.

Быков резко встал из-за стола, подошел ко мне вплотную и прошипел:

- Не делай нас зверями, Борис Георгиевич, мы - люди. Мы

должны заставить тебя признать вину на суде. У меня приказ из Москвы, я его выполнить должен. - Понял?! Напиши письмо, что ты признаешь себя виновным, и сейчас пойдешь в обычную камеру. Дело твое прокурор передаст на следствие, дашь новые правильные показания и после суда сразу же пойдешь домой. Мы тебя разоружить должны, хотя бы на половину.

Я безучастно смотрел в окно, в окно было видно кусочек неба.

- Подписывать я ничего не буду. Я не виновен.

- Ну что ж, тогда лечить будем.

И снова сифильбар. Я не на минуту не переставал молиться, и ни к чему не прикасался: ни к воде, ни к еде. В камере на меня никто не обращал внимания, там вообще никто ни никого не обращал внимания. Спал я сидя на своем матрасе, прислонившись спиной к стене. Сон был коротким и тревожным. Я был в постоянном ожидании. В любое время может открыться кормушка и дубак крикнет: "Перчаткин, без вещей, на выход!"

Это случилось через два дня. В коридоре меня ждали два дубака: "Руки назад!". На моих руках защелкнулись наручники. Я уже был так истощен физически, что у меня появилось какое-то безразличие, что со мной будет. Значит Игорь - провокатор. Или же действительно, как сказал Быков нет уже никаких связей. Я полагался только на Бога. "Господи, я отдаюсь в Твои руки..." Меня завели в кабинет начальника тюрьмы. В кабинете, кроме начальника тюрьмы,

были Быков и начальник режимной части. Быков встал из-за стола и заорал: "Подлец! Негодяй! Скотина! Когда ты перестанешь пить кровь из нас? Ты опять наклеветал. Какими химикатами тебя здесь пытали? В какой сифильбар тебя поместили? Ты мне, сволочь, за все ответишь! Сейчас пойдешь на следствие. Администрация тюрьмы возбуждает дело на тебя за клевету. Тебе придется ответить за все: и за "стаканы", химикаты и за сифильбар! Будешь следователю все доказывать. Я тебе гарантирую, что ты ничего не докажешь.

У меня стало радостно на душе. Зина передала информацию за границу. Я понял, что Игорь - ответ на мою молитву. Господь не забыл меня. Теперь мне ничего не страшно.

Я мысленно благодарил Господа за все трудности и испытания, которые Он послал мне, за Его любовь, за то, что Он помогал мне и давал силу в этих испытаниях. Господь со мной! Все могу в укрепляющем меня Господе! Обратившись к начальнику тюрьмы, Быков заорал:

- Найти подлеца, которого он обкатал! Они пойдут вдвоем по новому делу. Что у вас здесь за дубаки! Проверить всех, кто с ним контактил!

- Трудно установить, мы не фиксируем, кто кого куда водит, только дежурных по коридору мы можем проконтролировать - робко отвечал начальник режима. Найти! Найти! Найти! - орал

Быков, - вы понимаете, что вы наделали? Теперь ваша тюрьма на весь мир известна. Фиксировать всех дубаков, которые будут подходить к его камере!

Начальник тюрьмы, приказал начальнику режима, чтобы начальник корпуса лично контролировал всех дежурных там, где я буду находиться.

- Начальник корпуса! Дежурный по коридору! Все вы дубаки! Правильно вас уголовнички называют, - с издевкой кричал Быков. - Если бы был начальник корпуса и дежурные по коридору, такого бы не случилось.

Глава 23 Новое следствие

Меня поместили в "стакан". Как потом я определил, меня продержали там около 20 часов. Мне казалось, что я сою в "стакане" вечность. Я потерял ориентир во времени. Я ощущал, как у меня отекают ноги. Сначала у меня болели ступни ног, а потом я их вообще перестал ощущать. Мне казалось, что ноги мои стали ватными.

Наконец, открылась дверь. Я сделал шаг и чуть не упал. Я не ощущал своих ног. "Дубак" подставил мне какой-то стул. Я в изнеможении сел. "Дубак" знал, какой будет результат от такого времени. Я сидел и растирал ноги.

"Перчаткин - на следствие!" Только сейчас я обнаружил знакомый конвой КГБ. "Руки назад, за спину! Шаг вправо, шаг

влево - стреляю без предупреждения!". Попробуй пройди на таких ногах без шага вправо и влево.

Подходим к машине. Старик действительно держал в руке пистолет. И вот я снова в кабинете следователя. Допрашивает подполковник Кузьмин:

- Мне поручено провести следствие по твоему новому уголовному делу. Вот видишь, еще старое дело не закрыли, а уже новое начали. И ты уже рецидивист.

Он обеими руками подпер свою голову и долго смотрел на меня.

- Ну чего ты добился? На кого ты похож стал? Тебя сейчас и мать родная не узнает. Чего ты мучаешь и себя и семью, и нас? Ты что думаешь мне приятно допрашивать тебя в таком состоянии? В герои захотел угодить? Так твои же братья на тебя плюются. Политик ты для них. И уясни себе одно: ты должен быть виновным. Власть всегда права. Мы знаем про себя, что по-своему ты прав. Но не лезь в герои, пока тебя не позовут. Нос по ветру держать надо Борис Георгиевич. Поучись у своих старейшин. А ваши старшие есть ох и умные и догадливые. А недогадливые отсюда не вылазят. Как Винс, Федотов. Ну а теперь докажи мне, что там за сифильбар, в который тебя сажали? Как тебя хотели заразить? Как тебя химикатами пытали? С какого стакана ты сейчас пришел? Доказывай, свидетелей приводи, а я смеяться приготовился.

- Я вам ничего здесь доказывать не буду. Я обо всем расскажу на суде.

- Ох, напугал! А мы суд сделаем закрытым.

- Если у вас все законно, то почему вы боитесь открытого суда?
- Значит, ты давать показания отказываешься?
- Я еще раз повторяю, что обо всем буду говорить на суде.

Кузьмин покрутил головой и стал растирать себе виски пальцами.

Загубили тебя сектанты, тебе бы у нас работать. А Патрушеву этому падле я бы сейчас "каберне" сделал собственноручно, вместо тебя. Я его личное дело читал и знаю, что это за "волчара".

- Но ты не думай, что я изверг. Я никогда не вел такого дела как у тебя. Я допрашивал диверсантов, контрабандистов и валютчиков. С теми все понятно. А с твоим делом, откровенно говоря, грех на душу взял. После допроса меня поместили в обычную камеру. В камере было человек 50. Моя фамилия уже была известна во всех камерах. Мне уступили место на нижних нарах. От усталости я едва держался на ногах. Сразу лег на нары и моментально уснул. Проснулся от какого-то шума. Открыл глаза, смотрю. Посреди камеры стоят двое заключенных одетые в юбки сделанные из простыней. На головах короны из обложек журналов. У них были грустные глаза, но они громко орали: "Ох не даром славится русская красавица...". Потом на "сцену" выскочили четверо заключенных в майках и трусах. "Лебединое озеро". "Танец маленьких лебедей" объявил один из них, - и они, взявшись за руки, сами напевая мелодию принялись танцевать, выставляя вперед свои

волосатые, все в наколках ноги. - Может, я нахожусь в камере сумасшедших? Сосед по нарам увидел, что я проснулся и удивленно смотрю на происходящее. "Петухи концерт дают" - засмеялся он. "Концерт" закончился перед самым ужином. Во время ужина ко мне подсел один заключенный дал мне яблоко и стал рассказывать: "Меня перевели с общей хаты, там тоже один баптист сидит, пацан молодой. У него родственники за границей есть. Кажется, его дядька в Америке на радиостанции работает, ведет передачи на Союз. Зовут Толик, а фамилию не помню. Дубаки сильно издеваются над ним".

Я понял, что речь идет о Толике Кабинове. А дядька его - Евгений Бресенден, в свое время отсидел три года и в 1975 году выехал в Америку. Со слов дипломатов я знал, что он занимается нашим вопросом в Америке. Конгрессмены и дипломаты не раз говорили мне, что в Америке у нас слабая поддержка. Единственный человек, который серьезно беспокоится о нас и стучится во все двери - Евгений Бресенден. А КГБ искал способ остановить работу Бресендена в нашу поддержку и вот теперь, кажется, они нашли способ - взяли племянника. Раньше они пытались остановить работу Бресендена другим способом. Из Советского Союза в общественные и религиозные организации США было направлено письмо, подписанное несколькими людьми, выдававших себя за пятидесятников, добивающихся выезда. В письме утверждалось, что Бресенден

на самом деле не является представителем пятидесятников, что он был трижды отлучен от церкви и никто Бресендену не доверяет. Я в свое время писал по этому поводу опровержение.

Теперь Толик сидит в камере 167. Когда нас выводят на прогулку, мы проходим мимо 167-й. В одну из прогулок я выбрал момент, когда мне удалось подбежать к двери 167-й. Я успел, прежде чем меня схватили открыть кормушку, бросить яблоко и прокричать: "Толик Кабинов - держись!". Я увидел, как он подбежал к двери. За такую дерзость я был наказан стоянием в "стакане".

Глава 24 Адвокат

Прошло еще несколько дней. После утренней проверки в камеру вошел дубак и объявил: "Перчаткин - на выход, к адвокату!". Меня завели в комнату для адвокатов. Там уже сидел мой адвокат.

- Здравствуйте. Меня зовут Борис Дмитриевич Догот. Я ваш адвокат. Я знаю, что вы не доверяете советским адвокатам, но вот вам письмо от жены. Я прочитал письмо. Зина писала, что с трудом нашла адвоката, который согласился защищать меня, и чтобы я ни в коем случае не отказывался.

- Вы представляете на что вы идете? Если вы будете честно защищать меня, вашей карьере конец, а если просто числиться

адвокатом на суде, то зачем мне вообще адвокат?

- Вы правы, но я не карьерист.

Он встал из-за стола, оперся на костыль, выставив вперед правую ногу.

- Посмотрите, у меня протез.

Три года назад мне ампутировали правую ногу. Сейчас мне предлагают ампутировать и левую ногу. Жить мне осталось очень мало. Я 15 лет проработал начальником следственного отдела. Насмотрелся я там всякого, совесть меня мучает. Вашим делом я хочу хоть частично искупить свою вину. Я уже говорил вашей жене и вам говорю: "Я буду защищать вас честно, поверьте мне". Признаться не верил я адвокату, но не отказался, не хотел огорчить Зину.

В течение недели, я встречался с адвокатом каждый день. На второй день он написал на бумаге: "Вчера меня вызывали в КГБ, меня заставляют писать отчеты, все о чем мы говорим и какой позиции будем придерживаться на суде по каждому пункту обвинения. Помещение прослушивается, так что все овчем ты не хочешь, чтобы знало КГБ - пиши не бумаге. Я буду писать отчеты только о том, о чем мы будем говорить вслух".

Мы вместе знакомились с делом. Адвокат возмущался, как велось следствие.

Как в сталинские времена, - писал он, - тебя обвиняют в том, что подумал, что сказал, с кем был знаком. Я понимаю, что с КГБ бесполезно состязаться, они всегда будут правы, и судья

будет действовать по их инструкции, но все-таки мы должны искать зацепку и разоблачать их. Они усиленно старались искать людей, которые могли дать показания против вас. Я обнаружил, что в деле вырвано несколько листов, но я не могу говорить об этом, они сразу под любым предлогом уберут меня и поставят другого адвоката. Напишите в суд заявление и требуйте объяснения, кто вырвал листы и какие листы".

Я сразу понял, что за листы пропали. Что в КГБ побоялись, что в суде меня будут допрашивать по поводу "стаканов", химикатов и сифильбара, что им придется обо всем рассказать. Эти обвинения сняли, и листы из дела вырвали. Второе: "Еще, они строят свои обвинения против тебя на основании передач "Голоса Америки", "Свобода", а также на основании некоторых публикаций заграницей. Ты должен написать официальное заявление судье и вручить его на суде. Этим ты загонишь в тупик и советскую пропаганду и действия КГБ. Советская пропаганда утверждает, что Западные средства массовой информации лживые, что всю информацию, которая поступает к ним из СССР, они перерабатывают и выдают в своих интересах. Советская пропаганда убеждает не верить ни "Голосу Америке" ни каким либо другим средствам массовой информации Запада. В деле у тебя больше половины обвинений построены на сообщениях зарубежных средств массовой информации.

Получается так, что для КГБ Западные средства массовой информации являются правдивыми и авторитетными,

настолько, что них можно строить уголовные обвинения. Это для них тупик. Требуйте, чтобы судья просил следователей КГБ, чтобы они представили доказательства на каком основании суд может верить буржуазной пропаганде. очень хорошо, что ты не отвечал на их вопросы и ничего не подписывал. У них нет оружия - твоих слов, которыми они могли бы прикрыться. Задай вопрос "Кто лжет - западная пропаганда или следователи КГБ?". Всю неделю я проводил с адвокатом по 8-10 часов, изучая дело и готовясь к защите.

И вот на 22 января назначили суд, но по каким-то причинам его отложили на 2 февраля, а 2 февраля снова отложили на 18 марта.

"Ваш вопрос стоит на Мадридском совещании. КГБ не знает, что с вами делать. Дать срок, который они хотят - скандал, отпустить - позор для них. Сейчас в Москве решают, что с вами делать, тем более, что организация Международная амнистия добивается прислать на суд своих адвокатов. Я думаю, что отпустить вас они уже не отпустят, но и большой срок не дадут" - написал мне адвокат.

Глава 25 Суд

18 марта начался судебный процесс. В здании краевого суда города Владивостока собрались почти все члены Находкинской и Владивостокской общин пятидесятников. На

меня наставили камеры телевидения. КГБ ожидал момент, когда я проявлю слабость, чтобы отснять меня, но такого момента им не представилось.

Шестнадцать дней шел судебный процесс. Семь томов по триста страниц были подготовлены следователем чтобы обвинить меня.

Пятьдесят свидетелей были приглашены в суд и опрошены и только двое дали показания против меня. Во время следствия еще двое дали показания против, которые я читал во время ознакомления с делом, но которые не зачитывали на суде. Остальные свидетели подтверждали мои документы о преследованиях верующих в СССР. Все подтверждали достоверность сведений, которые я передал за границу и утверждали, что в них нет никакой клеветы.

Особенно смелые ответы в мою защиту, которые запомнились мне дали Анатолий Жеребилов, Виктор Бабич, Владимир Степанов, Любовь Чуприна и Анна Чуприна.

Виктор Бабич так отвечал на вопросы прокурора что я боялся, что его арестуют прямо в зале суда за антисоветскую пропаганду.

Имена тех, кто дал показания против меня, я называть не буду - они сами узнают себя в этой книге. Я вообще не хотел описывать негативные стороны, потому что человеку в жизни предоставляется иногда редкая возможность стоять прямо и кто не пользуется такой возможностью, потом сожалеют. Упомянув имена тех, кто не смог устоять. Я не хочу еще

наносить им раны, так как уверен, что они и так давно сами себя осудили.

Судья Михайлюков действовал таким же методом, что и следователь Истомин. Уходя на обед в ресторан, он приказывал закрывать меня в камере, в подвале здания суда. Адвокат приносил мне бутерброды. Он знал, что я только утром успевал поесть баланду. Через три дня конвоир заметил, что адвокат передает мне еду и сообщил судье. Судья приказал увозить меня в тюрьму и там меня голодного запирали в стакане.

Адвокат защищал меня блестяще. Процесс оборачивался поражением советского правосудия. Все были уверены, что меня отпустят домой, сомневался только адвокат: "Уж если дошло дело до суда то хоть полгода, но присудят. КГБ никогда не признает себя неправым". Меня отвели в камеру, а часа через четыре снова привезли в зал суда.

"Прошу встать, суд идет"! объявила секретарь. Зал замер в ожидании. Судья начал зачитывать приговор.

"Именем Российской Советской Социалистической Республики, 3 апреля 1981 года, судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда, в составе: председательствующего Михайлюкова, народных заседателей Король и Коробеева, при секретаре Белоцерковец, с участием государственного обвинителя - прокурора Лебедева, адвоката Догот рассмотрела в судебном заседании дело 2-13, по обвинению Перчаткина Бориса Георгиевича...

Зал не шевелился. Судья, не глядя в зал, зачитывал приговор. Я смотрел на Зину. Она была бледная. Она все надеялась, что меня отпустят, но я знал, этого не допустит КГБ. Я знал, что когда адвокат говорил, что хоть полгода, но присудят, он имел ввиду полгода лагеря, но я и не надеялся на такой "детский" срок.

КГБ обвинял меня по двум статьям. Я не ожидал, что адвокату удастся переквалифицировать дело со 70-й на 190 статью. Это была большая победа, поскольку максимальный срок лишения свободы по 190 статье был 3 года, а не 7. В какое-то время я даже поверил в полугодовой срок.

Подсудимый Перчаткин, - читал судья, - являясь одним из руководителей сектантов - пятидесятников в городе Находка, Приморского края, а с 1980 года секретарем, так называемого, Совета церквей евангельских христиан пятидесятников в СССР, с 1976 года стал активно участвовать в мероприятиях, направленных на организацию массового выезда пятидесятников из Советского Союза в капиталистические страны. Он систематически выезжал из Находки в другие районы страны, встречался со своими единомышленниками, отщепенцами из числа, так называемых, диссидентов, а также с иностранными дипломатами, корреспондентами и другими представителями капиталистических стран, которым в устной и письменной форме передавал тенденциозную и клеветническую информацию о положении пятидесятников в СССР.

Лично сам и со своими единомышленниками изготавлял,

подписывал и распространял в адреса международных организаций и зарубежных деятелей обращения, заявления и письма, в которых содержались клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Конкретно Перчаткин виновен в совершении следующих преступлений:

В 1976 году, подсудимый Перчаткин от своего имени и от имени членов своей семьи изготовил и распространил обращение во Всемирный совет церквей, в ООН и главам государств, подписавших Хельсинские соглашения, в котором клеветнически утверждалось о постоянных преследованиях верующих в СССР.

В 1977 году, в городе Находка, подсудимый Перчаткин изготовил заявление, адресованное в так называемый Комитет по защите прав верующих, в котором указал, что с 1975 года встал на открытую защиту своих единоверцев...

В марте 1977 года, подсудимый Перчаткин, будучи в Москве на квартире своего единомышленника Полещука А.А., выехавшего в 1977 году на постоянное место жительства за границу, ознакомился с изготовленным последним текстом обращения "К христианам мира", согласился с его содержанием и подписал.

10 сентября 1977 года, подсудимый Перчаткин, совместно со своими единомышленниками - жителями города Находка Патрушевым В.Ф. и города Владивостока Пименовым М.И. - направил письмо в адрес участников Белградской встречи

европейских государств, подписавших Хельсинские соглашения.

23 сентября 1977 года, Перчаткин принял участие в, так называемой, пресс-конференции, состоявшейся в Москве для иностранных корреспондентов, где совместно со своим единомышленником Степановым докладывал о положении верующих.

Весной 1978 года, в Москве подсудимый Перчаткин дал согласие на изготовление и распространение клеветнического обращения по поводу ареста члена, так называемой, Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений Юрия Орлова с включением его фамилии, как подписавшего документ. В обращении содержится призыв к мировой общественности выступить в защиту Юрия Орлова, в защиту свободы мысли, слова, информации, в защиту прав человека.

В декабре 1978 года, в Москве подсудимый Перчаткин подписал обращение, озаглавленное "30 лет Всеобщей декларации прав человека", в котором содержатся ложные измышления о том, что в СССР нарушаются многие важные статьи Всеобщей декларации прав человека - свобода убеждений и свобода получать и распространять информацию, свобода религии, право на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны, гласность и справедливость суда, свобода агитации, а также клеветнически утверждается, что в нашей стране имеют место преследования верующих всех церквей, психиатрические

репрессии по политическим мотивам, принудительный труд в местах заключения, дискриминация в образовании и в труде по религиозным мотивам.

20 декабря 1978 года, Перчаткин принял участие в изготовлении и пытался через Находкинский почтамт направить телеграмму президенту США, в котором содержалось одобрение деятельности президента в его усилиях в защиту прав человека, а также провокационный призыв к нему и американскому народу совершить молитву за тех, кто не имеет свободы вероисповедания.

В конце 1979 года, Перчаткин изготовил заявление "В Конгресс и правительству США, правительствам Канады, Австралии, Англии, ФРГ, Франции и Италии", в котором содержатся заведомо ложные измышления о советской действительности, искажаются программные положения КПСС по вопросам религии в СССР и советское законодательство о религиозных культах...

Судья перечислил все изготовленные мною обращения, заявления, письма и продолжал:

Подсудимый заявил, что не считает изготовленные им документы клеветническими и искажающими советскую действительность, как и те документы, где он значится как подписавший их, поскольку в них, якобы отражены действительные события и факты, и потому виновным себя не считает.

Проверив материалы дела и исследовав доказательства, судебная коллегия находит, что предъявленное Перчаткину

обвинение нашло подтверждение в судебном заседании и Перчаткин Борис Георгиевич виновен в совершенных преступлениях.

На основании изложенного, судебная коллегия находит, что действия Перчаткина правильно квалифицировались по статье 190, часть 1, Уголовного Кодекса РСФСР.

При назначении наказания Перчаткину судебная коллегия учитывает, что свою преступную деятельность подсудимый продолжал длительное время, несмотря на сделанное ему официальными органами предупреждение о прекращении такой противоправной деятельности.

Вместе с тем коллегия учитывает конкретные обстоятельства совершения им преступлений и данные о личности Перчаткина, который ранее не судим, имеет на иждивении шестерых малолетних детей.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 301-303 и 312 Уголовного Кодекса РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда приговорила:

Перчаткина Бориса Георгиевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 190, часть 1 Уголовного Кодекса РСФСР и назначить ему наказание - два года лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Никому, даже Зине не разрешили подойти ко мне. Меня повели из зала суда. Друзья бросали мне букеты цветов. Я шел,

и к моим ногам падали красные тюльпаны. Один букет я поймал, понюхал и протянул руку, чтобы передать Зине. Зина протянула свою руку. Я дотянулся, коснулся ее руки и передал цветы.

Я подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР. Верховный суд оставил мою жалобу без удовлетворения и утвердил приговор.

После утверждения приговора меня еже полгода держали во Владивостокской тюрьме, где я каждый день ждал отправки в лагерь.

Глава 26 Круги ада

8 октября, сразу после проверки, дубак открыл кормушку и крикнул: "Перчаткин - с вещами!".

Я собрал свои вещи в тюремный мешок. "Наконец-то я покидаю эти тюремные стены, - думал я, - в лагере хоть воздухом свежим дышать буду".

- Давайте сядем, посидим по русскому обычаю перед твоей дорогой, - глядя на меня сказал старый заключенный. Мы все сели, несколько минут молчали.

- Дай Бог, чтобы тебя направили в ближайший лагерь, чтобы далеко не гнали, - снова заговорил заключенный, - Этап, самый страшный и опасный период в жизни заключенного. Конвой на этапе ни за что не отвечает, в том числе и за жизнь.

Он должен живого, мертвого или искалеченного, сдать тебя следующей тюрьме. Главное, доставить и сдать. Если хочешь остаться живым, забудь о своем человеческом достоинстве. Бывает так: гонят этап, загонят в грязь и дают команду: "Ложись!". И через несколько минут с автоматов бьют. Кто не захотел упасть в грязь, навечно лягут там. Гордых конвоиры не любят. Пристрелят, а в деле напишут: "Убит при попытке к бегству". На это у них есть право, и это никто не расследует. Хоть сто заключенных скажут: "Да", а конвоир скажет: "Нет", прокурор поверит конвоиру. Так что будь осторожен, чтобы тебя не пристрелили в дороге.

Через несколько минут меня уже ввели в этапную камеру. Там было уже человек двадцать. Этапная камера была большая. В ней не было ни нар, ни скамеек. Эту камеру называют отстойник. В течение часа туда привели еще человек сорок. Через некоторое время открылась кормушка.

- Получайте паек на этап! - объявил дубак.

Заключенные выстроились в очередь. Каждый подходил к кормушке и называл свою фамилию. Пакет состоял из половины булки хлеба, одной стограммовой банки рыбных консервов и десяти граммов сахара. В полночь нас обыскали и повели в тюремный двор, где уже ожидали тюремные машины, воронки. Нас стали загонять в воронки. Загнали по столько, что невозможно было повернуться. Кто какую позу принял, в такой и оставался. Легче было тем, кто был невысокого роста, а я со своим ростом, стоял, согнув голову вперед и на бок. Нас

привезли на железнодорожную станцию. Воронок остановился. Послышался лай собак. Через несколько минут открылась дверь воронка, и в проем двери ударил ослепительный свет прожектора.

- По моей команде, по одному бегом! Любое отклонение считаю - побег. Конвой стреляет без предупреждения. Бежать без остановки. Первый! - услышал я крик начальника конвоя.

Собаки залаяли еще свирепее.

- Первый, первый, первый, первый, - как эхо прокатилось дальше. Это уже кричали другие конвоиры. Через полминуты послышалась команда: "Второй!". И опять под бешеный лай собак покатило эхо: "Второй, второй, второй!".

Минут через десять дошла очередь до меня. Я стоял перед выходом из воронка. Свет прожектора бил мне в лицо, а в грудь упирался ствол автомата конвоира. Ствол автомата резко подпрыгнул вверх и раздалась команда: "Двадцать третий!". Я лихорадочно соображал, куда бежать, чтобы по ошибке побежать не туда и не получить пулю в спину.

Я спрыгнул на землю и увидел справа и слева солдат с собаками. Я побежал между ними. Свет прожектора слепил глаза, и я плохо видел, куда бегу. Теперь была одна мысль: как бы не спотыкнуться и не упасть. А вслед несло: "Двадцать третий, двадцать третий". Это кричали конвоиры, мимо которых я пробегал. Я различал только солдатские сапоги и оскаленные морды собак. Пробежав метров десять, я чуть ли

не упал, наткнувшись на тюремный вагон. Здесь свет прожектора уже не бил в глаза, но я, ослепленный этим светом, плохо различал предметы впереди.

Я замешкался у входа в вагон, так как ступенька была высоко. Пока я шарил в воздухе ногой, ища ступеньку, солдат, который стоял около вагона, бил меня прикладом автомата по спине. Это продолжалось несколько секунд. Я быстро оказался в вагоне. Теперь куда бежать? Передо мной солдат с деревянным молотком в руке. Молоток он держит над головой, чтобы нанести удар. Увертываясь от удара молотком, я бегу дальше по узкому проходу в вагоне. По коридору стоят еще три солдата без автоматов, но все с деревянными молотками. Они стоят в трех-четыре метрах друг от друга, каждый кричит: "Двадцать третий!", и каждый норовит ударить молотком. Не хочешь получить удар - увертывайся. Наконец справа секция с открытой железной решеткой. Я залетел в нее. В эту секцию один за другим, стали забегать заключенные. По размерам эта секция была такая же, как купе в обычном пассажирском вагоне, на четыре человека. А нас забили туда пятнадцать человек. Первые, кто забежал, успели сесть на сидения внизу. Сели восемь человек. Несколько человек залезли на второй ярус. Я тоже залез на второй ярус. Троим сидеть было негде, и они сели на пол.

На нас не обращали внимания, забивали другие секции. Когда загнали весь этап, по коридору провели заключенного.

Он не бежал, как все. Его вели охранники. Лицо у него было безразличное ко всему. Он не обращал внимания ни на что и ни на кого. На вид ему было не больше двадцати пяти лет. Он был очень бледен. Одет он был в полосатую одежду. "Смертник", - подумал я. И это подтвердилось. Его действительно гнали на расстрел в Новосибирск.

Вагон стоял в тупике несколько часов, и только под утро его подцепили к какому-то составу. Поезд медленно двигался по Уссурийской равнине, часто останавливался, долго стоял на станциях. На какой-то станции загоняли еще этап. Это были женщины.

День клонился к вечеру. Заключение в нашей секции нервничали, ругались, просили у дежурного конвоира, кто воды, кто просился в туалет. Некоторые, кто сильно хотел в туалет, стали материться и обзывать конвоира. А конвоир ходил невозмутимый, ни на кого не обращая внимания. Вагон гудел, как пчелиный улей. Заключение стали стучать в стальные решетки. Прибежал начальник конвоя.

- Успокойтесь, успокойтесь, что вы, как звери разбушевались в своих клетках? Вот, когда будете вести себя хорошо и спокойно, как люди, тогда и в туалет сводим, и воды дадим.

Один заключенный из нашей секции не выдержал:

- Как спокойно вести себя? - закричал он, - Я уже не могу. Я вот сейчас здесь, в секции в туалет схожу. Начальник конвоя был невозмутим.

- Ну, давай, - ответил он, - И вам же нюхать придется. Жрете вы без меры, вон какие рожи отъели, что в решетку не пролезаете, а потом туалет засоряете.

Он ушел. Минут через пять пришли четыре конвоира и стали выводить из секций в туалет. Дошла очередь до нашей секции. Конвоиры открыли решетчатую дверь.

- По одному! Лицом к стене! Разворот кругом через правое плечо! Вперед! На все - тридцать секунд!

У входа в туалет стоит конвоир с деревянным молотком, на поясе пистолет. Он смотрит за каждым, кто заходит в туалет, и все подгоняет, стоя прямо рядом: "Быстрее! Быстрее!".

Потом дали воду. Так трое суток мы добирались до Хабаровска.

Глава 27 Хабаровская тюрьма

В Хабаровск прибыли ночью. Опять то же самое: ночь, свет прожектора в лицо, узкий проход из солдат с собаками, и, наконец, тюрьма.

Каждая тюрьма имеет свое лицо. Лицо Владивостокской тюрьмы - стаканы и каберне. Хабаровская тюрьма отличается грязью, страшными антисанитарными условиями. Если во Владивостокской тюрьме было несколько камер клоповников, в других камерах их было немного, то хабаровская тюрьма, сплошной клоповник. В хабаровской тюрьме я провел

несколько дней. Не думал я тогда, что через два года мне снова придется здесь быть.

Через несколько дней снова этап. Заключенных, с которыми я ехал из Владивостока, в этом этапе было очень мало. Они, в основном, остались в хабаровской тюрьме, а оттуда, в лагеря Хабаровского края. Меня погнали дальше. Сколько будут гнать и куда, узнать не у кого. Опять черный, кислый, сухой хлеб, банка рыбных консервов и десять граммов сахара на сутки. Ужасно хочется есть. Постоянный сильный голод и страшная усталость в теле. Этап кажется бесконечным.

Глава 28 Иркутская тюрьма

Через четверо суток, и опять почему-то ночью, мы оказываемся в иркутской тюрьме. По подземным переходам нас завели в большой подземный зал. Вдоль стен стояли человек пятнадцать солдат с автоматами. Некоторые были с собаками. Нас построили. Все были ужасно усталые. С левого края в передний ряд поставили несколько женщин. Одна из них была с грудным ребенком. Мы стояли в окружении солдат и собак больше часа. Наконец, появился майор с повязкой дежурного помощника тюрьмы. На плече у него была большая резиновая дубинка. Майор был явно пьян.

- Вы попали в иркутскую тюрьму! Это вам, не что-нибудь! Наша тюрьма знаменита своей историей. Здесь в 117-ой камере сидел генерал Колчак. Здесь его расстреляли, - сообщил пьяный майор, - А еще предупреждаю, - продолжал он, - за нарушение режима содержания, за неподчинение администрации, первое: получите вот это, - он поднял свою дубинку, сделал выпад вперед и обрушил удар на кого-то в первом ряду. Заключенный молча упал на бетонный пол, - Второе - это, - он достал газовый баллон и стал трясти им перед лицами заключенных первого ряда, - И третье, - он показал на двух огромных псов, которых держали дубаки на выходе.

- Ну, вот и познакомились, а теперь - за дело. Сейчас проверю вас по документам, а там - в баню и по камерам. Есть какие вопросы?

Женщина с ребенком попросила разрешение на вопрос.

- Разрешаю, - сказал майор, - спрашивай.

- У меня ребенок грудной, а мне на этапе дают один хлеб и рыбу, да десять граммов сахара на сутки. Мне нечем ребенка кормить. Дайте мне молока. Я же знаю, положено кормящим матерям молоко давать. Еще один такой этап, и я лишусь ребёнка.

- Эй, женщина, тебя сюда никто не звал. Не надо делать преступления, если думаешь ребенка рожать. Или ты думаешь, что родишь и не посадят? Нет, нас этим не запугать. Мы, коммунисты, народ крепкий.

А ребенок попискивал в грязных, давно не стиранных пеленках. Женщина прижала этот дорогой комочек к лицу и заплакала.

- Да что уж, она такая преступница? Проторговалась она. Рожать к матери поехала, а ее арестовали. Дайте ей молока. Ребенок причем? - сказала одна из женщин.

- Ничего, сама виновата, что проторговалась. Заключенные загудели. Из задних рядов стали выкрикивать всякие оскорбления в адрес коммунистов, и даже стали угрожать майору расправиться с ним после освобождения. Майор дал команду солдатам. Солдаты направили стволы автоматов на толпу заключенных. С собак стали снимать намордники. А напротив женщины с ребенком стоял и вытирал слезы молоденький солдатик. Автомат его болтался на плече и выглядел нелепо, и сам солдатик выглядел, как не от мира сего в этих кругах ада. Майор сразу исчез. На его место явились дубаки с дубинками и молча, безо всяких эмоций, как пастух гонит стадо, погнали нас дубинками в баню. Баня тоже была под землей.

- Раньше здесь был зал для расстрелов, - поведал мне один из заключенных.

Баня была неплохая. Зал большой, душевых много, вода достаточно горячая. Я стал под душем и не переставал думать о матери с ребенком. Перед моими глазами стояла Зина с крохотной дочуркой. Минут через десять у меня появилось головокружение и тошнота. Я стал медленно садиться на пол. Перед моими глазами появился какой-то туман, потом все

погрузилось в полумрак, но сознание мое работало.

- Зачем свет выключили? - прошептал я.

- Человеку плохо, - крикнул кто-то рядом, - Включите холодную воду.

Очнулся я под струями холодной воды. Надо мной склонился страшно худой человек. Он был похож на узников фашистских концлагерей смерти, которых я видел в документальных фильмах, но это был узник коммунистических тюрем конца 1981 года. Хотя я сам был страшно худой, но, по сравнению с ним, я был атлетом.

- Что, браток, в камерах много отсидел, а теперь по этапам гонят? В таком состоянии горячей водой не мойся и долго под душем не стой. Ополоснулся немного, сядь, посиди. Сейчас подняться сможешь?

Я уже был в состоянии встать. Он пригласил меня сесть на бетонную тумбу.

- Я уже пятый год по тюрьмам и по этапам скитаюсь, а суда до сих пор не было.

- А за что тебя так? - поинтересовался я.

- Геолог я. Алмаз нашел крупный в Якутии. Думаю, зачем он будет коммунистам доставаться. Решил я его продать. Крупный он был очень. Покупателя на такой найти невозможно здесь в Союзе. Распилил я его на четыре части. Три части в разных местах спрятал, а одну часть стал продавать. На специалиста наскочил. Тот понял, что алмаз распилен. Стал меня шантажировать, чтобы я ему весь алмаз продал, а цену давал

очень маленькую. Я отказался. Он тут же меня и сдал. А теперь меня таскают уже пятый год, заставляют сказать, где остальные части алмаза, и где я его нашел. Меня злость взяла, понимаешь, и чем больше я сижу здесь, чем больше чахну, тем крепче становлюсь, чтобы им ничего не сказать. А они, дураки, этого не понимают. Гоняют меня то в Якутию, то в Москву. Пусть сгноят меня, но я им ничего не скажу.

После бани стали выдавать матрацы. Почему-то одним давали, другим нет. Мне матраца не дали, а моему новому знакомому выдали матрац.

- Долго тебя здесь не задержат, раз не выдали матрац, - сказал он мне, и взял свой матрац, - Было видно, что ему тяжело его держать. Браток, может поможешь мне матрац дотащить, а то у меня нет сил его нести. Я слышал раньше, но мало верил, что людей в тюрьмах доводят до того, что они не в состоянии нести свой матрац, что у них едва хватает сил передвигать свое тело. Теперь я сам увидел это. Я помог. Попал я в камеру номер 35. Камера была с очень высоким потолком, но узкая, как коридор. От одного конца до другого, поперек камеры были сплошные двухъярусные нары. Под потолком было маленькое решетчатое окно, закрытое, как обычно, жалюзи. Окно было так высоко, что, встав на второй ярус нар, с трудом можно было дотянуться до него. Странная постройка. Наступило утро. Убийственная усталость валила с ног. На первом ярусе не было ни одного матраца. Я хотел лечь туда.

- Ложись на второй ярус, - предупредил меня кто-то, - там

свет, и клопы не так кусают. Я так и сделал. Через несколько минут я уже спал. Меня разбудили на обед. Я удивился, баланда была съедобная. Для человека с воли, может быть, это было отвратительное варево, но я уже почти не помнил вкуса настоящего супа. "Съесть такую баланду сразу, - рассуждал я, - просто преступление", и я ел ее маленькими глотками, не спеша проглотить. После обеда я перезнакомился с заключенными. Я обратил внимание на одного заключенного, который ни с кем не общался. В нем было что-то необычное. Выражение лица у него было всегда одинаковое, без всяких эмоций. Правая рука у него была без четырех пальцев, только с одним, и то он был какой-то скрюченный. На вид ему было около тридцати лет. Я смотрел на него. Он сидел на корточках, и, не скрывая, варил чай. Каким-то чутьем он понял, что я за ним наблюдаю, повернулся ко мне.

- Хочешь поговорить? Иди сюда.

Взгляд его и голос имели свойство притягивать, обращать внимание. Я подошел, присел рядом.

- Откуда идешь? - спросил он.

- Из Владивостокской тюрьмы.

- Как звать?

- Борис.

- Перчаткин что ли?

- Да. А откуда ты знаешь?

- Я тоже из Владивостокской тюрьмы. За тебя там по всем хатам слухи ходят, да и по твоему обличью вижу, и внутренний

голос подсказывает, кто ты. Расскажи мне немного о твоей вере.

Я коротко рассказал ему о христианстве, о действиях Святого Духа. Когда я рассказывал, понял, что с этим человеком творится что-то неладное. Когда он посмотрел на меня после моего рассказа, его глаза из серых превратились в карие, потом, в черные. В них блуждал какой-то сатанинский блеск.

- Я хочу рассказать тебе свою историю, - сказал он мне, - может ты чем поможешь.

Вдруг он резко оглянулся. Сзади нас стоял какой-то заключенный азиатского происхождения. Он глянул ему в глаза. Азиата как будто током ударило. Он развернулся и залетел на второй ярус нар, хотя ему никто ничего даже не сказал.

- Так вот, - обратился он снова ко мне, - я, сатанист.

- Я уже встречал одного сатаниста на следствии, - сказал я.

- Знаю, что встречал.

- А как же ты очутился здесь? - спросил я, - Система сатанинская, и ты служишь ей.

- Это, вопрос другой, я хочу с тобой об этом поговорить. Дело было так: лет шесть назад я взрывчаткой глушил рыбу. Знаешь, кинешь динамит в воду, он рванет там и от гидравлического удара вся рыба всплывает пузом вверх. Но в тот раз, я что-то напутал. Заряд рванул у меня в руках. Видишь пальцы оторвало, но основной заряд пошел в живот. Очнулся

я в больнице, в палате для безнадежных. Только очнулся, понял, что дела мои - дрянь. Молится начал. Мать у меня была адвентисткой. В детстве она нам Библию читала, за это отец ее колотил здорово. Молюсь я, сознание теряю, прихожу в себя, снова молюсь.

...Мне все хуже и хуже. Не приходит мне Бог на помощь, а умирать не хочется. Отчаялся я, стал молиться сатане: "Если ты есть, то хоть ты помоги мне". Только я так сказал, как укол морфия получил, боль отошла, я уснул. Просыпаюсь, смотрю в окно - ночь. Через некоторое время дверь открылась. Вошел врач. Сам небольшого роста, худощавый. Лицо худое, аскетическое. Прическа короткая, ежиком. "Только почему без белого халата?" - промелькнуло у меня в мыслях. Подошел ко мне. Глаза темные, наглые.

- Ты меня звал, вот я и пришел, - сказал он мне.

Я ничего не мог понять: кого я звал, кто пришел? Он мысли мои прочитал.

- Кого звал, тот и пришел. Помочь тебе пришел. "Неужели сатана?", - пронзила меня мысль, и пот прошиб по всему телу. "А где же рога, где хвост?", - думал я, представляя его. Он опять прочитал мои мысли.

- О, это было раньше, сейчас это не нужно. Если мы сейчас с тобой договоримся, то помогу тебе. Бог все равно тебе не поможет. Он всегда слишком занят, а у меня всегда время есть.

Меня бил озноб.

- А что тебе надо взамен, - спросил я.

- Совсем немного. Иногда кое-какие поручения мои выполнять будешь. Жизнь у тебя веселая будет, интересная. Ни о чем не думай. Проживешь жизнь, а потом, ко мне. Все не так страшно, как тебе мать в детстве внушала.

Внутри у меня все сопротивлялось, и я отказался с ним договариваться.

- Ну, как хочешь, - сказал он, - если что, то я всегда готов помочь. Помни об этом.

И он ушел. А мне опять стало плохо. И опять я молился, и никакой помощи. К утру чувствую, что я совсем гасну. Не выдержал я, снова позвал сатану, думаю, хоть легче станет. И все повторилось, как в первый раз. Ночью он опять явился. Решил я его обмануть, торговаться с ним стал. Выторговывал я у него душу, чтобы сохранить ее. Он согласился и сказал:

- Ну, ладно, у тебя левая рука целая, она моя будет. Так мы и условились.

- Когда надо, я тебя найду, - сказал он мне, уходя. Я быстро стал поправляться. После этого, через некоторое время, я и сам не заметил, как познакомился с торговцами наркотиками. Голос стал мне нашептывать:

- Вот то дело, которое мне нужно, и жизнь у тебя легкая будет.

Стал я наркотиками торговать. Знаешь, жизнь была, денег - море, все доступно, кругом удача, но на душе временами беспокойно было. Вспомнил я мать и решил найти верующих.

Пришел на собрание к адвентистам. Только молиться

начал, а меня, как будто душить кто-то начал. Выскочил я из молитвенного дома. Сразу все прошло. Отдышался я. Ну, думаю, еще раз зайду. Опять повторилось то же самое. Больше я не пошел.

А ночью он явился ко мне. Залетел в окно какой-то огненный шар, ко мне приближается, становится все больше, больше. В этом шаре лицо его появилось. Испугался я. А он мне говорит:

- Не бойся, над многим мы власть имеем и силу. Сейчас у тебя будет другая работа. Ты причислен к категории рока, поэтому я пошлю тебя вершить судьбу. После этого произошла вспышка, шар как будто взорвался. И он исчез. И вот сейчас я, здесь. Знаю, что я послан сюда для какого-то дела, еще сам не знаю какого, но внутри у меня еще что-то сопротивляется. Что ты мне на это скажешь? Почему Бог не пришел мне на помощь? Что мне теперь делать? Жизнь моя завертелась, как в вихре.

- Конечно, я не знаю твоей жизни, - сказал я, - Возможно, ты смеялся над матерью, кощунствовал над Библией, ругал Бога вместе с отцом, поэтому ты был ближе к сатане, чем к Богу. Ты себя давно к нему приближал. И тогда, когда стал молиться ему, а к Богу ты обратился тогда, когда тебе нужна была поддержка, хоть от кого. Тебе надо было сначала раскаяться во всем, а потом просить помощи у Бога.

- Вообще-то, все так и было, как ты говоришь.

- Теперь, - продолжал я, - он загнал тебя сюда, чтобы изолировать тебя от верующих, чтобы ты больше не ходил в

молитвенный дом. Здесь он тебя толкнет на какое-нибудь преступление, а потом, тебя или заключенные убьют, или расстреляют тебя. У тебя сейчас один выход - порвать с ним все контакты, раскаяться перед Богом и просить у Бога поддержки. Это будет очень тяжело. Сатана тебя просто так не оставит, но я уверен, что Бог тебя услышит и поможет.

Вечером открылась кормушка.

- Перчаткин, с вещами!

Меня увели в этапную камеру. Там я пробыл всю ночь. В этапке было много народу. Всю ночь кого-то уводили, кого-то приводили, и всю ночь, все, не переставая, курили махорку, и всю ночь все стояли, так как не было места присесть. Недаром этапки называют отстойниками. Все стоят, мало кто разговаривает. Каждый занят собой,

своими проблемами, и все знают, что судьба их разбросает по разным тюрьмам и лагерям. Утром меня увели из этапной камеры и закрыли в одиночную камеру. В этой камере не было ни нар, ни скамейки. После ночного стояния у меня не было сил, я лег прямо на бетонный пол и моментально уснул. Сколько я проспал... трудно сказать, в камере не было окна, и я не знал: день был или вечер. Я думал, может быть принесут баланду, но никто не приходил. Долго так просидел я. Наконец, открылась дверь.

- Ты что здесь делаешь? Как ты сюда попал? - удивился дубак.

- Это я должен спросить, почему меня привели сюда и не

кормят? Я же не сам сюда пришел.

- Выходи, - сказал дубак и повел меня в другую камеру. Обычная камера, грязь, вонь, вши, клопы. Как-то ночью мы все проснулись от грохота в коридоре.

- Бегом! Бегом! - кричал дубак. Послышался топот множества ног. Все это сопровождалось звуками от ударов дубинок о человеческое тело. Топот стал удаляться и стих. Послышалось какое-то сопение и старческий голос: "Смотри, весь в крови, а все равно не бежит. Поддайте ему еще". И снова слышались удары. Кто-то упрямо не бежал и не кричал, приводя этим в истерику дубака. Потом все стихло. Минут через десять снова слышался топот бегущих ног и удары дубинок. И снова обиженный голос старика-надзирателя: "Ты смотри, какая скотина, не бежит, ишь гордый какой. Да видели мы таких на кладбище".

- Здесь часто такое бывает, особенно ночами. Врываются дубаки, выгоняют сонных заключенных в коридор. По коридору, вдоль стен, стоят дубаки с дубинками. Заставляют бежать между этих дубаков, а те в это время бьют дубинками. Чем быстрее будешь бежать, тем меньше получишь ударов. Так дубаки развлекаются, избивают без всякой причины, и пьянство среди дубаков, нормальное явление, - рассказывали мне заключенные. Восемь дней пробыл я в этой камере. На девятый день, в ночь, снова этап. Конвой на этот раз, одни мусульмане, безграмотные, забитые, почти ничего не понимающие по-русски. Набрали их, по-видимому, из глухих

аулов. Здесь у них представилась возможность чувствовать свое превосходство над русскими, пусть даже над заключенными.

Я бегу через строй мусульман-конвоиров. Мой бег сопровождается пинками и ударами автоматов. Они подают команду на своем языке. Я не понимаю, что от меня хотят. Все смешалось, ослепительный свет прожектора, лай собак, удары конвоиров, непонятные команды, мат на русском языке. От растерянности я приостановился. Может я не туда бегу? Тут же я получил удар сапогом в живот. Я потерял равновесие и упал. Падая, я с трудом увернулся от собачьих клыков. Мгновенно поднимаюсь. Несколько шагов, и я натыкаюсь на вагон. Я хватаюсь за поручни и с трудом поднимаюсь в вагон. Там меня ожидают другие конвоиры, которые, не говоря ни слова, принимаются бить меня. Удары отработанные, отточенные, удары по почкам, по печени, под сердце. Ослабевшему заключенному от них не увернуться. Чтобы ударить еще, меня хватают за одежду, чтобы удержать, и снова бьют. Наконец, я оказываюсь в секции.

Глава 29

Новосибирская тюрьма

На пятые сутки мы прибыли в Новосибирск. Здесь меня не задерживают долго. Снова этапная камера. Сутки простоял я в

этом отстойнике. И снова этап. Он тоже кажется бесконечным. По количеству еды определяю, сколько дней будет продолжаться этот этап. Две булки хлеба, сорок граммов сахара, две желтые селедки, на которых лежит налет соли. После Владивостокской тюрьмы консервы не давали, давали ужасно соленую селедку, которую тут же выбрасывали, так как после нее сильно хочется пить, а воду не дают, в сутки могут дать один раз, и только одну кружку воды. И так, еды, на четверо суток, значит - четверо суток в пути. Четверо суток сидеть, встать нельзя, в секции стоять запрещено. Спать тоже сидя. Я изнемог и умолял Бога, чтобы это был последний этап. Конвой на этот раз попался хороший. Не кричали, не обзывали, не били, просто поторапливали: "Быстрее, быстрее, ребята". А некоторым пожилым и ослабевшим заключенным даже помогали залезть в вагон.

Секции, как обычно, были переполнены. Конвоиры повесили на решетки каждой секции бачки с водой, и воду постоянно подливали. На этот раз у нас не было проблемы с водой. Нам разрешали по очереди вставать, делать разминку, а когда на проверку шел начальник конвоя, конвоиры предупреждали нас, и мы садились. Все удивлялись, что конвой такой хороший. Какой-то заключенный осмелел и попросил закурить. Конвоир просунул ему через решетку сигарету. Тут же и другие заключенные стали просить. Конвоир бросил в секцию пачку своих сигарет.

- Откуда такой конвой? - спросил один из заключенных.

- Сибирский конвой, - ответил конвоир.

- А сам откуда? - спросил тот же заключенный.

- Из Кемерово.

- А до этого у нас азиаты-мусульмане были. Свирепый народ, бьют заключенных ради развлечения, - продолжал заключенный.

- Мы это знаем, - ответил конвоир, - и при случае, тоже поддаем им. В казармах вместе живем, и бьем их. Если конвой попадаете смешанный, то эти азиаты тихими становятся, готовы сапоги лизать. Бьем мы их, как скотину, и убеждаем, что сегодня они охраняют, а жизнь такая, что завтра сам можешь оказаться за решеткой. Вообще, конвой из Сибири редко набирают, если только недобор бывает. Мы вот попали в такой недобор. А обычно конвой и набирают из азиатов, а русских берут только из Вологодской области. Мы сами себе службу не выбираем, - вздохнув, слазал конвоир, - Призвали, в армию, отслужи два года там, куда пошлют, а откажись, сами знаете, - тюрьма. Так проехали мы двое суток.

- Где мы сейчас едем? - поинтересовался кто-то.

- По Уралу, ответил конвоир. Напоминание об Урале, вызвало у меня волну воспоминаний. Почти все свое детство я провел на Урале. Когда-то, когда мне было лет тринадцать, я проделал такой же путь, только не с Дальнего Востока на Урал, а с Урала на Дальний Восток. Вспомнив об этом, мне так захотелось посмотреть в окно поезда, но в секции окна не было, было только в коридоре, где дежурили конвоиры, да и то

оно было матового цвета. Я смотрел через решетку на это окно, и ничего не видел. Колеса поезда монотонно стучали, и я все вспоминал, и вспоминал. Я вспоминал свое детство.

Вырос я без отца. Мой отец был военным летчиком и погиб в авиакатастрофе, когда мне было восемь месяцев. Когда мне было три года, мать вышла замуж, и снова за военного. Он был капитан танковых войск. Старший брат моей матери был командиром танковой дивизии, а мой отчим служил в этой дивизии командиром танковой роты. Я не знал тогда, что Георгий Михайлович Перчаткин был мне не родным отцом. Я этого не чувствовал. Мы жили тогда на Урале, в городе Белорецке.

В 1953 году отца направили в Германию. В это время в Германии вспыхнуло восстание, и в конце этого же года отца арестовали. Его обвинили в связях с восставшими немцами и за невыполнение приказа. Приговорили его к расстрелу, но потом расстрел заменили 25-ю годами заключения и отправили на север, в Воркутинские лагеря. Больше мы его так и не видели, там он и умер. Белорецк стоит на берегу реки Белой. На другом берегу реки была тюрьма. Когда я узнал, что отца арестовали, я стал ходить к воротам тюрьмы. Тогда я думал, что тюрьма только одна, и я обязательно увижу там отца. Колонны заключенных выгоняли на работу в каменоломни. Я шел за колонной и всматривался в лица заключенных, надеясь увидеть отца. Охранники прогоняли меня, но я упорно приходил до тех пор, пока мать получила

первое письмо от отца. Тогда я узнал, что тюрем много и что мой отец в Воркуте. "Зачем надо было ехать в Германию? - думал я, - Зачем эти немцы? Мы так хорошо жили, а теперь мальчишки с нашего двора называют нас шпионами, говорят, что мой отец, шпион". Они это слышали от своих родителей. В нашем доме жили много военных. Один наш сосед, который жил с нами на одной площадке, был следователем КГБ (тогда эта организация называлась НКВД). Все в доме боялись этого следователя. Он за год до этого ночью подслушал, что другой наш сосед, который тоже жил с нами на одной площадке и был директором школы, по ночам слушал "Голос Америки". Следователь НКВД написал донос в прокуратуру и сам вел следствие. Это были сталинские времена, и за это сажали. У этого следователя был сын. Одно время я дружил с ним, но после ареста моего отца, он первый стал называть меня шпионом. У меня с детства появилась ненависть к КГБ.

Мать одна воспитывала нас, троих детей. Ей пришлось идти работать. Она устроилась лаборанткой в лабораторию на металлургическом заводе. Потом в Белорецк приехала бабушка помогать матери воспитывать нас. Бабушка была верующей и воспитывала нас в религиозном духе. Мы очень любили свою бабушку. В 1958 году она вынуждена была снова уехать на Дальний Восток, в поселок Сергеевка, где жила ее девяностолетняя мать. Через год я узнал, что мать бабушки умерла, и я решил ехать на Дальний Восток, к своей бабушке.

Мне было тогда тринадцать лет. Мать ушла на работу, а я

написал ей записку, чтобы она не беспокоилась, что я уезжаю к бабушке, чтобы забрать ее к нам. В детстве я был очень отчаянным мальчишкой. Я много читал, и как-то прочитал книгу о беспризорниках, которые на крышах вагонов ездили по всей России. "А что разве я не могу?", - думал я. Мать бы меня никогда не отпустила, и я не стал просить у ней денег, решил ехать, как беспризорник. Взял я пакет с пряниками и отправился в путь. Сначала я ехал на товарном вагоне с лесом. Залез я на бревна, и так ехал сутки. За это время, сам не заметил, как съел все пряники. Потом пересел на другой поезд, загруженный углем. Я ехал на тормозной площадке, и скоро понял, что так долго не проедешь. Во-первых, угольная пыль летела на меня, потом, голод, а самое главное, я не знал, куда я еду. Знал, что нужно двигаться в сторону Владивостока. Я вышел на какой-то станции. Недалеко от станции протекала небольшая речка. Я искупался, выстирал свою одежду и стал думать, как бы поесть. Я знал из книг, что беспризорники воровали, но я воровать не умел и не хотел. Мне пришла в голову мысль, насобирать бутылок и сдать их. Я долго кружил вокруг станции. Она была маленькая и найти много бутылок мне не удалось, но все же я нашел несколько бутылок и сдал их. Этих денег мне хватило только на хлебный батон. Я подкрепился и решил узнать, где же я нахожусь, сколько еще ехать до Владивостока. Увидел рабочего железнодорожной станции, подошел к нему и спросил:

- Скажите, пожалуйста, далеко отсюда до Владивостока? -

своим вопросом я разозлил рабочего. Он подумал, что я шучу с ним, что-то буркнул, заругался.

Тогда я зашел в здание станции, стал рассматривать карту и вдруг услышал объявление: "Граждане пассажиры, на первый путь прибывает поезд "Харьков-Владивосток".

Когда поезд остановился, я выбрал момент, когда никто не видел, быстро перелез под вагонами на другую сторону, там не было проводников. Я залез на место, где сцепляются вагоны, увидел лестницу, которая идет на крышу вагона. Как только поезд тронулся, я залез на крышу вагона, обнаружил там удобный выступ и уселся на него, как на сидение. Смотрю, вагона через три, впереди, тоже маячит чья-то спина. "Наверное, такой же, как я, надо на следующей остановке туда перебраться", - подумал я. Через несколько часов я так и сделал. Меня радостно встретил мальчишка, немного старше меня.

- Меня зовут Волдырь, а тебя как?
- Борис.
- И все? - удивился мой новый знакомый.
- А что еще?
- Ну меня зовут Володькой, а сейчас я - Волдырь.
- А у тебя другого имени нет что ли?
- Нет.
- Ну, как же так?
- У тебя даже нет настоящего имени.
- Вот поймают тебя милиция, спросит кто ты такой.

- скажешь: Борис, фамилию назовешь, они сразу найдут откуда ты.

- А я вот скажу: "Волдырь", и пусть ищут. Я один знаю, где Волдырь жил. Я уже год так катаюсь.

- А где ты жил? - спросил я.

- В Фергане, а когда мать умерла, меня тетка забрала в поселок, недалеко. Замучился я ей огороды обрабатывать да поливать. Продырявил ей все ведра и убежал. А сейчас, вот, катаюсь, на мир смотрю. Зимой - в Среднюю Азию, там тепло, а летом, куда хочу. Хочешь жрать? - спросил он, доставая пирог.

- Хочу, я сегодня только один батон съел.

- Вот дурак, вокруг столько еды, а ты голодный. Мы съели пирог.

- Сколько едешь? - спросил меня Волдырь.

- Третий день.

- Я научу тебя, как еду добывать. На следующей станции он сказал:

- Ну, пойдем продуктами запастись. Ты покараулишь, а я буду добывать, а потом на следующий поезд пересядем.

- Нет, - ответил я, - я тороплюсь, мне надо скорее до Владивостока добраться, я к бабушке еду.

- Ну, смотри, а я голодным ехать не собираюсь, да и приодеться мне надо.

- А где же ты одежду возьмешь? - спросил я.

- Вот дурак, - ухмыльнулся Волдырь, - Да ее в каждом дворе навалом. Висит белье, сушится, подходи и выбирай, что надо. Ну, ладно, пока. Да, смотри, на крыше не спи, а то свалишься, на ночь

иди в вагон, лезь на третью полку, ночью контролеры не ходят.

Я так и сделал. Ночью пробрался в вагон, залез на третью полку и уснул. Утром проснулся, смотрю, в вагоне почти одни солдаты. А за окном, дождь. Так я и остался лежать на третьей полке. Снова наступила ночь, и снова я спал на третьей полке. Слезил я только в туалет. На третий день слышу, один из солдат говорит:

- Смотрю я, на третьей полке пацан лежит, я что-то не видел, чтобы он что-нибудь ел. Эй, пацан, ты живой там? - позвал он.

Я посмотрел вниз.

- Ты куда едешь? - спросил солдат.

- Во Владивосток.

- А ты почему ничего не ешь?

- Да я не хочу, - ответил я.

- Понятно: не хочешь, потому что денег нет. Слезь оттуда, пойдем с нами в ресторан.

Я моментально слез с третьей полки. В вагоне-ресторане солдаты заказали обед и пиво.

- Ты пиво пьешь? - спросил меня тот же солдат.

Я его никогда не пробовал, но на всякий случай, сказал:

- Конечно, пью.

- Свой парень, - сказал солдат, наполняя мой стакан пивом.

Я сделал несколько глотков. Пиво мне не понравилось.

- А сахар есть? - спросил я. Солдаты засмеялись.

- Ладно, пацан, оставь это пиво, ешь лучше, а потом мы тебе лучше конфет купим.

Так я доехал с солдатами почти до самого Владивостока. Солдаты дали мне денег и помогли пересесть на другой поезд, на котором я доехал до Сергеевки.

Глава 30

Свердловский лагерь № 10

На пятые сутки наш этап прибыл в Свердловск. На рассвете нас стали выводить из вагонов. Все кругом было оцеплено солдатами с собаками. Всех заставили сесть на землю, на которой уже лежал снег. Был ноябрь, и в Свердловске уже была зима. Все сидели на снегу. - Перчаткин! - крикнул начальник конвоя. Я встал. Мне одели наручники, и двое солдат повели меня в воронок, который стоял метрах в пятидесяти. Через час я уже был в Свердловском лагере номер 10. Лагерь находится в городе и в области, которой руководил первый секретарь Свердловского обкома, нынешний президент России, Борис Ельцин. Каков лагерь с наружной стороны, я не видел. Из тюремной машины меня вели сквозь ряды колючей проволоки, которая была натянута и разбросана спиралью кругом. Куда ни кинь взгляд, упруешься или в лабиринт из колючей проволоки, по которому меня вели, или в высокий деревянный забор, по верху которого был

сооружен козырек, по которому колючей змеей аккуратно вилась проволока, а над этой змеей натянуты две тонкие смертельные струны, по которым шел ток высокого напряжения. Между этим проволочным лабиринтом и забором шла вспаханная полоса земли шириной в десять метров. Вдоль обеих сторон вспаханной полосы, ровные ряды деревянных столбов, а на них, проволока-путанка. Попадешь туда, не выпутаешься, чем больше будешь шевелиться и выпутываться, тем плотней она тебя свяжет и держать будет.

Проволочный лабиринт привел к вахте. Потом я узнал, что к вахте можно пройти с улицы просто через дверь, а этапников специально заводили с лагерных ворот, чтобы в первый же момент показать, куда он попал. Дверь с улицы на вахту была для комиссии, для прокуроров, для дубаков и для тех, кого освобождали. На вахте с меня сняли наручники. "Фамилия? Статья? Начало срока? Конец срока?". Я коротко отвечаю. Вот и вся процедура оформления в рабы Свердловского концлагеря номер 10.

Меня ведут дальше через коридор вахты. За мной щелкают электрические замки. У меня такое чувство, как будто меня всего заковали в кандалы. С вахты попадаю на территорию лагеря. С правой стороны, штаб, трехэтажное здание, аккуратной кирпичной постройки. Здесь находится администрация лагеря. За штабом идут трехэтажные казармы для заключенных, а слева, рабочая зона.

Меня ведут по широкой площадке, где проходят

проверки. Навстречу мне попадают несколько заключенных, впряженных в повозку вместо лошадей. Повозка была загружена строительным материалом. "Лошадиная" упряжка по всем правилам, даже кучер шел рядом, аккуратно одетый, в начищенных сапогах, с палкой в руке, уголовник. Погонщик материл впряженных людей за то, что они слабо тянули повозку, и бил их палкой по спинам. Потом я узнал, что это был завхоз лагеря Кумушев, очень доверенное лицо у администрации, ему позволяли все. Он часто напивался пьяный, ходил по лагерю и избивал заключенных, кто не успевал уступить ему дорогу. И не дай Бог, кто в его присутствии, откажется от работы, тем он просто вышибал зубы. Первое впечатление от увиденного было тягостным.

Я иду по лагерю, страшно изголодавшийся, ослабевший, с болезненной вялостью в теле, а завтра я буду рабским трудом укреплять престиж Ельцина и поднимать его к высшим ступеням власти. Сорок пять концлагерей в области, не считая тюрем, семьдесят тысяч рабов в них подталкивают Бориса Ельцина вверх. Семьдесят тысяч дают двойную норму и работают за баланду. Семьдесят тысяч валят лес, строят дома, работают в цехах, и все в бешеном темпе, под стволами автоматов, под кулаками убийц-бригадиров. И ложится каждый день, среди других рапортов от заводов и фабрик, и рапорт начальника управления лагерей на стол Ельцина. На хорошем счету в Кремле Свердловская область, владения Ельцина. С планом у

него всегда все в порядке. Если не выполнит план какой-нибудь завод, где работают вольные, то дотянут заключенные, многие заводы имеют свои цеха в лагерях. В лагере номер 10, цеха от резинотехнического завода, токарный цех от Уралмашзавода, цех от кабельного завода, а также несколько строительных управлений используют заключенных из лагеря номер 10 на своих стройках. Так что не беда, если не будет плана, такие, как Кумушев вышибут план из заключенных лагеря, дадут двойную норму, и отчитается Ельцин перед Кремлем.

Гибнут люди в лагерях, гибнут под бревнами, гибнут на стройках, гибнут, не выдержав, в петле, кончая жизнь самоубийством, гибнут от пуль охраны, пытаясь убежать из лагеря, гибнут медленно от работы и дистрофии. Но, идут, и идут новые этапы заключенных. Меня ведут в лагерную парикмахерскую. Парикмахер из уголовников, армянин, вручил мне бритвенный прибор. Я стал бриться и впервые увидел себя после ареста в зеркало. Я смотрел и не узнавал себя. Из зеркала на меня смотрел чужой человек, измученный, худой, бледный, с темными кругами под глазами. После бритья, баня. После бани мне вручают арестантскую одежду, и я вливаюсь в двухтысячную массу десятого лагеря. Теперь я, как и все. На мне сапоги кирзовые, серые брюки и куртка, телогрейка, внутри проложенная тонким слоем ваты, и матерчатая шапка. Вместо носков, портянки. Больше заключенному ничего не положено. Ты здесь, рабочий скот, и для тебя этого вполне достаточно. Логика простая, как можно

больше из тебя выжать и ничего не дать. На жалобы, один ответ: "Вас сюда никто не звал". Ночь я провел в казарме для этапников. Там уже было человек тридцать. Все, в основном, были с Урала. Рядом со мной спал молодой парнишка, татарин. Он очень плохо говорил по-русски. Я не знал, за что он попал в лагерь. Он что-то объяснял мне, но я так и не понял его. Тогда я не предполагал, что он не выдержит и двух месяцев в этом лагере.

Через два месяца он порвет свои брюки на полосы, сплетет веревку и ночью повесится, не выдержит бешеного темпа работы и каждодневного избиения бригадира и предпочтет петлю. С другой стороны спал толстый, пожилой человек. Его обратили в рабы на год за то, что он невнимательно выехал на перекресток на мотоцикле и сделал аварию. В результате аварии, его сын, который ехал с ним, сломал ногу, а машина, увертываясь от мотоцикла, ударилась в столб, и в ней разбился радиатор.

Глава 31 Штрафная бригада

Утром всех этапников повели в штаб для распределения по рабочим бригадам. Мы стояли перед дверью кабинета начальника лагеря серой, притихшей толпой. Каждый заходил в кабинет, где решалась его судьба. Люди по очереди заходили в кабинет, через минуту выходили с бумагой в руках. Тут же их

встречали на выходе бригадиры. Бригадиры, наглые и беспощадные уголовники. Позже я узнал, что они становились бригадирами, подкупая администрацию. Они попадали в лагерь, в основном, за грабеж, за вымогательство, за спекуляцию, за взятки. Они и здесь не боялись давать взятки, а администрация у таких не боялась их брать. Они легко устанавливали связи со своими родственниками и друзьями на воле. Чтобы самим не работать и удержаться бригадирами, они терроризировали свои бригады. Подошла моя очередь. Я переступил порог кабинета начальника лагеря полковника Бабченко. Кроме Бабченко в кабинете было еще двое, начальник режима подполковник Дзержинский и начальник оперчасти майор Малинкович.

Я стоял перед ними в серой арестантской одежде, которая мешком висела на мне. Все трое с любопытством рассматривали меня.

- Тебя ни один лагерь не хотел брать, а я взял, - сказал начальник лагеря, - Я слышал, что ты уважаешь евреев, и у тебя много друзей евреев. Мы вот здесь все трое, тоже евреи, но ты не путай нас с теми евреями. То не евреи, то жида. И запомни: если попытаешься здесь вести свою пропаганду, будешь нарушать режим содержания или попытаешься передать какую-нибудь информацию на свободу, то я тебя загоню отсюда туда, где Макар телят не пас.

Дзержинский молчал, а Малинкович ходил по кабинету и матерился.

- Не надо меня пугать, - ответил я, - я был и там, где телята Макара съели.

- Ах ты наглец, - сказал Бабченко, - Ты еще и смеешься над нами.

Малинкович направился ко мне, делая вид, что собирается ударить меня, потом резко остановился передо мной. Его рука опустилась. Он похлопал себя между ног и сказал:

- Вот здесь я вас всех видел с вашими религиями, мы здесь еще не таких ломали.

- Владимир Самуилович, мы же культурные люди, - остановил его Дзержинский, - Надо вежливо разговаривать. В штрафную бригаду его.

- Я тоже так думаю, - поддержал его Бабченко и протянул мне бумагу с направлением в штрафную бригаду. Это было направление в третий отряд, 31-ю бригаду.

Я вышел из кабинета. В дверях меня уже ожидал бригадир штрафной бригады Юрченко, по национальности цыган. В свои двадцать три года он уже потерял все, если, вообще, имел что-то человеческое. Я в этом много раз убеждался позже. Вообще, стать и быть бригадиром было не так просто. В лагере номер 10 из двух тысяч заключенных было человек шестьдесят бригадиров. Чтобы стать бригадиром, требовались качества конченого негодяя, так как бригадиры, это убийцы. Иногда в бригадиры проскальзывали и нормальные люди, но их быстро убирали, и они часто оказывались рабочими в штрафной бригаде за то, что у них не хватало духу истязать заключенных.

Из шестидесяти негодяев выбирали одного экстра негодяя и ставили бригадиром в штрафной бригаде. Здесь нужен был человек, у которого не появится жалости ни к кому, даже к отцу родному. Но сейчас я этого еще не знал, я еще не имел представления, что такое штрафная бригада, что из себя представляют бригадиры. Я обратил внимание, что все бригадиры одеты лучше, чем заключенные. Я шел и сравнивал свою одежду с одеждой Юрченко. Мне выдали тяжелые, грубые сапоги, у бригадира были армейские сапоги. Шапка на мне была матерчатая, продуваемая всеми ветрами, у Юрченко была шапка кожаная с меховым подкладом. У меня были простые тонкие матерчатые рукавицы, у него, кожаномеховые. Потом я узнал, что бригадиры носят такие рукавицы, чтобы не повредить себе пальцы об зубы заключенных, когда они их избивают. Телогрейка Юрченко тоже отличалась от моей. Она у него была теплая, удлиненная.

Юрченко ввел меня в казарму, где размещался третий отряд, 31-я бригада. Он непринужденно разговаривал со мной. Я сразу не определил в нем садиста. Третий отряд размещался на третьем этаже казармы. В отряде было человек сто пятьдесят, четыре бригады. В бригаде номер 31 было тридцать пять человек. Нары были в два яруса и четыре ряда. Каждая бригада занимала один ряд. Нары нашей бригады находились у окон. Юрченко показал мне на нары, где я должен спать. Потом дал мне записку, чтобы мне выдали матрац, и сказал, чтобы я его получил после обеда.

- Месяц ты будешь питаться по первой норме питания, сразу предупреждаю, - сказал мне бригадир, - Если через месяц увижу, что ты выполняешь план, переведу тебя на вторую норму.

Я тогда не имел представления, что такое первая норма, что такое вторая норма питания. Через полчаса кто-то прокричал:

- 31-я бригада, стройся на обед!

В это время в казарме все засуетились, и три десятка заключенных побежали вниз. Я тоже пошел вниз. Меня обгоняли страшно худые заключенные. На многих одежда висела, как на вешалках. Бригада уже была построена по пять человек в ряд. Я тоже встал в строй. Строй почему-то не двигался, стоял на месте. Я спросил у рядом стоящего заключенного:

- Почему мы не идем в столовую?

- Ждем Юрченко с семьей, - ответили мне.

И вот, наконец, появился Юрченко. Его сопровождали пятеро заключенных. Они резко отличались от серой массы заключенных. Одеты они были почти так же, как Юрченко. По их лицам не было видно, что им плохо живется в лагере. Это были помощники бригадира, в обязанности которых входило вышибать план у заключенных, избивать их и заставлять работать. Это были просто надсмотрщики. Конечно, все это было неофициально, по закону они все тоже должны были работать и выполнять норму. Они должны были отбывать

наказание и трудом искупить свою вину перед обществом, как это официально должно быть. Но, общество не знало о таких надсмотрщиках, и ни одна комиссия не догадывалась, что такие надсмотрщики есть в лагерях. Вся их работа заключалась в том, чтобы заставляя заключенных делать двойные нормы и за себя, и за них, так как по отчетам бригадира, вся эта пятерка выполняла две нормы в день. А они во время работы пили чай, занимались гантелями в отдельной комнате, из окна которой был виден цех. Один из них постоянно ходил по цеху с дубинкой и следил, чтобы темп работы не снижался. Иногда они набрасывались на бригаду впятером.

А сейчас мы шли в столовую. Столовая была человек на триста. Столы стояли в три ряда. Каждый стол был на десять человек. На каждом стоял бачок с баландой. Все стали подходить к столам, но никто не садился, все ждали команды Юрченко. Наконец, Юрченко разрешил бригаде сесть. Сначала надсмотрщики взяли шесть самых больших кусков хлеба для себя и для Юрченко. Потом со всех бачков 31-ой бригады налили себе полные миски баланды, выбрав оттуда все, что было более-менее съедобным, а остальное отдали бригаде. Они ели, как кабаны, они должны быть сильнее всех в бригаде. Первая норма питания в лагере почти ничем не отличалась от тюремной еды, но здесь мне нужно было еще и работать и выполнять норму. Вторая норма питания была немного лучше. Если на первой норме давали кашу,

сваренную из крупы просто на воде, то на второй норме, в кашу добавляли немного каких-то жиров. В обед давали суп. По первой норме в суп вместо мяса добавляли куриные клювы и лапы, а по второй норме, иногда, даже куриные шеи, но они доставались бригадиру и надсмотрщикам. На второе, обычно, давали кашу, такую же, что была утром. На десять человек давали чайник с полусладким чаем. Полагалось всем по полкружки чая, но бригадир и надсмотрщики наливали себе по полной кружке. По первой норме, чай в обед не давали. На ужин, снова каша. По первой норме, на воде, по второй норме, с жиром. По второй норме, на ужин давали добавочно двести граммов хлеба.

Я обратил внимание на два стола, которые стояли отдельно у входа. За одним столом сидели грязные и очень худые люди. Они, в основном, питались объедками, что остаются на столах. Они собирали и вылизывали миски. Их здесь называли чуханами. Если им и оставалась баланда, то только вода. За вторым столом сидели гомосексуалисты. Они были немного в лучшем состоянии. Их здесь называли петухами, или гребнями. По имени их никто не называл. Даже дубаки не называли их по фамилии, а кричали: "Эй, петух, иди сюда", или: "Гребень, сделай это".

Послышалась команда Юрченко: "Встать!". Он уже поел со своими прихлебателями, а на остальных он не обращал внимания. Поел, не поел, вставай. И вот, мы стоим и ждем бригадира, а он в это время договаривается с поварами,

чтобы вечером придти со своими пятерыми прихлебателями поесть жареной картошки и попить молока, которое предназначено для лагерной больницы. Молоко выпивают повара, бригадиры, дубаки, а в больницу понесут воду, подкрашенную молоком. Юрченко вышел, подал команду. Я снова зашагал в колонне рабов. После обеда я получил матрац. Юрченко разрешил всем, кто хочет, спать, так как в ночь, на работу. Я лег на нары, закрыл глаза и стал молиться. Я стоял на пороге новых испытаний. Мою молитву прервал какой-то крик и шум. Я привстал и увидел, что Юрченко избивает лежащего на полу заключенного. Он пинал его ногами в сапогах. Бил он его беспощадно, бил в лицо, в живот, по спине. Потом он приказал ему подняться и сказал:

- Чтобы через неделю двести рублей лежали у меня в кармане.

Загудела сирена. "На проверку!" - крикнул бригадир. Каждый день нам устраивали по четыре проверки.

Проверяют по отрядам, по бригадам. Стоит дубак перед бригадой, в руках у него сумка с двумя отделами. В одном отделе лежат картонные карточки с фотографиями заключенных и краткой информацией о них. Достает дубак карточку, выкрикивает фамилию. Заключенный обязан снять шапку, назвать статью и срок, выйти и стать в противоположную сторону. Дубак перекладывает его карточку во второй отдел сумки и вызывает следующего. Через

полтора часа после этой проверки нас повели на ужин. В 12 часов ночи выгнали всех на улицу, снова проверка. После проверки бригада идет или в казарму, или на работу. Сейчас, в свете прожекторов, строй заключенных штрафной бригады шагал на работу, в цех резинотехнических изделий.

Как только люди переступали порог цеха, они тут же бегом разбегались к своим местам и приступали к работе. Нормы никто не знал. Ее каждый день устанавливал бригадир по каким-то своим соображениям. Я стоял посреди цеха и не знал, что делать. Кругом все суетились, работа кипела. Минут через пятнадцать ко мне подошел Юрченко и приказал идти вместе с ним к начальнику цеха Сюткину.

Сюткин был очень маленького роста, но очень юркий. Он имел неограниченную власть над рабами своего цеха, в котором работали человек двести. На вид Сюткину было лет тридцать пять.

Когда я вошел в кабинет, он представился мне не только как начальник цеха, но и как работник оперчасти, он был помощник майора Малинковича.

- В общем так, - произнес Сюткин, - У нас здесь не курорт, в этом ты скоро убедишься. Петя, - обратился он к Юрченко, - покажи-ка ему наш инструмент. Юрченко достал из шкафа резиновые дубинки, резиновое приспособление, которое одевается на руку, чтобы наносить удары, и две палки, соединенные между собой короткой цепью, - чаки, которыми пользуются каратисты.

- Вот это, катализаторы. Мы их применяем как допинг для выполнения плана. У тебя, конечно, другое положение. Если тебя бить, ты начнешь клеветать за границу, что тебя здесь, избивают, поэтому я приказал к тебе это не применять пока, но дурные мысли из тебя работой вышибать будем. Работа, работа, и работа, чтобы у тебя не оставалось времени думать ни о чем, кроме как где взять пожрать и как выспаться.

- Вы коммунист? - спросил я Сюткина.

- Коммунист, - с гордостью ответил он.

- Надеюсь, вы, убежденный коммунист?

- Да, это моя идеология.

- В таком случае, моральный кодекс строителя коммунизма вы должны знать.

- Конечно, - подтвердил он, - я знаю кодекс строителя коммунизма.

- Тогда как же понимать, что в вашем кодексе написано: "Труд в СССР, дело чести, доблести и героизма"? Вы этим же самым трудом собираетесь выбить у меня чуждую вам, христианскую, идеологию. Работа у вас здесь применяется, как наказание. Вы или не коммунист, а просто называете себя так, вам выгодно считаться коммунистом, или ваш коммунизм - сплошная фикция, а ваш устав - пыль в глаза. Ваши дела и слова в полном противоречии и с вашим кодексом, и уставом.

Сюткин смотрел на меня и не знал, что ответить. После минутной паузы, его выручил Юрченко:

- Как он с вами разговаривает? - возмутился он, - Разрешите, я ему сейчас морду разобью.

Он стал одевать на руки резиновое приспособление. Когда Юрченко подскочил ко мне со звериным блеском в глазах, Сюткин крикнул:

- Подожди, Петя, избить ты его всегда успеешь, все впереди, его сначала воспитывать надо.

- Идеологию кулаками и пытками не защищают, - сказал я.

- Вы объявляете свою идеологию самой передовой и современной идеологией мира. Я хочу сказать за свою христианскую идеологию. Я ее тоже считаю самой справедливой, как и вы свою, и за это оказался здесь. Я, отстаивая христианские принципы, лишился свободы, пошел на унижения и страдания, но меня не могли заставить нарушить христианскую мораль, и вы не сможете заставить меня сделать это, а вы труд делаете орудием наказания.

Сюткин смотрел на меня и глупо моргал глазами, соображая, что ответить. Юрченко рассвирепел:

- Вы видите, как он с вами разговаривает, как унижает. Я ему, все-таки, морду разобью.

Он схватил резиновую дубинку. Сюткин поднялся и сказал:

- Петя, я ценю твой патриотизм, но отойди, я сейчас с ним поговорю. Опасный ты человек, гражданин Перчаткин. Ты - антисоветчик. Теперь я понимаю, почему тебя посадили, и почему с первого дня ты попал в штрафную бригаду. Петя, - снова обратился он к бригадиру, - Дай ему работу и лично сам

смотри, чтобы он не уваливал от работы. А через полгодика приведи его снова ко мне в кабинет, тогда посмотрим, как он будет со мной разговаривать, куда его идеи все денутся. А теперь, за работу! Нечего терять время.

Штрафники делали гидравлические резиновые шланги. Станки были только такие, без которых вручную процесс изготовления невозможен. Шланги изготавливали диаметром от одного дюйма до десяти и длиной десять метров. Процесс работы был таков: алюминиевая труба, в зависимости от диаметра требуемого шланга, вставляется в станок. С одной стороны труба зажималась намертво, а с другой просто фиксировалась роликами, чтобы не прыгала, когда будет вращаться. Два заключенных накладывали вдоль трубы полосу сырой резины. Потом один заключенный включает двигатель, а второй берет в руки рулон плотного липкого материала и наматывает на трубу. Труба вращается быстро и материал должен наматываться ровными витками. Держит заключенный тяжелый рулон перед собой и бежит восемь метров, пока материал обтягивает трубу. После этого он опять бежит, но уже с рулоном сырой резины, потом с рулоном проволоки, опять с рулоном резины, - потом снова с рулоном материала, и в завершении он бежит и наматывает капроновую веревку. Пока сделает один шланг, пробежит сто-сто двадцать метров. За смену сделает двести-двести пятьдесят шлангов. Не трудно подсчитать, что за смену надо пробежать двадцать-тридцать километров. И не просто пробежать, а еще и держать перед

собой рулон и смотреть, чтобы материал ложился равномерно. Потом эту трубу с заготовкой шланга кладут на тележку, а в станок вставляют следующую. Когда тележку полностью загружают трубами с заготовками шлангов, ее отправляют в термопечь. Таких станков в цехе стояло несколько. Я смотрел, как за этими станками бегали худые и голодные люди. Бригадир стукнул меня кулаком в бок.

- За эти станки, чтобы стать, еще заработать надо.

Он показал мне в левую сторону цеха на длинный стол. За этим столом стоял человек и руками раскручивал капроновые веревки после того, как тележка со шлангами побывала в термопечи. Труба после термообработки ставилась на специальные ролики. Нужно было развязать с одного конца веревочный узел и дергать за веревку, раскручивая веревочную спираль по всей длине шланга. Когда бригадир подвел меня к этому столу, я внутренне радовался, что он не поставил меня за станки, но в первый же день, я понял каково здесь.

- Ты что, Хохол, не видишь, что они не шевелятся? Сам за станок захотел? А ну-ка, взбодри их.

Хохол сделал звериное лицо, что-то зашипел сквозь вставленные зубы, видно, ему их выбили в тюрьме. Ему хватило двух ударов, чтобы свалить заключенных. Один тут же подскочил и стал остервенело сдергивать шланг с трубы, а второй откатился и корчился от боли на полу. Хохол нанес ему удар по печени. Заключенный ничего не мог сделать со

шлангом. Шланг приварился к трубе и у него не хватало сил сорвать его. Хохол дико зарычал, оттолкнул заключенного своими сильными, большими руками, сдернул шланг с трубы, и этим же шлангом стал бить заключенных, которые попадались ему под руки. Юрченко остановил его:

- Ванька, шланг не порви.

Николаев стал объяснять мне процесс работы:

- Нормы нет, - сказал он, - Сколько поднесут шлангов, столько и должен сделать, может двести, может триста, всякое бывает. Если не будешь успевать, Ванька Хохол бить будет, он отвечает за это место в цехе. В рукавицах здесь работать нельзя, узлы не развяжешь, и веревка скользит в рукавицах, большую силу надо иметь в пальцах, чтобы удержать веревку. Хорошо, когда веревка не старая. Старая веревка в узлах, и узлы впаиваются в резину. Иногда на шланге попадаете узлов десять, тогда много времени уходит, чтобы раскрутить такую веревку. Из-за этих узлов Ванька Хохол мне всю печень отбил. Старую веревку привозят с завода, где вольные работают. Когда такую веревку бракуют и выбрасывают, ее везут сюда. Я сам местный и на воле работал в таком цехе. Там веревку станками раскручивают. А старую веревку станком не раскрутишь, станок рвет веревку. Нормы на воле в четыре раза меньше, чем здесь. Чтобы руки не покалечить об веревку, обматывай пальцы и ладони лентой, из которой делают шланги. Это, испытанное средство, правда, мозоли все равно будут. Он рассказывал мне, а сам разматывал уже

изодранную ленту у себя с рук. Я смотрел на его руки. Они были в мозолях и ранах.

- За что в штрафную бригаду попал? - спросил он у меня.

- Не знаю, меня с этапа сюда загнали.

- С этапа? - удивился он, - Сюда с этапа еще никто не попадал.

- А ты за что штрафниках?

- Дубаку в морду дал. Ну ладно, крути веревки, мне идти надо. Вообще, ты здоровый, если Ванька тебя бить будет, попробуй ему врезать хорошенько. Если ты его сможешь одолеть, то его поставят, вместо тебя за станок, а тебя поставят вместо него надсмотрщиком. Здесь такое правило, но ты его должен уложить, пока подбегут другие надсмотрщики. А если не сможешь завалить с одного удара, подбегут другие, тогда тебе, конец, запинаят они тебя впятером.

Я взял ленту, обмотал себе пальцы и ладони, положил на ролик трубу и стал разматывать веревку. Первые часа два я думал, что это, не такая у: страшная работа, правда, когда попадались узлы, было тяжело отрывать веревку. К обеду пальцы рук уже одеревенели. От усталости я почти не удерживал веревку. Выручила меня сирена, которая сообщила о времени на обед. Обычная баланда... и снова километры веревки. Смена казалась мне бесконечно долгой. Когда закончили работу, у меня ныли плечи и руки, пальцев я, вообще, не чувствовал. Несмотря на то, что я перемотал пальцы и ладони лентой, у меня появились кровавые мозоли.

После работы, снова проверка. Утром, когда мы пришли в казарму, первая смена уже ушла на работу, а те, кто пришел со второй смены, еще спали. Мы ввалились в казарму, гремя сапогами. Кое-кто перебрасывался с кем-то словами, кто-то ругался, кто-то ходил в поисках соли. Все стали доставать свои двести граммов хлеба, оставленные с ужина, и сейчас все садились на свои нары, ели хлеб, посыпая его солью и запивая водой. Бригадир с надсмотрщиками тоже ели хлеб с колбасой и пили чай с конфетами. Эти продукты они отбирали у заключенных, которым передавали передачи с воли. Здесь все жили семьями. Подберутся несколько человек близких по каким-нибудь признакам, то ли это земляки, то ли одной национальности, или по роду занятий на свободе, да и мало ли каких других причин, когда люди объединяются в группу. Так и жили, помогая друг другу. Но плохо было одному. В основном, из таких и были те, кто накидывали себе веревки на шею. У меня еще не было друзей, не было двухсот граммов хлеба. Я сразу лег на нары, помолился и пытался уснуть, но не мог. Голод, как зверь внутри, как какое-то отдельное существо терзал и отгонял сон. Вокруг жевали люди, и щекочущий запах колбасы доходил до меня и раздражал. "Съесть хотя бы кусочек хлеба", - думал я и представлял, как бы я посыпал его крупной лагерной солью, откусывая маленькими кусочками, запивая водой. Я закрываю глаза, незаметно затыкаю уши, чтобы не видеть и не слышать жующих людей. Но запахи не дают мне уснуть. Теперь я начинаю улавливать даже запах лагерного

хлеба. Нет, не усну. Я встаю и иду пью воду, одну кружку, вторую, третью. Хочу заглушить голод, снова ложусь. Голод не сдается, но я все-таки через час засыпаю. Спал я недолго. Меня разбудила вторая смена грохотом своих сапог, как мы разбудили их. После короткого сна, голод уже не мучает меня, я снова засыпаю. Сон странный, во сне я чувствую, как я сплю. Сонное дыхание учащенное. Как будто я спешу выспаться. Команда на обед обрывает сон и пружиной толкает всех с нар. Сонные люди бегут умываться, строиться и, в столовую. После обеда нужно еще доспать. Теперь я понял, что имел ввиду Сюткин, когда говорил: "Будешь думать только о том, как пожрать и как выспаться".

Все было организовано так, чтобы смены в казарме мешали друг другу спать. Поднимается третья смена в 12 ночи на работу и будит первую смену, что легла в 10 часов вечера. В два часа ночи приходит вторая смена и снова будит первую. В 6 часов утра поднимается первая смена и не дает спать второй. К 9 часам приходит наша третья смена. И опять не спит вторая, и все повторяется. Приходят смены, гремят сапогами, жуют свой хлеб. Какой тут сон.

Через неделю у меня появились гнойные раны на руках от сорванных кровавых мозолей. Мне уже веревка стала сниться ночами. Я и во сне тянул веревку, она горой лежала около меня. Я отталкивал ее, пинал ногами, но эта гора все росла и росла. Потом появлялся Ванька Хохол. Он дико смеялся и рвал эту веревку своими железными зубами. Потом появлялся

Сюткин и спрашивал: "Жрать хочешь?".

Раны на моих руках не заживали. Я не жаловался, как хотел того Сюткин. Я помнил его слова: "Посмотрим, куда все его идеи денутся". Раны на моих руках гноились и становились все больше и больше, то ли организм ослаб, и они не заживали, то ли инфекция попала. Я узнал, где находится лагерная больница и решил попросить какую-нибудь мазь. В больничном коридоре большая очередь. В основном, это такие же доходяги, как и я. Все стоят молча. Никто не хочет делиться своими проблемами. Врач принимает долго. Некоторых он прямо из больницы отправляет в карцер, объявляет его симулянтом. Очередь двигается медленно. Вдруг с шумом распахнулась дверь. В больницу по-хозяйски вошел дубак, за ним двое заключенных на носилках несли третьего. Он был привязан к носилкам ремнями. Заключенный дергался, хотел встать, но ремни держали его крепко. Он матерился и ругал тех, кто его нес. На шее у него была петля и обрывок ее свисал с носилок.

- Эй, коновал (так называли здесь врачей) проверь-ка его, опять с петли сняли, неудачно вешается гад. Нет, чтобы найти место поудобней, а то в каптерке взял моду в петлю лезть. Все вешаются, как люди, а этот и повеситься толком не может, - жаловался дубак врачу.

Бедолагу развязали, сняли петлю с шеи. Врач осмотрел его.

- Ну, что? - спросил дубак, - В карцер его можно?

- Так там ему только и место.

- Тогда напиши бумагу.

Врач ушел. Я подошел к бедолаге, сам не зная, что и как ему сказать. Он был совсем молод, не больше двадцати пяти лет.

- Слушай, парень, я из штрафной бригады. Видишь, какие у меня руки? И я не уголовник. Нахожусь здесь за веру.

Я уже приготовил слова, чтобы поговорит с ним о вечной жизни и Христе, но он поднял на меня глаза человека, приговорившего себя к смерти, проклявшего себя и весь мир, глаза жуткие от тоски и горя. Он смотрел на меня и беззвучно плакал:

- Зачем они меня опять сняли? Мучают, а умереть не дают, но я все равно повешусь. Они издеваются надо мной так, что я ничего не могу делать, даже повеситься не в состоянии. Я не хочу быть рабом. Понимаешь, не хочу и не могу. Ты можешь им быть, а у меня сил уже нет. Я не хочу, - он плакал страшными мужскими слезами. Пришли еще несколько дубаков. Беднягу в наручниках увели. Через несколько месяцев он, все-таки, повесился. Меня всегда поражало бездушие и безразличие заключенных ко всему, что происходит. Я пытался понять эту атмосферу бездушия и страха, чтобы как-то оздоровить ее, хотя бы вокруг себя. В будущем мне это удалось.

А сейчас в больнице заключенные ругали самоубийц, ни слова сострадания, ни жалости. Уже достаточно пожилой, с сильно обветренным лицом заключенный, возмущался:

- Все понятно, решил в петлю лезть, его дело, но не так же это делать, а с пользой, чтобы после помянули добрым словом. Пошел бы сначала к дубаку или бригадиру, череп расколол, а потом и в петлю лезь. Другим от этого польза будет. Прежде чем вешаться, потянул бы за собой дубаков пять, другим бы легче было, меньше бы вешались.

В больнице мне обработали раны, перевязали руки и дали записку, чтобы Сюткин дал мне работу, хотя бы временно, на станке. Я отдал записку бригадиру.

- У нас нет легкой работы, - сказал он, - Я доложу за тебя Сюткину. Сюткин приказал поставить меня за станок. На этом станке заключенному Комиссарову оторвало палец, и туда нужен был человек. Работа на этом станке была не тяжелая, но опасная. Нужно было быть очень внимательным и ловким, чтобы работать в темпе, и не остаться без пальцев.

К этому времени, я уже достаточно осмотрелся. В лагере царил разгул преступности со стороны администрации. Заключенные видели все, молчали, смиряться. У нас в бригаде был ветеран войны Карпухин. Ему было уже за шестьдесят. У него подходила статья и срок к условно-досрочному освобождению. Такие люди снова проходили через лагерный суд, где определяли можно ли их освободить раньше срока. После суда я поинтересовался у Карпухина, как там все происходит. Карпухин оказался оригинальным человеком. Он решил намекнуть прокурору, судьям и заседателям о том, что происходит в лагере, чтобы те организовали инспекцию с

проверкой. До суда он искренне верил, что за забором лагеря никто не знает, что здесь происходит. Карпухин рассказывал, что когда его дело уже разобрали, и перед тем, как вынести решение, освободить его или нет, судья спросил у него:

- Скажи нам, Карпухин, вот ты побывал в лагере, как это повлияло на тебя, чтобы больше не делать преступлений, чтобы больше не попадать сюда?

- Знаете что, граждане судьи, я уже человек старый и много повидал в своей жизни. На войне был, в окружение немцев попадал, несколько раз линию фронта переходил, в плену у немцев больше полгода был, пока ни сбежал, потом снова, на фронт, много пришлось повидать, но такого, как здесь, нигде не видел. Такие страшные условия, такое зло, такой садизм, я слышал, были в фашистских концлагерях, но сам лично я не видел, а вот здесь, в этом лагере увидел. Меня старого человека заставляют работать на тяжелой работе вместе с молодыми, заставляют выполнять такую же норму. Естественно, я не могу сделать столько, сколько молодые, здоровье уже не то, да и постоянное недосыпание и недоедание, даже голод, сил уже нет. За это меня бьют здесь, и бьют такие, которые по возрасту мне во внуки годятся? А ведь на воле я бы уже был пенсионер. В лагере, страшный беспредел, условия такие, что люди не выдерживают, кончают жизнь самоубийством.

- Я думал, - рассказывал мне Карпухин, - что судью это заинтересует, но он перебил меня и сказал:

- Карпухин, так ты хорошо понял, что сюда попадать

нельзя?

- Хорошо понял, теперь и внукам своим закажу.

- Вот так-то, - сказал судья, - иди и не попадайся больше. Прошел месяц. Ко мне подошел бригадир и сказал, что весь месяц я норму не выполнял. Я удивился. Я работал и успевал сделать всю работу, что мне давали, но Юрченко упорно доказывал мне, что я норму не выполнил, и снова буду питаться по первой норме.

- А какая же норма? Кто ее устанавливает, и сколько же я должен сделать за смену? спросил я.

- Я устанавливаю норму, а делать будешь столько, сколько навалят.

- Но, ведь я и делал столько, сколько мне наваливали, а все равно план не выполнил. Где же он этот план, покажи мне его. Он должен быть официально утвержденным.

- Ишь ты, чего захотел. Жалко, что пока запретили тебя бить, - разозлился Юрченко, - а то бы я тебе показал бумагу с планом.

- Хорошо, я буду писать жалобу прокурору по надзору.

- Да пиши кому угодно. Много до тебя здесь таких было. Я написал жалобу и подробно описал все, что творится в штрафной бригаде. Единственное письмо, которое разрешают заключенным клеивать, - письмо прокурору по надзору. Остальные письма все отправляют открытыми и их проверяют. По закону письма прокурору по надзору, администрация не имеет права проверять и задерживать их.

Через несколько дней меня вызвал Сюткин.

- Так что же, Перчаткин, на свободе ты клеветал на советскую власть, а здесь клеветашь на администрацию, жалобы пишешь прокурору по надзору.

- А откуда вы знаете, что я писал?

- Твоя жалоба лежит у меня на столе.

- Вы же не имеете права читать письма прокурору по надзору, или у вас, кроме должности оперативника, еще и должность прокурора?

- Мы на все имеем право, и жалобы мы проверяем, чтобы заключенные не клеветали на администрацию. Такие жалобы мы просто не пропускаем. У прокурора и без вас работы хватает. А то так получается, приезжает прокурор по надзору, а жалоба не подтверждается, и эти заключенные пишут заявление, что они специально клеветали на администрацию. Умные заключенные понимают, что прокурор приедет и уедет, а мы здесь, всегда.

Теперь я знал, что в этом лагере письма прокурору проверяют и не пропускают.

- Я снова напишу жалобу и опишу все, в том числе и то, что вы задерживаете жалобы прокурору. А если и эта жалоба не пройдет, я объявлю голодовку и найду способ передать об этом на волю, - сказал я Сюткину.

- Ну пиши, пиши, пока тебе руки ни обломали, - ответил Сюткин.

Я снова написал несколько жалоб прокурору.

Заклученные узнали об этом. Нашлись несколько человек, которые решили поддержать меня и тоже написали жалобы. Многие заклчленные стали подходить ко мне и просить в чем-то совета. Меня стали расспрашивать, за что я осужден. Я рассказал о себе, и слух обо мне пошел по всему лагерю. Зaclчленные стали уважать меня, стали приглашать побеседовать. Со мной стали делиться хлебом. Часто после работы некоторые заклчленные приглашали меня пить чай. Через несколько дней меня вызвал Дзержинский.

- Что же ты, Перчаткин, норму не выполняешь, да еще и прокурору жалуешься.

- Во-первых, - ответил я, - вы не превратите меня в безмолвного рабочего скота. Не только один я, но и вся бригада должна знать норму. Я не собираюсь выполнять норму за надсмотрщиков, которые должны работать, а не избивать заклчленных. Пусть ваши надсмотрщики за станки становятся, тогда и бить никого не надо будет, и план будет. И в столовой наведите порядок, в конце концов. Вы позволяете бригадирам и надсмотрщикам избивать людей, а потом еще и еду у них отбирать. За все время я не видел, чтобы Ванька Хохол, который за мной наблюдает, хоть один шланг сделал, а питается он всегда по второй норме питания. Кроме того, бригадир с надсмотрщиками и поварами после работы пир устраивают в столовой. Они воруют продукты,

предназначенные для больницы. И, вообще, посмотрите, что у вас делается в лагере. Посмотрите, сколько у вас самоубийств.

- Это не твое дело, - спокойно произнес Дзержинский, - а жалобу мы твою проверим, будем разговаривать со всеми, кто писал под твою диктовку. Если факты не подтвердятся, и ты заставлял заключенных писать, мы тебе еще срок довесим.

- Дзержинский вызвал конвоиров и сказал: "В карцер его на 15 суток. Пусть он там посидит, подумает, а в это время мы допросим остальных, чтобы он в это время не оказывал на них влияние".

Глава 32 Штрафной изолятор

Меня привели в карцер. Заставили переодеться. Одежду, которая была на мне, забрали. Мне выдали рубашку, брюки, которые были мне по колено, и стоптанные тапки. Карцер, помещение шириной один метр двадцать сантиметров и длиной два метра. Стены и пол бетонные. Нары, голые доски, ни матраца, ни одеяла. В 6 часов утра нары пристегивают к стене на замок. Отстегивают их в 10 вечера. Холод в карцере был такой, что невозможно было уснуть.

В первый день утром мне дали одну кружку теплой воды. В обед 250 граммов хлеба и кружку воды. Вечером, снова кружку

воды. А потом начались, как говорят в лагере, дни летные и пролетные, один день кормят, другой не дают ничего. На второй день утром мне принесли кружку воды, в обед, ложки четыре какой-то жижи, которую здесь называют супом, две-три ложки каши на воде и 250 граммов хлеба. Вечером, снова кружка воды. Следующий день, ничего, пролетный. Все пятнадцать суток я мучился от холода. Даже голод не мучил так, как холод. Я думал, что заболею, но ничего. На шестнадцатые сутки утром меня выпустили из карцера. Я вернулся в казарму и сразу почувствовал, что меня ждали. На моих нарах лежало несколько конфет, два куска хлеба, намазанных жиром и сверху джемом. Я сел на нары. Мне принесли кружку горячего чая. Я пил чай и ел этот тюремный бутерброд. Мне казалось, что я никогда не ел ничего вкуснее. Думал, освобожусь, буду каждый день на завтрак есть такие бутерброды. Заключение рассказывали мне, что Дзержинский вызывал всех, кто писал жалобы. Вызывал вместе с бригадиром. Заставлял, чтобы от жалоб отказались и написали, что я их заставлял написать. Написали жалобы двенадцать человек. Трое отказались, а одного заставили написать заявление в прокуратуру, что я заставил его писать жалобу на администрацию и на бригадира. А когда всех отпустили, заключенные слышали, как Дзержинский орал на цыгана:

- Если что-то делаешь, то делай так, чтобы не жаловались. Если будут жалобы, сам отвечать будешь. Я снова вышел на работу. К моему удивлению, я увидел, что трое надсмотрщиков

работают. Ванька Хохол с другим надсмотрщиком, Танком, сдергивал готовые шланги с труб, а еще один работал машинистом термопечи. Бригадир оставил себе только двоих надсмотрщиков. В бригаде ходили слухи, что Юрченко обязательно будет мстить всем, кто ему помешал. Проработали мы с неделю спокойно. Пришли как-то утром с работы. Только легли спать, завывала сирена. Общелатерная проверка. Выгнали всех на улицу и начался просчет по карточкам заключенных всего лагеря.

Прошел слух, что кто-то сбежал из лагеря. Никаких следов побега не было. Когда убедились, что одного не хватает, то часть людей загнали в рабочую зону и закрыли в цехе. Остальную часть загнали в столовую. Сюда попал и я. Нас закрыли. А в это время автоматчики с собаками обшаривали всю зону, чтобы убедиться, что беглец не спрятался в лагере, и чтобы начать искать за пределами зоны.

Люди в столовой курили, разговаривали. В лагере привыкли ко всему, и сейчас те, которые должны были работать, радовались, что представилась возможность отдохнуть. Я заметил, что на меня внимательно смотрел какой-то заключенный, примерно моего возраста. Он силился прочитать бирку с фамилией, которая была на куртке. Потом, подошел ко мне ближе, посмотрел на бирку и крикнул:

- Эй, Валик, иди сюда, нашел.

Подошел парень могучего телосложения, лет двадцати.

- Это Валик, а я Евгений, - обратился ко мне заключенный,

- Мы тебя уже давно по лагерю ищем, а ты оказывается в штрафной бригаде. Это же на третьем этаже над нами. За тебя по лагерю разговоры идут. Мы хотели познакомиться. В какую смену ты работаешь?

- В третью, - ответил я.

- А мы, в первую. Приходи вечером к нам. Мы из тринадцатого отряда. Зайдешь, Валика спросишь, его все знают. Валик своему бригадиру зубы выставил, сейчас его все боятся, в отряде его все знают.

Они коротко рассказали мне о себе. Валик служил в армии. Был спортсмен, мастер спорта. Ездил на соревнования по всему Союзу. Как-то поехал на соревнования в Минск, а сам он из под Минска. Решил домой съездить навестить мать, и невеста у него там была. Пробыл дома трое суток, опоздал на соревнование. Ему в армии за это дезертирство приписали, четыре года дали. Женя геологом был. Все лето по тайге ходил. Когда вернулись на базу, им там банкет сделали. Все геологи перепились и передрались. Евгений кому-то челюсть сломал, за это ему два года дали. Он уже досиживал свой срок, а Валик только начинал, отсидел только четыре месяца. После обеда нас всех выпустили из столовой. Мы шли отрядами, бригадами. Все колонны двигались по направлению к штабу, там разворачивались и шли в казарму. Когда наша колонна развернулась около штаба, мы увидели на дороге замерзший труп. Он лежал на брезенте, у всех на виду. Колонны проводили специально прямо около трупа, чтобы все видели, что никто не сбежал, что лагерь хорошо

охраняется. Чем ближе я подходил, тем больше узнавал того заключенного, который неудачно вешался, которого я видел в больнице. На этот раз он нашел такое место, где его сразу не могли найти и обнаружили только собаками. Я был сильно подавлен тем, что не смог ему ничем помочь.

В этот вечер я не пошел к Валику и Жене. А ночью, когда я работал, у меня в ушах звенели слова: "Умереть даже не дают, мучают. Я не хочу быть рабом, понимаешь, не хочу, ты можешь им быть, а у меня сил уже нет, я не хочу". Я остановил станок для регулировки. Ко мне подошел старик Карпухин. Его так и не отпустили на условно-досрочное.

- Я вижу, на тебя впечатление произвело то, что ты видел днем. Я вот тоже, уже третий год здесь, а привыкнуть никак не могу. Значит, человека в тебе еще не убили, хотя, знаешь, тоже такое бывает, что думаю, что лучше бы и не родиться на свет, чем так жить, но все это надо пережить, - Карпухин оглянулся по сторонам и тихо спросил, - Ты Библию достать сможешь? Я в детстве Библию в руках держал, но не читал. Кто его знает,

сколько жить осталось. Сейчас на старости, я как ложусь спать, так начинаю о Боге думать, - Карпухин говорил мне, а сам выгружал трубы со шлангами около моего станка. Я и сам думал, что нужно как-то достать Библию. На следующий день вечером я пошел в тринадцатый отряд. Пришел, спросил Валика. Меня провели. Валик писал письмо, а Женя лежал на нарах и лежа рисовал. Он был неплохой художник. Женя первый увидел меня.

- Валик, Борис пришел. Давай соображай что-нибудь. Валик поднялся, загородил своей могучей фигурой проход между нарами, заулыбался. Потом крикнул:

- Эй, Шнырь, иди сюда.

Шнырями называли помощников завхоза отряда.

- Пойди, скажи блатным, что у меня гость сегодня. Мне нужен чай и конфеты, и пряников пусть подгонят, они дань с мужиков собирают, у них всегда это есть. Если через пятнадцать минут все это не будет у меня на столе, сам приду, башку оторву.

Женя кивнул на Валика и сказал:

- Я его воспитал, а то пришел тихоня такой. С блатными здесь только так и надо.

К моему удивлению, действительно через несколько минут Шнырь принес все, что потребовал Валик, да еще и в придачу две банки рыбных консервов. Валик поднялся, позвал кого-то. Подбежали два человека. Одного он заставил заварить чай, а другого поставил смотреть, чтобы если появятся дубаки, предупредить его. Ходить в другой отряд считалось нарушением. Мы сидели, пили чай. Они меня расспрашивали, как я попал в штрафную бригаду. Валик сидел и внимательно слушал, потом сказал:

- Если Цыган тебе хоть что-нибудь скажет, и не переведет тебя на вторую норму питания, то я поговорю с ним, а он знает, как я буду с ним разговаривать. Я ему сам это скажу.

- Валик, - сказал я, - Цыган это не от себя делает. Я числюсь

за КГБ. КГБ дает указание администрации лагеря, как со мной поступать. Ты из-за меня только второй срок заработаешь, и ничего от этого не изменится, так что, пожалуйста, не трогай Цыгана, не связывайся. Зло злом не победишь.

Валик согласился.

- Конечно, морды всем не понабиваешь, а второй срок заработаешь, это, точно, но все-таки я с Цыганом поговорю. Что бы администрация ни говорила, а бригадир всегда может найти выход, если захочет. Зазвенел звонок. Это значит, отбой, 10 часов, всем спать, такой порядок. Валик с Женей остановили меня. "Ушан стоит на стреме, не беспокойся". Ушанами в лагере называют слуг. Некоторые заключенные добровольно шли слугами к тем, кто за них мог заступиться от произвола бригадиров, завхозов, надсмотрщиков. Около Валика и Жени крутились многие, готовые хоть чем-то услужить и найти покровительство.

Я остался. Через два часа мне на работу. Мы продолжали пить чай и беседовать. Через проход спал завхоз тринадцатого отряда и храпел, как паровоз. Валик поднялся, снял с чьих то сапог грязные портянки, подошел к нарам завхоза и накрыл портянками его лицо. Завхоз во сне замычал, захрюкал, потом резко подскочил, но увидев Валика, извинился за свой храп. Я чувствовал, что Валик любит себя, как бы со стороны. Ему нравилось досаждать тем, кто сам измывался над заключенными, и понимал и уважал только силу. Вот Валик и играл роль Робин Гуда. Но он был действительно могучий

человек. Он рвал напоказ капроновую веревку, толщиной с мизинец. Дубаки приносили ему для интереса лошадиные подковы, и он руками выкручивал из них пропеллеры.

- Тебе только в цирке работать, - говорили дубаки Валику.

- А у вас здесь и есть цирк, - отвечал тот.

К религии оба пока не проявляли интереса. Их больше интересовали вопросы: "Видел ли я Сахарова? Русский он или еврей?". Евгений сказал, что мать у него еврейка, и он очень интересуется историей этого народа. А для Валика все было интересно.

Вскоре в штрафной бригаде все надсмотрщики снова не работали. Они немного поработали для видимости, просто чтобы все успокоились, а может, на случай, если прокурор приедет. Валик, все-таки, не послушался меня. Он подходил к Юрченко и разговаривал обо мне. Юрченко боялся его, ничего не возразил, но потом подошел к Жене и сказал:

- Пусть твой буйвол не лезет не в свои дела, а то у него сегодня здоровья много, а завтра его отнять можно, ты знаешь, как это делается. Если не остановитесь, будете у меня оба в штрафной бригаде работать. Сюткин меня в обиду не даст.

- Почему ты сам не скажешь это Валику? Боишься? Юрченко развернулся, ничего не сказал и ушел. Вечером мы пили чай. Женя рассказал о разговоре с Юрченко. Валик молча выслушал, ничего не сказал и вышел из казармы. Через минуту Женя подскочил с нар:

- Валик, наверное, пошел Цыгана бить. Быстрее в вашу

казарму!

Что произошло сразу, мы не видели, но когда мы забежали, Валик медленно шел на Цыгана. Цыган, выставив кулаки вперед, прикрывая ими лицо, отступал задом и кричал:

- Ванька, на помощь, сюда!

Потом он стал звать по именам всех надсмотрщиков. Те все видели и подкрадывались с боков и сзади к Валику, а Ванька Хохол летел напрямик. Ванька, примерно, одного года с Валиком, но на полголовы выше его и тоже сильный. Ванька, не останавливаясь, прямо на ходу, пытался нанести удар Валику, но тот перехватил его огромный кулак прямо около лица. Хохол тут же рухнул на пол от короткого сильного удара Валика. Цыган продолжал пятиться. Валик переступил через Ваньку, наступал на него. Мы с Женей остановили Валика. Тогда Валик взял деревянную табуретку, левой рукой поднял ее, и страшным ударом кулака правой руки, проломил в ней доску, бросил ее под ноги Юрченко и сказал:

- Вот это, Цыган, ждет тебя.

Валик развернулся и вышел из казармы. Ванька Хохол в это время уже поднялся, стоял, пошатываясь, и матерился. Это все происходило у всей бригады на виду. Все увидели, что не такой уж Юрченко всесильный. Мы с Женей долго беседовали с Валиком.

- Валик, - убеждал я его, - я же просил тебя не связываться с Юрченко из-за меня. Ты только срок себе добавишь и ничего не добьешься. Я не хочу, чтобы ты из за меня пострадал, у тебя

и так впереди, четыре года, а с Юрченко и с Хохлом я бы и сам справился, но я знаю, что в КГБ только и ждут такого момента, когда я начну кулаками защищаться.

На следующий день Валика отправили в штрафной изолятор на пятнадцать суток. Там он опять в чем-то провинился, и его задержали еще на пятнадцать суток. После инцидента с Валиком, когда его посадили в изолятор, Юрченко снова почувствовал над собой покровительство оперчасти, и его надсмотрщики снова стали избивать заключенных. Меня не трогали. А заключенные теперь после каждого избиения, стали писать жалобы прокурору, а меня просили писать об этом, как свидетеля. Теперь администрация никак не реагировала на эти жалобы. Заключенные нашей бригады становились смелее с каждым днем. Их избивали, они за это останавливали станки и не работали. Это уже было похоже на бунт. Надсмотрщики всю смену бегали по цеху с дубинками, выбивая план. Один из заключенных нашей бригады узнал, что не штрафная бригада, которая меняла нас, делала на 30 процентов меньше. Он стал делать на своем станке шлангов меньше, чем делал. Бригадир приказал надсмотрщикам, чтобы они следили, когда он пойдет в туалет, чтобы избить его. Напарник этого заключенного заметил, что когда тот пошел в туалет, за ним пошли все надсмотрщики и бригадир. Он тут же сообразил, что это, не просто так, и тоже пошел в туалет. Дверь в туалет была закрыта. Он услышал, что его напарника избивают. Он забежал в цех и крикнул:

- Братва, Цыган со своими вшестером Розмана избивают! Все, не сговариваясь, бросились в туалет. Такого еще не было, чтобы шестеро избивали одного. Это переполнило чашу терпения. Закрытые двери тут же вышибли. Толпа ворвалась в туалет. В узком проходе численный перевес не давал преимущества. Бригадир прятался за надсмотрщиками и орал:

- Убивайте этот скот! В стойло их, назад! Серега, прорывайся, зови дубаков!

Все страшно матерились. Ванька Хохол и еще один надсмотрщик, по кличке Танк, без устали вращали своими кулаками в проходе. Толпа отхлынула назад в цех. Ободренные этим надсмотрщики, выскочили из туалета. Это было их ошибкой, они потеряли преимущество. Николаев подбежал к столу, схватил кусок веревки и стал с этой веревкой вертеться вокруг Ваньки Хохла. А Ванька, выставив свои кулачищи, кидался, как зверь в разные стороны. Николаев выбрал момент и, как кошка, запрыгнул на спину Ваньки, моментально перетянул петлей ему шею. Много бил его Ванька за эту самую веревку, так накапливая в Николаеве ненависть к себе. Теперь эта ненависть придавала Николаеву решимость и силу. Ванька побагровел и захрипел зло и беспомощно. Другой заключенный концом толстой трубы безжалостно саданул Ваньку в живот. Ванька рухнул. Николаев продолжал стягивать петлю. Рядом пинали ногами Танка. Его свалили ударом трубы по голове. Он был весь в крови. Бригадир с остальными надсмотрщиками пытались

убежать. Кто-то метнул трубу, как копье, она догнала и свалила еще одного надсмотрщика. Остальных настигли уже на выходе из цеха. Били их беспощадно. Особенно жестоко избивали бригадира. И убили бы, если бы не опытный Карпухин. Он нашел выход, как прекратить это побоище.

- Братва, менты! - что есть силы закричал он.

И тут действительно откуда-то появились дубаки, а потом и солдаты. Избитых Цыгана и надсмотрщиков уволокли в больницу.

На следующий день Сюткин перед работой провел беседу с бригадой.

- Надо было мне сказать, что Цыган над вами издевался. Мы бы его убрали. Мы такой план никогда не требовали от бригады, это у: Юрченко сам придумал, администрация здесь ни при чем.

Все поняли, что оперчасть решила сделать из Юрченко козла отпущения. Он все делал по их указанию, но они сделали вид, что ничего не знали.

- На первый раз я вам прощаю, - продолжал Сюткин, - Но если у вас еще будет драка, то уголовное дело заведу. А троим, все-таки, придется отсидеть в штрафном изоляторе.

- Причем Перчаткин? Драку начали бригадир с надсмотрщиками, а Перчаткин и не дрался. Розмана вшестером избили, а сейчас его еще и в штрафной изолятор.

- Меня Хохол чуть ли ни каждую смену избивал, и никто его

в изолятор не сажал. Посадили нам этих бугаев на шею, план за них выполняй, а они избивают да еще в столовой и еду отбирают, - сказал Николаев.

- Сколько людей покалечили на этих станках, сколько эти изверги людей в петлю загнали, - крикнул кто-то из заключенных.

- Нас суд приговорил к лишению свободы, а не к голоду и издевательствам, - снова кто-то выкрикнул из толпы.

- Молчать! - заорал Сюткин, - Вы что, бунтовать вздумали? Что-то вы сильно разговорчивые стали последнее время. Если еще хоть слово кто скажет, солдат вызову. Мало вам было шестерых надсмотрщиков, так я над каждым солдата с дубинкой поставлю!

Нас увели в штаб, оттуда, в штрафной изолятор. Снова невыносимый холод, снова день летный, день пролетный. Время тянется долго. С 6 утра до 10 вечера, на ногах, нары пристегивают. Хожу, приседаю, делаю зарядку, чтобы согреться. Подсчитываю, когда должен выйти с изолятора Валик. Вспоминаю его и Женю. С ними интересно. Оба любознательные, с ними есть о чем поговорить. Думаю о семье, подсчитываю, сколько осталось до освобождения. Так и пролетели пятнадцать суток.

Меня вывели из изолятора, и повели по проходу из колючей проволоки. У входа я увидел Женю и Валика. Они ожидали меня.

- Сегодня у вас в бригаде выходной день, сейчас у вас

выходные сделали, два, три раза в месяц, так что сейчас сразу в баню идем. Здесь для бригадиров и блатных парилка есть. Мы с Валиком договорились, чтобы попариться, - говорил Женя на ходу. Мы хоть и не общаемся с блатными, но они нас за своих принимают.

- Ты сейчас такое увидишь! - сказал Валик. Женя его тут же остановил:

- Не порть остроту момента, пусть сам увидит.

Мы пришли в парилку. Парилкой оказалась камера, где пропаривали одежду и матрацы заключенных, у которых были вши. А сейчас сюда занесли несколько деревянных скамеек, и эта пропарочная камера превратилась в сауну. Приятно было греться после пятнадцати суток холода.

- Ушан! - крикнул Валик, - Быстро, чаю!

- Сейчас, сейчас, - слышалось из за двери.

Голос показался мне знакомым. Дверь открылась. Я не поверил своим глазам. Перед нами стоял Юрченко. Он принес чай и несколько пряников.

Молодец! - похвалил его Валик, - А теперь, пока мы будем пить чай, ты чтобы всем сапоги почистил. Юрченко молча кивнул и вышел.

Я верил и... не верил. Бывший бригадир штрафной бригады, доверенное лицо оперчасти, и вдруг, ушан, прислуживает Валику и Жене.

- Ну, как сюрприз? - заулыбался Женя.

Цыган уже не бригадир, простым работягой пашет у нас в

тринадцатом отряде. Долго он оперчастью прикрывался, а теперь он им не нужен стал. Они его использовали и под сплав пустили. А ведь в зоне не только оперчасть решает, кулак по зоне гуляет и большой вес имеет.

Вскоре в лагере меня уже почти все знали в лицо. Мне трудно было найти момент, чтобы побыть одному. В выходные дни я гулял по лагерному двору, обычно в окружении любопытных заключенных. Интересы у всех были разные, но я всегда старался перевести беседу на вопросы морали и религии. Христианская мораль некоторых раздражала, так как кругом они видели победу зла и насилия и торжество грубой силы. Однажды мы проходили мимо столовой. За столовой была лагерная помойка. По помойке ходили человек двадцать страшно худых заключенных, в рваной одежде. Сапоги у некоторых почти совсем развалились. Это были чуханы, как их здесь называют. Большею частью это были те, кто не мог противостоять чудовищной лагерной системе. Они не имели ни физической силы, ни силы воли, ни человеческого достоинства, ни друзей, которые могли бы их защитить. Они позволяли забирать у них одежду, лишать их пищи. На помойке они собирались в ожидании, когда выбросят картофельные очистки. Я остановился и стал наблюдать. Те, кто были со мной, тоже остановились. Чуханы кружили во дворе столовой. Иногда кто-то что-нибудь подбирал, рассматривал, нюхал, пробовал, иногда тут же съедал. Впечатление было тягостным, но главное было впереди. На пороге появился помощник

повара с ведрами. За ним вышли еще несколько человек.

- Чух, чух, чух, - закричал помощник повара. Изнеможенные, доведенные до состояния животных люди, бросились на этот зов. Когда они сбились плотной толпой, кто-то из окружения помощника повара бросил им булку хлеба. Этот хлеб тут же утонул в сплетении человеческих тел. Потом туда полетела еще булка хлеба. Теперь между всеми происходила борьба за обладание, как можно большего куска хлеба. В это время помощник повара с размаху вылил на этих бедных людей помой, но борьба за обладание хлебом ничуть не уменьшилась. После этого в помойный ящик высыпали мешок с картофельными очистками. Толпа голодных бросилась к ящику, все стали хватать очистки. Некоторые ели их прямо тут, сырыми. Другие набивали ими карманы и уходили. Помощник повара и его окружение смеялись.

- Как это исправить вашей христианской моралью? - спросил меня Мамедов, мусульманин с Кавказа, очень порядочный человек. На воле он был тренером по борьбе дзюдо, а сидел за посредничество в спекуляции. Срок, два года, - Мы, мусульмане, - продолжал он, - решаем это так, - Он подошел к помощнику повара и

нанес ему сильный удар в лицо. Тот устоял и пустым ведром ударил Мамедова по плечу. Остальные работники столовой дружно накинулись на него.

- Посмотрим, как Аллах Мамедову поможет, - сказал Валик.

- Разнять их надо, - сказал я и направился к дерущимся. Валик опередил меня. Несколькими пинками он разогнал толпу, а помощника повара поймал за подбородок, подтянул его лицо к своему и твердо, но зловеще, приказал:

- Лезь в ящик и жри очистки сам, мразь. Пришедший в себя Мамедов, подлетел к помощнику повара и ударил его по уху. Это еще подхлестнуло Валика. Он своими кулаками, как кувалдой, ударил помощника повара по голове. Тот упал на колени. Мы с Женей оттащили Валика и Мамедова со двора столовой. Потом шли по лагерному двору, а Валик оправдывался, что никого в жизни не бил без причины.

Глав 33 Уроки Библии

Вскоре нам удалось получить Библию. Зина приехала в Свердловск, связалась с не зарегистрированными баптистами. Им удалось подкупить дубака по кличке Вася-тавда, и он передал мне продукты и Библию. Потом через этого дубака я получил еще две Библии и продукты. Дубак сильно боялся, потому что я числился за КГБ, но свердловские баптисты хорошо платили ему. Два раза при обыске у меня отбирали Библию. Оба раза я получал по пятнадцать суток штрафного изолятора. Женя с Валиком успели прочитать Библию. Они буквально впитывали ее в себя, обладая хорошей памятью.

С третьей Библией мы решили поступать так: мы сделали тайник в лагерной библиотеке. Библиотекарь Сергей Гелик, бывший офицер, сам взялся хранить Библию. Желающих читать ее было много. Установили очередь. За этим следил Сергей. Когда кто-нибудь читал, то несколько человек наблюдали за дубаками. Если дубаки шли в библиотеку, то Библию тут же забирал и прятал Сергей. Месяца два кто-то выдал, где читают Библию. Как-то после работы мы сидели в библиотеке и беседовали. Мамедов читал Библию. Кто-то из наблюдателей крикнул:

- Братва, дубаки бегут!

Сергей исчез с Библией, а мы все уткнулись глазами в заранее приготовленные книги. Дубаки заскочили в библиотеку.

- Всем оставаться на местах! Не шевелиться! Дубаки все перевернули, но Библию не нашли. Так до моего освобождения мы благополучно изучали ее. Может быть она и сейчас находится в библиотеке, передается по наследству и огнем спасительной истины освобождает духовных пленников.

Жизнь в лагере шла своим чередом. Напряженная работа за миску баланды, беспокойный сон, слухи об эпидемии самоубийств.

Месяца за два до освобождения я бежал в толпе штрафной бригады в умывальник. У входа в умывальник - там был и туалет - возникло какое-то замешательство. Потом заключенные снова один за другим стали заскакивать в помещение. Когда я подбежал к двери, то увидел, что все

перескакивают через человека, лежащего на грязном цементном полу. Он хрипел. Из рта у него шла пена, но никто не обращал на него внимания. Пальцы рук его шевелились, душа его была в нем и взывала о помощи. Хотя я много уже повидал в лагере, но был поражен безразличием заключенных. На вопрос: "Что с ним? Давно ли он здесь?", никто не ответил, никого это не интересовало. Тут подбежал старик Карпухин.

- Что с ним?

- Сам спрашиваю, никто не знает.

- Будь с ним, - попросил я Карпухина, - А я - в больницу.

- Хорошо, только давай в коридор его вытащим, а то затопчут его здесь. Видишь, как спешат быстрее умыться и, в столовую. Боятся остаться без баланды, а что человек умирает, всем наплевать.

Мы потащили умирающего в коридор. Карпухин приговаривал:

- Эх, до чего дожить пришлось, жизнь человеческая дешевле баланды стала. Эх, люди, люди, - всхлипывая, причитал Карпухин. На умирающего капали его слезы. Я вернулся с двумя санитарями. Несчастного унесли в больницу. На следующий день мы с Карпухиным пошли в больницу. Он лежал желтый, с заостренным носом. Глаза закрыты.

- Может спит, - сказал Карпухин.

- Нет, не сплю, - не открывая глаз, тихо ответил он.

- Поговорить можно? Мы санитаров вызвали, а то бы тебе, конец, - продолжал Карпухин.

- Ну и что? Кто вас просил?

Мы с Карпухиным переглянулись. Все понятно, попытка самоубийства.

Не открывая глаз он продолжал

- В петлю лезть страшно было, многих видел, снятых с петли. Страшные они после такой смерти. Выпил я каких-то растворителей, если бы вы не помешали, был бы я свободен. А зачем жить? Мучиться здесь еще семь лет под кулаками за баланду работать? Нет, это не для меня. А если освобожусь, кому я нужен? Нет, такая жизнь мне не нужна.

Он постепенно впадал в истерику. С трудом мы его успокоили. Условились быть друзьями и приходить к нему. Мы поняли, он один, и не на кого ему опереться.

Предложили ему поддержку.

- Теперь мы тебе, как крестные отцы, в беде не оставим, - сказал Карпухин. Николай, так звали несчастного, впервые улыбнулся.

Глав 34 Освобождение и последняя трагедия

К освобождению у меня уже было много друзей в лагере. 18 августа 1982 года, в день моего освобождения, с утра в

нашей казарме собралось много народу. Все подходили ко мне, пожимали руку. Кто благодарил за поддержку, как Николай, кто просто желал счастья, а те, с кем я встречался в лагерной библиотеке, шутили:

- Жалко, что срок у тебя кончился.

По лагерному радио сообщили: "Гражданин Перчаткин, явитесь на вахту!". Я пошел, оставляя новых друзей, оставляя казарму. Я не оглядывался, но чувствовал за собой сотни глаз.

Вот я пересекаю лагерный двор. Из рабочей зоны выезжает трактор. Он тяжело тащит прицеп, груженный лагерной продукцией. Прохожу мимо какого-то заключенного, старика лет семидесяти. "И за что его здесь держат?", - подумал я. В это время трактор поравнялся со мной и со стариком. Старик безразлично смотрит на небо и вдруг, резко для своего возраста, упал под колеса тяжелого прицепа. Я что-то закричал от неожиданности и отчаяния. Мой крик утонул в страшном предсмертном крике старика. Трактор тут же остановился. Сбежались дубаки. Тракторист возмущался:

- Штрибан (так звали в лагере стариков) под тележку сиганул, рассчитал, чтобы я не видел.

- Перчаткин, не задерживайся! Тебя мать ждет за воротами, - крикнул дубак с вахты. Последняя, увиденная мною трагедия в лагере, последний окрик.

С тяжелым чувством захожу на вахту. Дубак подает мне одежду, что передала мать. Я переодеваюсь, получаю документы. Ко мне подходит майор Малинкович:

- Мне поручено поговорить с тобой перед выходом, так что приглашаю в кабинет.

Он, как обычно, вульгарен и циничен. Да, это не тот еврей, каких я знаю. Среди каждого народа есть негодяи. Среди евреев я увидел их здесь, в лагере номер 10. И вот, я в кабинете у Малинковича. Кабинет на вахте у него обычный, небогатый, не такой, как в штабе лагеря. Здесь он принимает родственников заключенных, разные общественные комиссии.

- Ну что, Перчаткин, мне поручено предупредить тебя. Все, что ты здесь видел, что слышал, что пережил, забудь. Если будешь об этом говорить или писать, то ничего доказать не сможешь, все это будет клевета. За клевету снова попадешь к нам. Опыт у тебя уже есть, ты знаешь, как наказывают за клевету на родину.

После кабинета Малинковича я иду уже один, считаюсь уже свободным человеком. Я иду и вижу из окон второго этажа, как подъехали две тюремные машины. Из них стали выпрыгивать люди. Пригнали новый этап. Я остановился у окна вахты, смотрел на прибывший этап. Этапники двигались по лабиринту из колючей проволоки. Пройдет немного времени, кто-то из них приспособится, станет надсмотрщиком или бригадиром, кто-то попытается найти справедливость и попадет в штрафники, а кто-то будет ходить по лагерным помойкам и есть картофельные очистки. Будут и такие, для которых не откроются двери вахты. Вывезет их из ворот телега с впряженными людьми. Охрана на вахте сначала стальными прутьями проколет им пятки, может, притворился, и для

уверенности пробьют череп заостренным молотком. Для таких это пропуск на свободу. А на лагерном кладбище над ним поставят колышек с дощечкой. Ни имени, никаких дат, только номер. Пойди потом мать, найди своего сына, или жена, мужа, или дети, отца.

Я провожаю взглядом этап. Спины последних исчезают в ненасытном чреве лагеря.

Эпилог

После освобождения я узнал, что еще двадцать семь человек находятся в тюрьмах и лагерях. Кроме того, в разных местах Союза, в один и тот же месяц произошли пять зверских убийств в семьях верующих, которые активно добивались выезда по религиозным мотивам. В Находке был убит сын наших соседей - Ваня Белоусов. Ваню живого жгли паяльными лампами. Я обо всем сообщил по телефону в США и через полгода был снова арестован.

И снова - круги ада: шесть месяцев тюрьмы в Комсомольске-на-Амуре, из них четыре месяца в камере смертников, Хабаровская тюрьма, Магаданская тюрьма. И наконец, колымский лагерь номер 4, в поселке Ухтар. И снова штрафная бригада, и снова изнурительные двенадцатичасовые смены без выходных.

Штрафная бригада была сформирована в основном из убийц. Слева от меня спал людоед, по кличке дедушка Саид.

Справ - убийца Витька Якут. Надо мной, на верхних нарах - убийца по кличке почтальон Печкин. В таком окружении я провел полтора года. В лагере мне пришлось встретиться с интересными людьми: диссидентом Арнольдом Еременко, который отбывал срок по сфабрикованному делу за "хищение" собственных дров. Впоследствии он стал членом Российского парламента.

Перед освобождением мне удалось встретиться с Мустафой Джамилевым, активистом возвращения крымских татар на историческую родину в Крым. Мустафа отбыл шесть сроков по статье 190-1. В настоящее время он является главой правительства крымских татар. Еще я встретился с православным священником, который также отбывал срок заключения по сфабрикованному делу, за драку. В лагере его называли отец Гермоген.

За все время я не получил ни одного письма, был в полной изоляции. Я не знал, что с моей семьей. Как я узнал после освобождения, моя семья не получила от меня ни одного письма, хотя я регулярно писал каждый месяц одно письмо, разрешенное строгим режимом.

За три недели до освобождения оперативник лагеря зачитал мне письмо от жены, в котором она сообщала, что им с матерью назначили суд на 21 августа. Это известие было для меня самой страшной пыткой. Несмотря на то, что началась перестройка, их все-таки судили, но вскоре они попали под горбачевскую амнистию.

Освободился я 27 августа. После моего освобождения Американская Комиссия Конгресса по правам человека предложила мне написать доклад о положении верующих в СССР.

С Комиссией Конгресса я встретился в Москве.

Спустя три месяца я получил приглашение на встречу с Государственным Секретарем - господином Шульцем для обсуждения вопроса выезда верующих из СССР.

Через неделю по поручению Государственного Секретаря США я встретился и вел переговоры с заместителем Государственного Секретаря - господином Шифтером. Через месяц меня пригласил для беседы Председатель Верховного Суда США. Он объяснил мне сложность нашего вопроса. "Весь вопрос - в финансировании. По закону, мы принимаем беженцев по национальным мотивам - евреев и политических беженцев -диссидентов. На сегодняшний день у нас нет закона для беженцев по религиозным мотивам, значит Конгресс не может выделить деньги. Временно мы можем принимать вас по еврейским вызовам. Это может продолжаться недолго, так как на вас будут расходоваться деньги выделенные на евреев, и еврейские общественные организации заявят протест, а у них сильные позиции в Конгрессе. Вы должны добиться, чтобы вас выслушали в Конгрессе, чтобы узаконить статус беженца по религиозным мотивам. Ведь вам тоже не понравится, если деньги, выделенные на беженцев по религиозным мотивам, будут использованы на цыган, которые будут выдавать себя за

пятидесятников, как вам сейчас приходится выдавать себя за евреев.

30 мая я был приглашен на встречу с Президентом США - господином Рейганом. Встреча продолжалась два часа. Господин Рейган сказал, что все, о чем я говорил сейчас, я должен сказать в Конгрессе США. Во время банкета ко мне подошел один из помощников Президента и вручил приглашение в Конгресс США на 4 августа 1988 года.

10 июня я получил визу на выезд в США. На следующий день ко мне домой приехал генерал КГБ Гринев. "Ты что думаешь, что все закончено, что ты выиграл? Мы руками твоих же братьев тебе такую оплеуху преподнесем, что ты не очухаешься. Ты своей головой пробивал железную стену. Сейчас в пролом ринутся ваши верующие, по твоей спине побегут и тебя же растопчут. Наши люди везде есть!"

Признаться, все так и случилось. Люди КГБ действительно есть везде. Это все я почувствовал очень скоро.

26 июля 1988 года я с семьей прибыл в Америку. 4 августа 1988 года я зачитал доклад перед Конгрессом США о положении верующих в Советском Союзе. На примере своей семьи и на примере общины пятидесятников города Находка я описал положение пятидесятников в Советском Союзе. В здании Конгресса, идя к трибуне, где я должен был зачитывать доклад, я мысленно окинул всю длину огненной тропы, которая привела меня сюда.

Только сейчас я отчетливо понял, что мне надо было пройти ее.

Если бы я не прошел через все трудности: опасные встречи с дипломатами, передачи им документов о положении верующих, многократные рискованные поездки, обыски, аресты, побег, тюрьмы, лагеря, пытки, голод, убийственная работа в штрафных бригадах - через все то, о чем я должен буду говорить, я никогда бы здесь не был.

Бог провел меня и мою семью через все трудности, которые испытывал народ Божий во время советской власти. О чем бы я мог говорить в Конгрессе за народ, если бы я сам не испытал все в полной мере?

После моего доклада, через два месяца Конгресс проголосовал за предоставление статуса беженец для пятидесятников и выделил деньги для беженцев по религиозным мотивам. Через два года - для баптистов и адвентистов.

То, что Соединенные Штаты узаконили статус беженца по религиозным мотивам, оказалось еще не решением всей проблемы. Советский Союз упорно не хотел признать, что люди покидают страну по религиозным мотивам и в ОВИРах открыто требовали израильские приглашения. Я обратился к Анатолию Щаранскому, который в то время был членом парламента Израиля, с просьбой организовать отправку израильских вызовов для тех, кто желает покинуть СССР по религиозным мотивам.

Щаранский обратился в МИД Израиля и получил отказ. Высылать приглашения на славянские фамилии Израиль отказался. Анатолий пояснил мне, что он может выслать от себя лично двадцать, тридцать, пятьдесят вызовов, но проблема не решиться.

Я узнал, что можно покупать приглашения в Нью-Йорке, на Брайтон Бич. За них надо было платить деньги. Мне пришлось около двух лет ездить по американским церквям, искать спонсоров и средства на оплату вызовов.

Таким образом, до 1990 года я оплатил около тысячи приглашений.

На сегодняшний день свыше 400 000 пятидесятников, субботников, баптистов и адвентистов въехали в США со статусом беженец.

"Помните узников, как если бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле".

Послание к евреям. Гл. 13, стих 3.

Дорогой читатель!

Одной из целей этой книги было напомнить о годах борьбы, страданий, жертв - с одной стороны и провокаций, предательств и стремлений скрыть правду о нашем исходе - с другой.

Удивительно как много среди нас оказалось людей, которые верно служили советской власти до тех пор пока эта власть не развалилась, а сейчас воспользовавшись статусом беженец приехали в США и оседлали многие церкви. А ведь раньше они проповедовали, что Советская власть от Бога, а не покорные Советской власти не покорны Богу и в то время вместе с КГБ в меру своей возможности гнали нас и наши семьи. Сейчас они банкиры небесных банков. Бесконтрольно распоряжаясь церковными деньгами строят себе дворцы и с усердием служат мамоне. А бывшие узники Веры остались в забвении, какая короткая память у нашего народа?

Но наши жертвы не были напрасными. Вступив в смертельную схватку с красным драконом, мы роди Христа обрекли себя и свои семьи на страдания, а многие потеряли жизнь. И пусть эта книга напомнит вам, ценой каких жертв мы все обрели свободу.

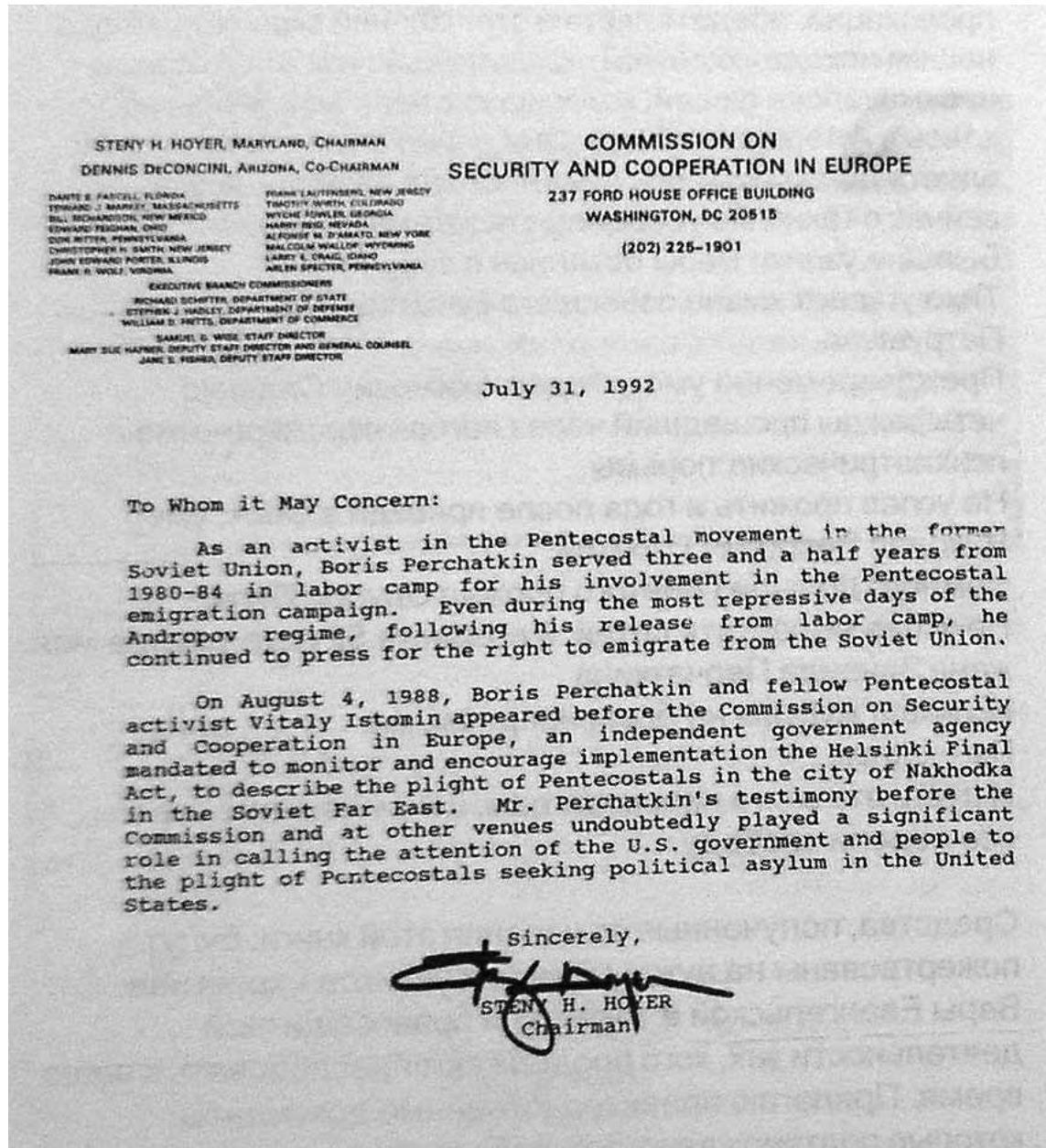
Средства, полученные от издания этой книги, будут пожертвованы на нужды бывших узников - христиан Веры Евангельской а также для правозащитной деятельности тех, кого продолжают преследовать в наше время. Прилагаю

правительственные документы, которые подтверждают, что работа продолжается. Если Вы хотите поддержать или сотрудничать с автором - пишите: arrcboris@yahoo.com

"В книге "Огненные тропы" демонстрируется важное значение свободы религии в нашем мире. Сегодня мы должны извлечь большой урок из тех нечеловеческих условий преследований христиан в бывшем советском Союзе, о которых повествует эта книга. Американцы должны увидеть, что нация, отвергающая свободу религии - это нация, не имеющая ни морали, ни прав человека..."

Michael D. Bowman, Family Research Council Director State and Local Affairs, Washington, D.C., USA

Фото и приложения

COMMISSION ON
SECURITY AND COOPERATION IN EUROPE

237 FORD HOUSE OFFICE BUILDING
WASHINGTON, DC 20515

(202) 225-1901

August 29, 1995

Mr. Boris Perchatkin
American-Russian Institute for
Adaptation
P.O. Box 14051
Portland, OR 97214

Dear Mr. Perchatkin:

We are writing to inform you of our renewed focus on issues affecting the freedom of religious practice and to introduce you to our new Congressional Fellow, Karen Lord, who is a welcome addition to the staff of the Commission. Karen is an attorney with experience in the field of religious liberty and is joining the Commission as Counsel for Religious Freedom. She will concentrate full time on the problems of religious persecution and discrimination in the member states of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). We would greatly appreciate your bringing to the Commission's attention any information regarding religious persecution or discrimination in this region.

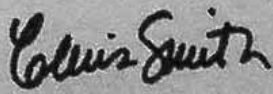
Since the historic signing of the Helsinki Accords 20 years ago, the Commission on Security and Cooperation in Europe has been at the forefront of human rights and security issues in Western Europe and in the countries of the former Soviet Union. The Commission continues to champion basic human rights as the newly independent countries begin to build their own democratic institutions and traditions.

As Chairmen of the Commission, we are personally committed to encouraging and protecting freedom of thought, conscience, and religion around the globe. Intolerance and discrimination against people of faith continue to occur within the OSCE. Some governments have passed laws preferring one religion over the others, and officials often turn a blind eye to harassment or discrimination on the local level.

We have appreciated working with you in the past on these issues and welcome future collaboration to ensure religious liberty for all faith traditions.

Sincerely,

Alfonse D'Amato
Co-Chairman

Christopher H. Smith
Chairman

COMMISSION ON
SECURITY AND COOPERATION IN EUROPE

234 FORD HOUSE OFFICE BUILDING
WASHINGTON, DC 20515

(202) 225-1901

September 15, 1995

Mr. Boris Perchatkin
American-Russian Institute for Adaptation
P.O. Box 14051
Portland, OR 97214

Dear Mr. Perchatkin:

As Co-Chairs of the Commission on Security and Cooperation in Europe, we are inviting you to submit a written statement for the public record in conjunction with a briefing on religious liberty in the member states of the Organization on Security and Cooperation in Europe (OSCE). Your comments should be submitted to the Helsinki Commission by Monday, September 25.

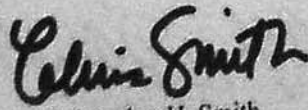
You are also invited to attend the briefing, entitled "Religious Liberty in the OSCE: Present and Future," which is scheduled for Wednesday, September 27, from 10:00am to 12:00 noon in Room 2325 of the Rayburn House Office Building. Our panel includes Professor Paul Marshall, Senior Fellow at the Institute for Religion and Democracy; Professor Lynn Buzzard, Professor of Law at Campbell University; Dr. Khalid Duran, Senior Fellow at the Institute for International Studies; and Mr. Micah Naftalin, National Director of the Union of Councils for Soviet Jews.

Since the dissolution of the Soviet Union, there has been a significant change in the religious liberty landscape within the OSCE. Unfortunately, the legacy of religious intolerance is not easily overcome. We would like you to assess the current religious liberty trends within the OSCE countries and to offer your views as to the future of religious tolerance in the region. Your perspective is valuable as the Commission prepares for an OSCE Human Dimension Implementation Meeting in Warsaw from October 2-19, which will include discussions on the status of religious liberty within the OSCE.

We look forward to your submission as part of the briefing record. If you have any questions, please feel free to contact Karen Lord at 202-225-4051.

Sincerely,

Alfonse D'Amato
Co-Chairman

Christopher H. Smith
Chairman

CHRISTOPHER H. SMITH, NEW JERSEY, CHAIRMAN
ALFONSE D'AMATO, NEW YORK, CO-CHAIRMAN

JOHN EDWARD PORTER, ILLINOIS
FRANK R. WOLF, VIRGINIA
DAVID FLAHERTY, NORTH CAROLINA
WATT SALMON, ARIZONA
STEVE H. NOYER, MARYLAND
EDWARD J. MARKEY, MASSACHUSETTS
BILLY RICHARDSON, NEW MEXICO
BENJAMIN L. CARON, MARYLAND

BEN HIGHTHORSE CAMPBELL, COLORADO
DINE REMAPTHORNE, IDAHO
BRICK SANTOLUCCI, PENNSYLVANIA
SPENCER ABRAHAM, MICHIGAN
FRANK LAUTENBERG, NEW JERSEY
HARRY REID, NEVADA
BOB CRANMAN, FLORIDA
RUSSELL D. FEINGOLD, WISCONSIN

EXECUTIVE DIRECTOR
JOHN SHATTUCK, DEPARTMENT OF STATE
ASHLEY CARTER, DEPARTMENT OF DEFENSE
FRANK, DEPARTMENT OF COMMERCE
DOROTHY D. TAFT, CHIEF OF STAFF
MICHAEL R. HATHAWAY, DEPUTY CHIEF OF STAFF

COMMISSION ON SECURITY AND COOPERATION IN EUROPE

234 FORD HOUSE OFFICE BUILDING
WASHINGTON, DC 20515

(202) 225-1901
FAX: (202) 226-4199
E-MAIL: CSCE@HR.HOUSE.GOV

October 7, 1996

Dear Friend:

The next review meeting of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) will open shortly in Vienna to review developments in a wide range of areas affecting Europe's future: conflict prevention, military security, human rights, economic reform, and the environment. In preparation for the Vienna Review Conference, the Commission is now compiling information on issues concerning all aspects of the OSCE. We are interested in hearing from non-governmental organizations and individuals on specific issues and concerns that should be raised at the Vienna meeting.

In addition to reviewing implementation of key human rights and other commitments, the meeting will prepare for a summit of Heads of State or Government from the OSCE countries to be held in Lisbon on December 2-3.

The Helsinki Commission, which we co-chair, will play an integral role at the Vienna Review Conference, scheduled to be held from Monday, November 4 to Friday, November 22, 1996. The Commission has been asked to take a leading role for the U.S. in the human rights working group, which includes such areas as human rights and fundamental freedoms, democratic development, tolerance and non-discrimination, national minorities and free media. To this end, we would appreciate hearing from you or receiving any suggestions or materials you might have by October 25.

Representatives of non-governmental organizations (NGOs) will be able to attend and contribute to the work of the human rights group, which will meet during the first two weeks of the conference (November 4 -- November 15). According to the Vienna meeting's agenda, representatives of NGOs are invited to make written presentations through the OSCE Secretariat on the basis of which they may address specific questions orally as appropriate. Information regarding NGO participation and public access to the meeting may be obtained directly from:

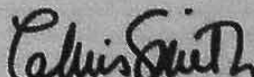
For Human Rights: Mr. Jacek Paliszewski
OSCE Office of Democratic Institutions and Human Rights
Warsaw, Poland
tel. (48) (2) 625-7040; fax (48) (2) 625-4357; e-mail: office@odihr.osce.waw.pl

For Others: Mr. Vladimir Dronov
OSCE Secretariat
Karltnerring 5-7
Vienna, Austria
tel. 43-1-51-436-116; fax. 43-1-51-436-99

The Commission thanks you for your interest.

Sincerely,

ALFONSE D'AMATO
Co-Chairman

CHRISTOPHER H. SMITH
Chairman

UNITED STATES COMMISSION ON
INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM

June 25, 2000

Mr. Boris Perchatkin
President
American Russian Relief Center
P.O. Box 871448
Vancouver, WA 98687

Dear Mr. Perchatkin:

I am pleased to send you a copy of the first Annual Report of the U.S. Commission on International Religious Freedom, along with the Staff Memorandum prepared in its support. The report was submitted to the President, the Secretary of State, and Congress on May 1 as per the International Religious Freedom Act of 1998.

While the Commission is tracking violations of religious freedom in many countries, this first report focused primarily on Sudan, China, and Russia, recommending U.S. policy responses to the varied problems in each.

We hope you find this information both interesting and useful. We welcome any reliable information you may wish to share with us regarding violations of religious freedom abroad.

Sincerely,

Steven T. McFarland
Executive Director

*Was good to see you again at FRC
this month.*

Rabbi David Saperstein, Chair - Dean Michael K. Young, Vice Chair - Hon. Elliott Abrams - Laila Al-Marayati, M.D.
Hon. John R. Bolton - Firuz Kazemzadeh - Archbishop Theodore E. McCarrick - Nina Shea
Justice Charles Z. Smith - Ambassador Robert A. Seiple, Ex-Officio - Steven T. McFarland, Executive Director

UNITED STATES COMMISSION ON
INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM

The U.S. Commission on International Religious Freedom

Requests Your Participation in Its First
NGO/Religious Communities Forum

The Commission invites you to attend a meeting to begin a series of discussions between the USCIRF, NGO, and religious communities.

The Commission would like to take this opportunity to inform you of what we are doing:

- Commission activities and countries it is monitoring
- Economic tools to be recommended by the Commission to promote religious freedom

The Commission would also like to hear from you:

- To answer your questions
- To solicit your input for topics for future USCIRF/NGO/religious communities roundtable discussions

WHEN: March 2, 2001
10:00a.m. – 12:00p.m.

WHERE: General Services Administration
18th and F Streets, NW (entrance on 18th Street)
Room 1031 (first floor auditorium)

Please confirm your attendance with Eileen Sullivan (esullivan@uscirf.gov) or
202-523-3240, ext. 26) NO LATER THAN FRIDAY, FEBRUARY 16, 2001.

Hon. Elliott Abrams, *Chairman* • Firuz Kazemzadeh, *Vice Chairman* • Laila Al-Marayati, M.D. • Hon. John R. Bolton
Archbishop Theodore E. McCarrick • Rabbi David Saperstein • Nina Shea • Justice Charles Z. Smith • Dean Michael K. Young
Ambassador-at-Large for International Religious Freedom, *Ex-Officio* • Steven T. McFarland, *Executive Director*

800 NORTH CAPITOL STREET, NW, SUITE 790 • WASHINGTON, DC 20002 • 202-523-3240 • 202-523-5020 (FAX)

UNITED STATES COMMISSION ON
INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM

March 27, 2001

Mr. Boris Perchatkin
American-Russian Relief Center
P.O. Box 871448
Vancouver, WA 98687

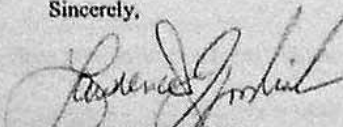
Dear Mr. Perchatkin:

I have received your fax dated March 26 with documents regarding the Khabarovsk Regional authorities' refusal to register the Triumph of Faith Christian Evangelical Church in Amursk, Russia.

We are passing copies of these documents to the Department of State, with a request that they look into the matter and keep us informed.

Thank you for sending us this information and for your support of the Commission's work. It was good to see you at our meeting at the beginning of the month in Washington.

Sincerely,

Lawrence J. Goodrich
Director of Communications

Hon. Elliott Abrams, *Chairman* • Firuz Kazemzadeh, *Vice Chairman* • Laila Al-Marayati, M.D. • Hon. John R. Bolton
Archbishop Theodore E. McCarrick • Rabbi David Saperstein • Nina Shea • Justice Charles Z. Smith • Dean Michael K. Young
Ambassador-at-Large for International Religious Freedom, *Ex-Officio* • Steven T. McFarland, *Executive Director*

600 NORTH CAPITOL STREET, NW, SUITE 700 WASHINGTON, DC 20002 202-523-3240 202-523-3020 (FAX)

United States Department of State

Washington, D.C. 20520

November 30, 2001

Mr. Boris Perchatkin
American-Russian Relief Center
9705 N.W. 26th Avenue
Vancouver, WA 98665

Dear Mr. Perchatkin:

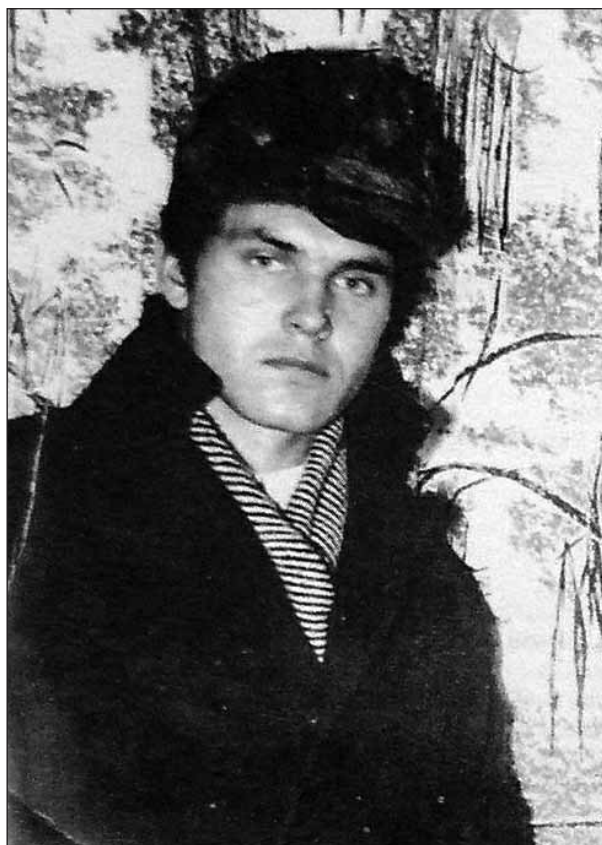
Thank you for your visit this fall to the Department of State with the Pentecostal bishops from Belarus and others to discuss the status of religious freedom. I would like to take this opportunity to acknowledge the helpfulness of your visits and letters to the Department of State during the past two years, providing us with information about religious freedom in the former Soviet Union. We appreciate your perspective and those of your Pentecostal colleagues and other evangelical Christians.

Although your efforts have often focused on the situation in Russia, those you have brought to Washington, not only from Russia, but also from Ukraine and Belarus, have provided us with first-hand witness of events. Your reporting -- sometimes the first account of an event -- helps make our Annual Country Reports on International Religious Freedom and Human Rights the kinds of document upon which the international community has come to rely. We look forward to keeping in touch.

Sincerely,

Nancy Maisto Hewett, Ph.D.
Foreign Affairs Officer
Office of International
Religious Freedom

Cc: Timothy Richardson, Russia Desk Officer
Karen Malzhan, Senior Ukrainian Desk Officer
Stefanie Altman, Country Report Team Officer

1977 г. Снимок сделан перед встречей
с капитаном Климовым в лесу

1977 г. Активисты эмиграционного движения. Вверху слева
направо: В.Степанов и В.Арбузов, внизу слева направо
В.Патрушев и Б.Перчаткин

Сентябрь 1980 г. Зина с детьми, спустя
два месяца после моего ареста

Апрель 1981 г. Владивосток, в зале суда

После суда. Снимок из итальянской прессы

Слева направо: Т.Прокопчик, Н.Прокопчик, З.Перчаткина, Н.Истомина и В.Истомин

Сентябрь 1982 г. После первого срока. Слева направо: Б.Перчаткин и В.Истомин

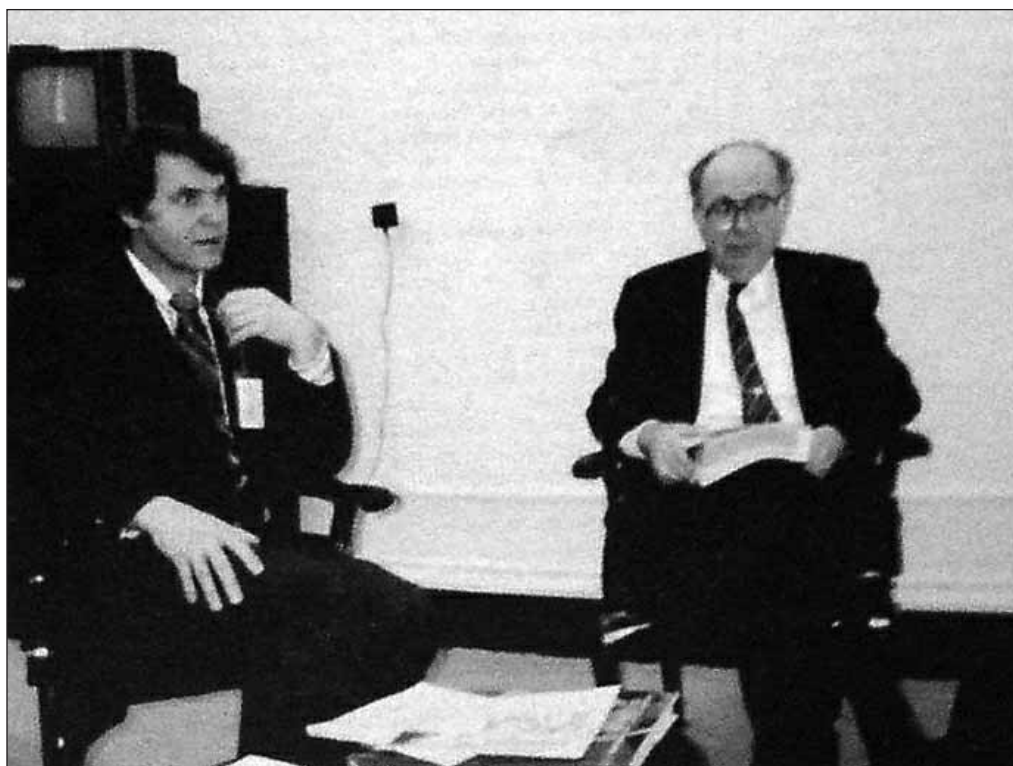
В.Истомин, первый день после освобождения.
Май 1982 г.

Через три месяца после
освобождения из колымского
лагеря 1986 г.

1988 г. Даллас, штат Техас. Кестонский институт, поиск спонсоров для иммигрантов по религиозным мотивам

1993 г. Беседа о продлении иммиграции по религиозным мотивам с Ричардом Шифтером, советником президента Клинтона

National & International Religion Report

A Biweekly
News Briefing

April 18, 1994
Volume 6, Number 9

IN THIS ISSUE

Religion in Society	
Brutal Russian Persecution	1
Help Against Church Disruptions	4
Wiccan 5th Pastors	6
Public School News	6
Religion Losing Influence	6
Sexual Sin: Tension & Religion	7
Stats on Giving, Membership	7
Bakker Has New Message	7
Pastoring As Second Career	7
States Won't Fund Abortions	8
Scouts Can Bar Gay Leaders	8
Evangelism & Missions	
Rwandan War Kills Clergy	2
Uninvited Chinese Revival	2
World Cup Soccer Evangelism	3
Drug Company Prayer Network	3
Church Groups Meet in Pubs	3
Madrid Church Helps Addicts	3
Boasian Jews Evacuated	4
Missionaries Kidnapped	4
Messiah College Charismatics	5

PUBLISHER & PRESIDENT
Stephen M. Wu

SENIOR EDITOR
Lorraine M. Paine

EDITOR
Cheryl L. Johnson

MANAGING EDITOR
Mark R. Henry

SPECIAL CORRESPONDENT
Edward E. Freeman

Copyright

© 1994 Media Management
P.O. Box 21432, Norfolk, VA 24018-0145
Phone: 703-988-7800 FAX: 703-988-0189
Computer Mailbox: 71736.702

Subscriptions

U.S. & Canada: \$40/year (26 issues)
Overseas (Airmail): \$75/year. Single: \$10
Gift subscriptions: Send names and
addresses with payment to office

Brutal persecution of Protestants is increasing steadily in the former Soviet Union. A systematic "cleansing" of Protestants, similar to that experienced by all faiths under Stalin, could occur soon in the Commonwealth of Independent States, said Boris Perchatkin, an evangelical Christian and former Soviet dissident. As order breaks down in Russia and the surrounding republics, strongmen attached to the Muslim and Russian Orthodox establishments are filling the power void, Perchatkin told Baptist Press. In February, the Russian Army formed an alliance with a million-member military organization with historical roots in the Cossack people. The groups pledged loyalty to Russian Orthodoxy and war against Protestants, he said. The danger to foreign missionaries is great in Cossack areas, Perchatkin told NIRR. Protestantism is seen as a American plan to interfere, with the sinister motive of stealing Russia from the Russians.

The worldwide euphoria in recent years over Russia's freedom is fading, he said. "One and a half years ago, I myself didn't believe this was going on," Perchatkin told BP. But as his organization, the Russian American Institute for Adaptation, uncovers increasing evidence of persecution, "this horrible picture is forming. We have a very short time."

Many Russian Christians fear for their lives and thousands are ready to leave, Perchatkin warned U.S. congressmen, advisers to President Clinton, and State Department officials. He brought signatures of 700 Protestant families -- mostly Baptist, Pentecostal, and Seventh-Day Adventist -- who he said would leave immediately if Western nations would take them. Some fear their own violent death after hearing for months of

kidnappings, tortures, murders, lynchings, and threats. Perchatkin told NIRR that many of these people will not pick up a weapon in self-defense because of their faith.

Evidence of atrocities -- including personal testimonies and photographs -- helps document the persecution so Christians can enter the United States. The evidence is gathered by Perchatkin's group, which is based in Portland, Ore., and employs six full-time workers in Moscow, including former Catholic dissident Valery Sanderov. Former Orthodox dissident Gileh Yakunin (NIRR 11/29/93) is a consultant. In addition to evidence of persecution however, current U.S. law requires that refugees have a close relative in this country, effectively closing the door to many, Perchatkin said. Some 30,000 Russian immigrants entered the United States from 1988 to 1990, while the same number have been admitted during the past four years, Perchatkin said officials still allow eight Jewish immigrants to every two non-Jewish ones.

The need for trained pastors in the former Soviet Union has prompted Regent University to establish the Institute of Leadership Training this fall. Its six-month courses in Kiev, Ukraine, will teach some 300 Christian leaders from the C.I.S., said Carolyn Hedgpeth, Regent adjunct professor and institute principal.

CBN has compiled a database of the more than 5,000 people who respond weekly to its broadcasts to the C.I.S. Since beginning its work there, the Christian Broadcasting Network has seen some 10 million responses, Hedgpeth told NIRR. The Association of International Mission Services, led by Regent professor

1994 г. Доклад о положении религиозной свободы в бывшем СССР

1999 г. Беседа в госкомиссии, обсуждение религиозной свободы в бывшем СССР и иммиграции по религиозным мотивам

Сын Олег, за два месяца перед гибелью